

Дрю Карпишин Восхождение

Аннотация

Доктор Кали Сандерс оставила службу в Альянсе ради проекта «Восхождение» — программы, призванной помочь детям, обладающим даром «биотики», развить свои невероятные способности. Самые большие надежды связывались с двенадцатилетней девочкой по имени Джиллиан Грейсон, страдающей аутизмом. Но одаренный ребенок оказался пешкой в руках преступной группировки «Цербер», проводящей над учениками незаконные эксперименты.

Когда планы «Цербера» раскрываются, отец Джиллиан забирает ее из проекта «Восхождение». Кали отправляется с ними... даже не подозревая, что Грейсон на самом деле и сам работает на «Цербер». Чтобы спасти девочку, Кали приходится совершить путешествие к самому краю галактики, сразиться с беспощадными врагами и преодолеть невероятные опасности. Но можно ли спасти дочь от отца?

Дрю Карпишин Восхождение

МОЕЙ ЖЕНЕ ДЖЕННИФЕР

Ты никогда не ворчала на меня по поводу стирки, пока я страдал от творческих мук. Ты никогда не огорчалась, если я забывал помыть посуду, никогда не раздражалась, если я забывал помочь тебе в работе по дому. Ты всегда была рядом, чтобы прочитать все, написанное мной, всегда выслушивала мои разглагольствования о безумных надеждах и нескончаемых опасениях. Даже в тех случаях, если я будил тебя посреди ночи. Все, что ты сделала, чтобы помочь и поддержать меня, делает тебя совершенно особенной. И потому я

тебя люблю.

Создание творческого произведения такой глубины и масштаба, как «Mass Effect», требующее грандиозных усилий, было бы попросту невозможно без поддержки моих друзей и сотрудников по «Bio Ware».

В частности, хочу поблагодарить Кейси Хадсона и Престона Ватаманиука за их помощь в определении общих очертаний произведения, а также не могу не упомянуть всех авторов, кто работал над этим проектом: Криса Л'Этуалю (нашего бессменного технического эксперта и научного гуру), Люка Кристиансена, Мака Вальтерса, Патрика Вика и Майка Лейдлоу.

Я также хочу выразить свою благодарность Кейту Клейтону, моему редактору из «Del Rey», за все его труды ради того, чтобы в самые сжатые сроки моя повесть стала еще лучше.

Моя книга не могла бы появиться на свет без вклада всех этих людей, и я высоко ценю все, что они для меня сделали.

ПРОЛОГ

Новостной блок представлял собой сплошную череду картин смерти и разрушений, оставленных нападением Сэрена на Цитадель. Когда сражение стихло, коридоры Залов Совета оказались завалены лежащими вперемешку телами гетов и защитников базы. От значительной части Президиума не осталось ничего, кроме груд оплавленного, перекрученного металла. В облаках туманности Змея беспомощно кружили выгоревшие, почерневшие остовы кораблей, некогда входивших во флотилию Цитадели, — рукотворный пояс астероидов, рожденный в беспощадном кровопролитии.

Невидимка отрешенно следил за происходящим на экране с холодным равнодушием. На величественной космической станции уже начались восстановительные работы, но последствия бойни не ограничивались одним лишь материальным ущербом. В течение нескольких недель, прошедших после разрушительного нападения гетов, каждое крупное информационное агентство в этой галактике только и делало, что обсуждало прежде немыслимые, потрясающие воображение события.

Эта война потрясла до основания все правящие силы галактики, раз и навсегда избавив их от наивного чувства полной безопасности. Цитадель — крепость Совета и символ его неоспоримого могущества — разве что по случайности не была захвачена врагом. Потери исчислялись десятками тысяч жизней; все кресла Совета пустовали.

Но там, где остальные видели лишь трагедию, Невидимка замечал новые возможности. Он понимал, и возможно, лучше, чем кто бы то ни было, что неожиданное осознание обитателями галактики собственной уязвимости может сыграть на руку человечеству. И именно это делало его особенным; он был крайне проницателен.

Когда-то Невидимка ничем не выделялся из толпы. Его так же, как и всех остальных людей, охватило ощущение чуда, когда на Марсе были обнаружены протеанские руины. Как и все, он напряженно всматривался в экран телевизора, когда люди вступили в первый кровопролитный конфликт с инопланетной разумной расой. Тогда он был вполне заурядной личностью, с обычной работой, и вел ничем не примечательную жизнь. И у него даже имелось имя.

С тех пор все переменилось. Суровая необходимость заставила его полностью отказаться от старых привычек. Он стал Невидимкой, отбросив в погоне за великой целью все ненужное. Быть может, человечеству и удалось вырваться из железных оков земной гравитации, но лица Бога люди так и не увидели. Вместо этого они нашли процветающее галактическое сообщество — десятки рас населяли сотни солнечных систем и тысячи планет. Новоприбывшим пришлось стремительно включаться в межзвездную политику. Человечество должно было приспособиться и эволюционировать, чтобы выжить.

На Альянс рассчитывать было нельзя. Раздутый до предела чиновничий аппарат и

многочисленные военные группировки делали Альянс слишком неповоротливым и грубым инструментом, отягощенным законами, соглашениями и неподъемным грузом общественного мнения. Лебезя и угождая всевозможным чуждым расам, эти бюрократы не могли — или не хотели — принимать жесткие решения, способные направить человечество к великим свершениям.

Люди Земли нуждались в ком-то, кто взялся бы отстаивать их права. Им были нужны патриоты и герои, готовые пойти на жертвы, необходимые для того, чтобы возвысить человечество над всеми соперниками. Для этого требовался «Цербер», а «Цербер» не мог существовать без Невидимки.

Обладая проницательностью, тот все понимал и сам. Без «Цербера» человечество было обречено на роль раболепной прислуги, пресмыкающейся в ногах инопланетных хозяев. И все же то, чем он занимался, многие могли бы назвать преступным. Неэтичным. Аморальным. Что ж, история их рассудит, а пока ему и его последователям приходилось вести скрытную жизнь и идти к своей цели в условиях абсолютной секретности.

Изображение на экране сменилось, и зрители увидели перед собой лицо командора Шепарда. Первый человек, заслуживший статус Спектра, он внес неоценимый вклад в дело борьбы с Сэреном и гетами, — во всяком случае, так утверждали официальные источники.

Невидимку интересовало, сколь многое умалчивается этими самыми «официальными источниками». Взять хотя бы то, что в нападении на Совет участвовала не только армия гетов, возглавляемая мятежным турианским Спектром. Был еще и «Повелитель» — восхитительный корабль Сэрена. В новостях говорили, что это судно было создано гетами, но только слепой или глупец мог принять подобное объяснение. Было очевидно, что ни одна из известных рас не могла создать нечто настолько технологически превосходящее любой другой корабль в галактике и способное противостоять объединенной мощи флотилий Альянса и Совета.

И столь же очевидным было то, что власти не хотят, чтобы население узнало всю правду о трагедии.

Они явно старались не допустить паники, искажая факты, жонглируя ими и одновременно уничтожая последние очаги сопротивления гетов в пространстве, контролируемом Советом. Но у «Цербера» были свои люди в Альянсе. Весьма высокопоставленные. Со временем в руки Невидимки попадут все тайные подробности о нападении. Быть может, пройдут недели или даже месяцы, прежде чем ему станет известна истина. Но он умел ждать. Он был терпеливым человеком.

И все же одного он отрицать не мог ему довелось жить в интересные времена. В течение последнего десятилетия три расы, восседавшие в Совете, — сариане, туриане и асари — делали все возможное, чтобы держать человечество в узде, и захлопывали перед людьми одну дверь за другой. Теперь же все двери были снесены с петель. Войска Цитадели истощили сражения с гетами, что делало флот Альянса самой могучей силой в галактике. И даже сам Совет, сохранявший неизменность состава в течение последнего тысячелетия, был вынужден пойти на радикальный пересмотр своей структуры.

Некоторые даже полагали, что это означает конец тирании инопланетного триумvirата и начало ничем не сдерживаемого восхождения человечества. Но Невидимка понимал, что удержать власть куда сложнее, чем обрести ее. Какие бы политические выгоды ни обрел за это время Альянс, все они будут в лучшем случае временными. Капля за каплей подвиги Шепарда и героизм человеческих экипажей начнут тускнеть в памяти чужаков. Постепенно благодарственная и восторженная риторика чужих правительств вновь сменится подозрительностью и неприязнью.

Тем временем остальные расы восстановят свои флоты. И неизбежно опять возжелают власти и пойдут на все, чтобы подняться выше и потеснить человечество.

Конечно, сейчас люди сделали решительный шаг вперед, но путь им еще предстоял не близкий. И на этом пути, ведущем к галактическому господству, им предстояло одержать верх во многих и многих битвах на всевозможных фронтах.

Нападение на Цитадель стало лишь одним из кусочков огромной головоломки, но Невидимка не сомневался, что тот ляжет на свое место, когда придет время. Сейчас у него имелись и более срочные заботы; все его помыслы устремлялись вдаль. Будучи проницательным человеком, он понимал, что необходимо всегда продумывать и запасной план. Также он знал, когда следует выжидать, а когда — рваться вперед. И сегодня пришло время для последнего — пришло время обратиться к агенту, внедренному в проект «Восхождение».

ГЛАВА 1

Поль Грейсон не любил сны. Он помнил, что в молодые годы мог безмятежно проспать целую ночь напролет. Но те счастливые времена давно ушли в прошлое.

Полет продолжался уже два часа; до прибытия к месту назначения оставалось еще четыре. Грейсон проверил состояние корабельных двигателей и масс-привода, затем, уже в четвертый раз за последний час, посмотрел на навигационные экраны, чтобы удостовериться: курс проложен правильно. Честно говоря, больше ничего от него как от пилота и не требовалось. Во время сверхсветового путешествия корабль полностью вела автоматика.

Да, Грейсон теперь спал не каждую ночь, а только через раз. Быть может, всему виной приближающаяся старость... или последствия красного песка, который он время от времени употреблял. Или просто чувство вины. У салириан есть пословица: «Не отдыхает разум, секретов полон».

Он пытался отвлечься, проверяя и перепроверяя состояние систем, — только бы не думать о том, что должно было произойти. Осознание собственных страхов и злость позволяли ему — а точнее, заставляли его — бороться. Справляться с ситуацией. Он сделал глубокий вдох, собираясь с силами, и сердце бешено забилося, когда пилот медленно поднялся из кресла. Смысла откладывать на потом не было никакого. Время пришло.

На каком-то уровне он всегда понимал, когда приходит сон. На все вокруг опускался странный туман, мутная пелена, обесцвечивавшая и приглушавшая фальшивую реальность. И все-таки даже сквозь этот «фильтр» отчетливо проступали отдельные элементы, и самые мельчайшие их детали навечно отпечатывались в его дремлющем сознании. Конечно, на них накладывали след сюрреалистические образы снов, но это придавало конечной картине лишь больше жизни и глубины, чем мог дать реальный мир.

Мягкий ковер заглушил звуки шагов Грейсона, когда тот покинул кабину пилота и направился к пассажирскому отсеку. Два из четырех стоявших там кресел уже заняли Пэл и Кео. Они сидели друг напротив друга в разных углах. Пэл был могучим, широкоплечим мужчиной с оливковой кожей. Его волосы были заплетены в тугие африканские косички, а подбородок украшал узкий клин черной бороды. Не поднимаясь со своего места, он повернул голову к Грейсону, вошедшему в каюту. Пэл слегка покачивался взад-вперед в такт раздававшейся из его наушников музыки. Пальцы мужчины постукивали по колену, и темная ткань костюмных брюк приглушенно отзывалась на прикосновения идеально ухоженных ногтей. Галстук был по-прежнему туго затянут, но Пэл уже расстегнул пиджак и убрал в нагрудный карман солнцезащитные очки. Глаза его были чуть прикрыты; казалось, будто он полностью растворяется в ритмах музыки, — мирный, спокойный образ, совершенно не вяжущийся с его репутацией одного из лучших телохранителей из «Терра Фирмы».

Кео была облачена точно в такой же костюм, как и ее напарник, но ей не доставало физической внушительности, какую обычно ожидаешь от человека ее профессии. Женщина была на добрый фут ниже Пэла, и весила, наверное, раза в два меньше, но тугие мышцы выдавали, что силой она далеко не обделена.

Ее подлинный возраст трудно было определить, но Грейсон знал, что ей не менее сорока лет. Прогресс, достигнутый человечеством в сферах лекарственной и генной терапии, позволил снизить скорость старения, так что не было ничего необычного в том, что человек

и в пятьдесят лет выглядел на тридцать. И необычный облик Кео также мешал понять, насколько она стара или молода. Белая, цвета мела, кожа делала ее похожей на привидение, а серебристые волосы были подстрижены достаточно коротко, чтобы из-под них проблескивала болезненная, белесая плоть.

Межнациональные браки, ставшие нормой на Земле в последние два века, привели к тому, что белая кожа стала крайне редким явлением, и Грейсон подозревал, что причиной странной внешности Кео является врожденная нехватка пигмента, которую она не захотела исправлять, но было более чем вероятно и то, что эта женщина специально осветляла свою кожу. В конце концов, работа требовала от Кео всегда оставаться заметной: пусть люди видят, что она находится на посту, и пусть дважды подумают, прежде чем сотворить какую-нибудь глупость. Удивительный внешний вид не позволял ей затеряться в толпе.

Поначалу Кео сидела спиной к Грейсону, но, когда тот вошел в каюту, резко развернулась в кресле. Она казалась напряженной, взвинченной, готовой ко всему — полная противоположность легкой беспечности Пэла. В отличие от своего напарника, она, казалось, не была способна расслабиться даже в самой располагающей к тому обстановке.

— Что случилось? — требовательно спросила она, окидывая пилота подозрительным взглядом.

Грейсон застыл на месте и вскинул перед собой открытые ладони так, что те оказались на уровне плеч.

— Просто захотелось попить, — заверил он.

Все его тело переполняло нервное предвкушение, и в кончиках пальцев возник характерный зуд.

Но пилот соблюдал осторожность, и его голос не выдал ничего.

Этот конкретный сон стал уже слишком привычным. За последние десять лет Грейсон сотни, если не тысячи раз повторял свое первое убийство. Конечно, были и другие задания — другие смерти. Во имя высшей цели ему пришлось забрать многие и многие жизни. Спасение человечества — а также его возвышение над всеми прочими видами — требовало жертв. Но из всех жертв, из всех прерванных жизней, из всех выполненных поручений ему чаще всего грезилось именно это.

Решив, что пилот не представляет непосредственной опасности, Кео отвернулась и вновь откинулась на спинку кресла, хотя и была по-прежнему готова отреагировать на любую, даже самую незначительную угрозу.

Грейсон прошел мимо, направляясь к небольшому холодильнику, стоящему в углу пассажирской каюты. Пилот тяжело сглотнул — его горло настолько пересохло, что уже начинало саднить. Ему даже показалось, что уши женщины-телохранителя дернулись, реагируя на звук.

Краем глаза Грейсон заметил, что Пэл снимает наушники и небрежно бросает их на кресло, поднимаясь и потягиваясь.

— Долго еще до посадки? — спросил громила, одновременно пытаясь справиться с зевком.

— Четыре часа, — ответил Грейсон, открывая холодильник и приступая к изучению его содержимого. И стараясь дышать спокойно и ровно.

— Ничего такого? — Пэл наблюдал за тем, как пилот роется в замороженных продуктах.

— Все четко по расписанию, — отозвался тот, подхватывая левой рукой бутылку с водой, в то время как правая уже сжималась на рукоятке длинного и тонкого зазубренного ножа, спрятанного им в морозилке еще перед полетом.

Даже понимая, что все это только сон, Грейсон был не в силах что-либо изменить. События разворачивались без изменений и вариаций. Сам он оказался в роли пассивного наблюдателя, вынужденного смотреть, как все раз за разом происходит по единому сценарию. Его подсознание не позволяло ему изменять собственное прошлое.

— Пожалуй, пойду проверю нашу спящую красавицу, — беззаботно произнес Пэл

ключевую фразу.

Теперь пути назад уже не было.

Кроме них, на борту имелся еще один пассажир — Клод Менне, один из наиболее высокопоставленных членов политической партии «Терра Фирма». Крайне богатый и могущественный, это был весьма харизматичный, хотя и не всеми обожаемый, общественный деятель; только персона такого уровня могла позволить себе содержать собственный межзвездный корабль вместе с пилотом и парой постоянных телохранителей, сопровождавших его в частых поездках.

По давно заведенной привычке Менне заперся в личной каюте сразу же после старта. Там политик отдыхал и готовился предстать перед публикой. Буквально через несколько часов их корабль должен был совершить запланированную посадку на космодроме Шанкси, где Менне собирался обратиться к восторженной толпе сторонников «Терра Фирмы».

В результате скандала, связанного с «Нашан Интерстеллар Динамикс», Инез Симмонс была вынуждена уйти с поста руководителя партии. Было очевидно, что руль «Терра Фирмы» примет либо Менне, либо Чарльз Сарацино. И оба регулярно наносили визиты в многочисленные человеческие колонии, стараясь заручиться их поддержкой.

Сейчас Менне обходил своего соперника на целых три пункта. Но вскоре все должно было перемениться.

Невидимка желал, чтобы победил Сарацино, — Невидимка всегда получал что хотел.

Грейсон распрямился, пряча нож за бутылкой с водой на тот случай, если Кео посмотрит в сторону холодильника. К облегчению пилота, женщина все так же сидела в кресле, отвернувшись от него. Все ее внимание было сосредоточено на спине Пэла, который легкими, размашистыми шагами направлялся к выделенной каюте на корме корабля.

Левая ладонь Грейсона стала холодной и мокрой из-за конденсата, выступившего на бутылке с водой. Правая, прочно сжимавшая рукоять оружия, также взмокла... от горячего пота. Пилот бесшумно приблизился к Кео, ее обнаженная, незащищенная шея оказалась буквально в паре дюймов от него.

Пэл ни за что не смог бы настолько близко подобраться к ней, не вызвав подозрения. Хотя они и проработали вместе почти полгода, охраняя Менне, она по-прежнему не доверяла до конца своему напарнику. Пэл раньше был наемником, профессиональным убийцей с темным прошлым. Так что Кео хоть и вполглаза, но всегда присматривала за ним. Вот почему разобраться с ней предстояло Грейсону. Быть может, она ему и не доверяла — Кео вообще никому не доверяла, — зато и не следила за каждым его шагом.

Он переместил оружие в ладони, сделал глубокий вдох и ударил острием снизу вверх, метя в мягкий участок сразу за ухом Кео. Ее смерть должна была стать быстрой и чистой. Но задержка, пусть и на долю мгновения, не прошла даром: женщина успела почувствовать опасность. Инстинкт выживания, отточенный в бесчисленных сражениях, заставил ее выпрыгнуть из кресла и развернуться лицом к противнику, хотя нож уже вонзился в цель. Невероятные рефлексy Кео спасли ее от мгновенной смерти; лезвие, вместо того чтобы легко войти в ее мозг, глубоко погрузилось в шею и застряло.

Грейсон почувствовал, как рукоятка выскользывает из его вспотевшей ладони, и попятился от своей жертвы. Он остановился лишь тогда, когда налетел спиной на стену возле крошечного холодильника; дальше отступать было некуда. Кео уже стояла на ногах, взирая на него поверх кресла. В ее глазах он видел холодную решимость и собственную неминуемую смерть. Лишившись элемента неожиданности, Грейсон ничего не мог противопоставить ее многолетним боевым тренировкам. Кроме того, он лишился и оружия — его нож, слегка покачиваясь, все так же торчал из шеи женщины.

Не прикасаясь к пистолету в набедренной кобуре — стрелять внутри пассажирской яхты было слишком рискованно, — она сорвала с пояса короткий, зловеще выглядевший кинжал и перепрыгнула через кресло, отделявшее ее от Грейсона.

И это была серьезная ошибка. То, что пилот не сумел как следует направить свой первый удар, выдавало его неопытность. И Кео недооценила его; она бросилась в атаку с

излишней поспешностью, стремясь как можно быстрее закончить бой, вместо того чтобы перейти к обороне или попытаться осторожно обойти. Допущенная ею тактическая оплошность дала Грейсону лишнее мгновение, чтобы вновь прийти в движение.

В ту же секунду, как ее ноги оторвались от палубы, пилот устремился вперед. В прыжке Кео уже не могла ни сбавить скорость, ни увернуться, и они врезались друг в друга, рухнув на пол. Грейсон ощутил, как кинжал рассекает его плечо, но крошечной женщине не хватило пространства для размаха, и рана оказалась поверхностной.

Кео ударила ногами и попыталась откатиться, чтобы оторваться от противника. Высвободившись, она смогла бы вновь обрести преимущество благодаря своей потрясающей быстроте и скорости реакции. Грейсон даже не пытался ее останавливать. Вместо этого он схватился за рукоять ножа, по-прежнему торчавшего из ее шеи.

Одним длинным, плавным движением пилот выдернул оружие, пока Кео вскакивала на ноги.

Как только клинок высвободился, из раны ударил алый фонтан. Зазубренное лезвие вспорол сонную артерию. На лице Кео еще успело проступить изумленно-недоверчивое выражение, а затем ее мозг лишился кровоснабжения, и женщина рухнула под ноги Грейсону.

Он почувствовал, что его лицо и руки вымазаны чем-то теплым и липким, и повалился на колени, едва сдерживая рвотные позывы. Пилот пытался от мертвого тела, пока вновь не уперся спиной в стену возле холодильника. Из раны на шее Кео продолжала вытекать кровь, но ее поток слабел с каждым ударом все еще бившегося сердца. А когда остановилось и оно, алая река пересохла, превратившись в тонкий, но ровный ручеек.

Не прошло и минуты, как из каюты на корме корабля вышел Пэл. Он приподнял бровь, оглядывая покрытого кровью Грейсона, но ничего не сказал. Двигаясь все с тем же неторопливым спокойствием, он приблизился к лежавшему на полу телу Кео и, стараясь не запачкать ботинки в крови, проверил ее пульс. Удовлетворенно кивнув, он поднялся и вернулся к тому креслу, где отдыхал ранее.

— Хорошая работа, господин Убийца, — с мягкой усмешкой произнес он.

Грейсон стоял, все так же прислонившись к стене. Он неподвижно наблюдал за тем, как из тела Кео стремительно утекают последние капли жизни. Его странным образом заворожило это отвратительное зрелище.

— Менне мертв? — спросил он.

Глупый вопрос, но адреналиновый раж от первого убийства уже спадал, и его сменила тупая усталость.

— Ну, кровищи там поменьше будет, — кивнул Пэл. — Мне больше нравится, когда покойники выглядят аккуратно.

Наемник протянул руку к наушникам, лежавшим на его кресле.

— Разве мы не должны убрать кровь?

— Незачем, — ответил Пэл, включая музыку. — Как только мы встретимся с остальной группой, они отправят эту посудину к ближайшему солнцу.

— И еще, — добавил великан спустя некоторое время, раскачиваясь в такт бьющему в наушниках ритму, — не забудь забрать свой трофей.

Грейсон с трудом сглотнул и пришел в движение. Он заставил себя отделиться от стены и подошел к Кео. Та лежала на боку, и до ее пистолета было легко дотянуться. Пилот протянул к оружию дрожащую руку...

Сон всегда обрывался на одном и том же месте. И каждый раз, когда Грейсон вскакивал в постели, его сердце бешено колотилось, все мускулы сводило судорогой, а ладони были мокрыми от пота.

Он не знал тогда — да и сейчас не понимал, — зачем потребовалось убивать Менне. Ему было известно лишь то, что эта смерть послужила какому-то высшему благу. И этого ему хватало. Он был фанатично и безоговорочно предан «Церберу» и его лидеру. Когда Невидимка отдавал приказы, Грейсон исполнял их без лишних вопросов.

Если не считать незначительной оплошности, из-за которой Кео не погибла сразу, первое поручение было выполнено Грейсоном без сучка без задоринки. Группа поддержки встретила их в запланированной точке и помогла избавиться и от корабля Менне, и от трупов. Вокруг исчезновения этого видного политика еще долго строились всевозможные версии и гипотезы, но никто так и не нашел никаких улик.

Поскольку главный претендент вышел из гонки, главой «Терра Фирмы» стал Чарльз Сарацино, хотя даже посвященные могли лишь догадываться, какие планы строил Невидимка.

Успешность операции произвела впечатление на начальство из «Цербера», и в последующее десятилетие Грейсон неоднократно выполнял задания организации.

Но все закончилось, как только Джиллиан приняли в проект «Восхождение».

Поль не любил вспоминать о Джиллиан. Во всяком случае, не сидя в одиночестве среди давящей темноты своей пустой комнаты. Он постарался вытряхнуть из головы воспоминание о лице этой девочки, перевернулся на другой бок в надежде снова уснуть... и застыл, услышав тихий шум из-за двери спальни. Он напряг слух и различил голоса, доносящиеся из соседней комнаты его крошечной квартиры. Возможно, он просто забыл выключить телевизор, когда в полном изнеможении повалился в постель? Возможно, но маловероятно.

Он бесшумно выскользнул из кровати, сбросив на пол грудку скомканного белья. Его худощавое тело, облаченное лишь в трусы, заметно дрожало на холодном сквозняке, когда он осторожно открывал ящик тумбочки и вытаскивал свой пистолет. Точнее, пистолет Кео, поправил он сам себя, вновь вспоминая о своем первом убийстве.

Вооружившись, он босиком пересек спальню и выглянул в приоткрытую дверь. В гостиной было темно, но Грейсон видел мерцание экрана. Пригибаясь, чтобы не попасть под огонь незваного визитера, мужчина вошел в комнату.

— Брось пушку, Убийца, — окликнул его голос Пэла. — Это всего лишь я.

Чертыхнувшись себе под нос, Грейсон распрямился и направился к непрошеному гостю.

Пэл расположился на мягком диване перед экраном телевизора, настроенного на один из новостных каналов. За последние десять лет наемник несколько прибавил в весе, хотя и оставался все таким же накачанным. Но теперь в его облике появилась некоторая мягкость, свойственная людям, привычным к роскошной, не отягощенной муками совести жизни.

— Господи Иисусе, выглядишь паршивее некуда, — произнес Пэл, когда Грейсон вышел на свет. — Прекращай спускать бабло на красный песок и купи себе наконец нормальной жвачки.

С этими словами он толкнул ногой небольшой кофейный столик, стоявший посреди комнаты. Грейсон слишком устал этим вечером, чтобы перед сном прятать зеркальце, бритву и крошечный пакетик с красным песком.

— Это помогает мне заснуть, — пробормотал хозяин квартиры.

— Так и мучат кошмары? — спросил Пэл, и в его голосе прозвучала издевка.

— Сны, — ответил Грейсон. — О Кео.

— Да, она мне тоже пару раз снилась, — криво усмехаясь, заметил Пэл. — Всегда было любопытно, как она будет смотреться в койке.

Грейсон швырнул пистолет на столик с наркотиками и плюхнулся в кресло, стоявшее напротив дивана. Трудно было понять, шутит Пэл или нет. С этим человеком ни в чем нельзя было быть уверенным.

Поль бросил взгляд на экран. Сейчас тот демонстрировал картины недавно восстановленной Цитадели.

Еще пару месяцев назад все СМИ только и говорили что о нападении на крепость Совета. Но со временем потрясение и ужас начали тускнеть в памяти обитателей галактики. Жизнь постепенно возвращалась в прежнее русло, теснимая обыденностью со всех сторон. И люди, и представители иных рас были вынуждены вновь обратиться к привычным делам: работе, учебе, заботам о семьях, друзьям. Для рядовых граждан ничего не изменилось.

Происшествие порой еще всплывало в новостях, но теперь оно по-настоящему волновало разве что ученых мужей да политиканов. На экране появились лица политических обозревателей — посол асари, дипломат от волюсов и ушедший в отставку салирианский сотрудник национальной безопасности. Они с ходу бросились обсуждать предвыборные пляски многочисленных кандидатов, которых человечество пыталось пропихнуть в Совет.

— Как думаешь, шеф способен повлиять на эти выборы? — спросил Грейсон, кивая в сторону экрана.

— Все может быть, — неопределенно ответил Пэл. — Ему не впервой влезать в большую политику.

— А ты никогда не задумывался, зачем ему понадобилась гибель Менне? — Вопрос слетел с губ Грейсона прежде, чем он успел понять, что говорит.

Пэл безразлично пожал плечами, хотя его глаза и приняли настороженное выражение.

— На то может быть масса причин. Так что я не задаюсь подобными вопросами. И тебе не советую.

— Полагаешь, мы должны слепо подчиняться?

— Я просто знаю, что с тем делом покончено и не в наших силах что-либо изменить. Мы не можем себе позволить жить прошлым. Слишком задумываясь о нем, становишься слабым.

— У меня все под контролем, — заверил Грейсон.

— Оно и видно, — фыркнул Пэл, кивая в сторону красного песка, рассыпанного по столику.

— Может, объяснишь, зачем пожаловал? — устало произнес Поль.

— Шеф желает, чтобы девчонке всадили еще одну дозу.

— У девчонки есть имя, — проворчал Грейсон. — Ее зовут Джиллиан.

Пэл вначале распрямился, а затем подался вперед, упирая руки в бедра, и раздраженно потряс головой:

— Плевать мне, как ее зовут. Имена вызывают привязанность. А привязанности приводят к неразберихе. Девчонка для меня не личность — просто факт внедрения. И у меня не будет лишних терзаний, если Невидимка решит, что ее пора пустить в расход.

— Он так не решит, — возразил Грейсон. — Она слишком ценна.

— Только пока, — огрызнулся Пэл. — Но прикинь, вдруг кто-то решит, что сможет узнать много всего нового, если вскрыет ее черепушку и покопается в мозгах. Что случится тогда, а, Убийца?

Перед внутренним взором Грейсона встал образ тела Джиллиан, распростертого на хирургическом столе, но Поль не собирался попадаться на эту удочку.

Кроме того, он знал, что ничего подобного не произойдет. Они нуждались в Джиллиан.

— Я верен ему, как и прежде, — громко отрезал Грейсон, не желая продолжать спор. — И сделаю то, что нужно.

— Рад слышать, — ответил Пэл. — Неприятно было бы узнать, что ты размяк.

— Неужели ты здесь только за этим? — Грейсон должен был понять. — Неужели ты проделал путь от Пограничных Систем только для того, чтобы проверить меня?

— Знаешь, Убийца, ты больше не мой подчиненный, — заверил его Пэл. — Я просто пролетал мимо. Мне надо было разобраться с кое-какими делами на Земле, вот и вызвался попутно закинуть тебе вещички.

Гигант извлек из кармана плаща флакон, наполненный прозрачной жидкостью, и кинул Грейсону, ловко поймавшему его одной рукой. На стеклянной поверхности не было никаких этикеток, способных выдать назначение препарата или его происхождение.

Выполнив свою задачу, Пэл поднялся с дивана и приготовился уйти.

— Собираешься доложить о красном песке? — окликнул Грейсон, когда его бывший напарник подошел к двери.

— А мне-то что до этого? — бросил тот, даже не обернувшись. — Можешь хоть каждую ночь унюхиваться. Мне теперь предстоит встреча на Омеге. Уже завтра я по самые

ягодицы увязну в кознях инородцев.

— Это просто часть моего прикрытия, — обороняясь, добавил Грейсон. — Подходит типуажу опечаленного отца.

— Как скажешь, — махнул рукой Пэл, распахивая дверь. — Твое ведь задание.

Наемник вышел в коридор, а затем развернулся, чтобы предупредить:

— Не вздумай размякнуть, Убийца. Терпеть не могу убирать чужое дерьмо.

Дверь захлопнулась за спиной Пэла, лишая Грейсона возможности ответить.

— Этот сукин сын всегда оставляет последнее слово за собой, — пробормотал он.

Простонав, Поль заставил себя подняться с кресла и опустил флакон с прозрачной жидкостью на столик рядом с наркотиками, а затем неохотно побрел обратно в постель. К его глубокому облегчению, ночью он не видел иных снов, кроме как о своей дочери.

ГЛАВА 2

Кали Сандерс стремительным, уверенным шагом шла по коридорам Академии имени Джона Гриссома. Космическая станция, возведенная семь лет назад на орбите людской колонии Элизиум, была названа в честь легендарного контр-адмирала — первого человека, совершившего масс-переход и считавшегося одним из самых почитаемых и все еще живых героев Земли.

Кроме того, так уж вышло, что Гриссом приходился Кали отцом.

Тихо поскрипывая на ходу мягкими туфлями на полудюймовой танкетке, она вошла в спальное крыло. Полы ее лабораторного халата слегка развевались. Прошел уже почти час после ужина, и кадеты скрылись в своих комнатах, готовясь к завтрашним занятиям. В большинстве своем они запирали двери, но некоторые предпочитали оставлять их открытыми. И теперь обитатели таких комнат отрывались от экранов компьютеров и электронных книг, когда их внимание привлекали приближающиеся шаги. Многие студенты улыбались или кивали Кали, а двое парней даже энергично ей помахали. Для каждого она находила доброе слово.

Лишь немногие знали, что она дочь того самого Джона Гриссома, и ее связь с этим человеком (если можно было это так назвать) не имела никакого отношения к должности, занимаемой ею в Академии. Кали редко виделась с отцом; в последний раз они разговаривали более года тому назад. И каждая их встреча неизменно заканчивалась ссорой. Отставной контр-адмирал был не из тех людей, кого просто любить.

Годы Гриссома приближались уже к семидесятилетней отметке, и, в отличие от большинства людей в эпоху развитой медицины, он и в самом деле выглядел на свой возраст. Кали же было чуть более сорока, но на первый взгляд вы дали бы ей как минимум на десять лет меньше. Среднего роста и телосложения, она двигалась все с той же юношеской легкостью. Кожа ее была идеально гладкой, если не считать нескольких крошечных морщинок, собиравшихся в уголках глаз, когда женщина улыбалась или смеялась. Да и волосы ее сохраняли свой естественный светлый цвет. О седине в ближайшие тридцать лет Кали могла не беспокоиться.

На ее фоне отец выглядел глубоким стариком. Его разум — как и язык — оставался все таким же острым, но тело высохло и увяло. Кожа его пожелтела и стала жесткой, а глаза запали и устало взирали на мир. На лице ветерана оставили свой несмываемый след десятилетия непрекращающегося стресса и тягот, прилагавшихся к титулу живой легенды. Редкие волосы Гриссома стали практически белыми, и перемещался он теперь медленно, с отчетливо заметной старческой сутулостью.

Трудно было поверить, что этот человек и есть тот самый великий герой, о котором столько говорили в новостях и писали в учебниках истории. Кали часто задумывалась над тем, насколько намеренным стало такое преображение ее отца. Не было ли оно лишь фасадом, попыткой отгородиться от окружающих. Гриссом не желал своей славы и не испытывал ни малейшей радости от попыток сделать из него символ Земли и Альянса. Он

даже отказался присутствовать на церемонии открытия Академии имени себя и в последние семь лет раз за разом отклонял многочисленные приглашения от директоров этого учреждения, хотя оно и расположилось прямо на орбите планеты, ставшей его домом.

Возможно, это и к лучшему, решила про себя Кали. Пусть люди запомнят его таким, каким он был; прежний Гриссом куда лучше подходил на роль образца отваги и благородства, чем мизантропствующий старый осел. Кроме того, Кали специально старалась взять на себя как можно больше работы в Академии, только бы пореже встречаться с отцом.

Постаравшись выбросить неприятные мысли из головы, она приблизилась к цели своего путешествия. Остановившись, Кали постучала в закрытую дверь.

— Входите, — ответил ей раздраженный мальчишеский голос, и дверь распахнулась.

Ник лежал в кровати на спине, разглядывая потолок. Подростку было двенадцать лет, хотя для своего возраста он был удивительно маленьким. И все же что-то в его облике выдавало в нем скорее задиру, чем потенциальную жертву. Способствовали этому и витавшие вокруг него едва уловимые флюиды высокомерия и жестокости.

Кали вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. Ник упорно старался не замечать ее присутствия. На небольшом столике в углу помещения лежал закрытый учебный компьютер. Мальчик явно был очень раздражен.

— В чем дело, Ник? — спросила женщина, присаживаясь на край его кровати.

— Гендель посадил меня под замок на три недели! — неожиданно вскакивая, ответил он. Интонации выдавали предельное бешенство и возмущение. — Он даже запрещает поиграть в Сети!

Студенты Академии Гриссома ни в чем не испытывали недостатка, но, когда они начинали себя плохо вести, их могли лишить некоторых привилегий: доступа к играм в Экстранете, возможности просмотра любимых телепередач прямо в своих комнатах или прослушивания музыки. И Нику этот вид наказаний был знаком, как никому другому.

— Три недели — это целая вечность! — бушевал он. — Это несправедливо!

— Да, три недели и в самом деле срок немалый, — печально кивая, согласилась Кали, изо всех сил стараясь не позволить губам скривиться в усмешке. — И что же ты натворил?

— Ничего! — За этим словом последовала многозначительная пауза, и только потом мальчик продолжил: — Я только... ну... толкнул Сэшона.

Кали неодобрительно покачала головой, и улыбаться ей расхотелось.

— Ник, ты же знаешь, что это строго запрещено, — строгим тоном произнесла она.

Все студенты, обучавшиеся в Академии Гриссома, были отмечены каким-либо талантом: гении математики, потрясающие инженеры, изумительные художники, музыканты и композиторы мирового уровня. Но Кали работала только с теми, кого включили в проект «Восхождение» — программу, нацеленную на то, чтобы помочь детям с биотическими способностями раскрыть свой потенциал. После подключения к их нервной системе особых микроскопических усилителей, биотики обретали возможность преобразовывать электромагнитные импульсы мозга в поля масс-эффекта. В результате многолетних тренировок в техниках контроля сознания и обратной биологической связи они могли создавать поля достаточно мощные, чтобы оказывать значительное влияние на окружающий физический мир. Сильный биотик одним лишь напряжением воли мог поднимать, швырять, останавливать в полете тяжелые предметы и даже разрывать их на части. Учитывая потенциальную опасность, исходившую от этих людей, не было ничего удивительного в том, что строгие правила ограничивали использование студентами своих способностей где-либо, кроме особых площадок.

— Ты не ранил его?

— Да так... чуточку, — нехотя признался мальчик. — Он ударился коленом, когда упал. Пустяки.

— Это вовсе не пустяки, — отрезала Кали. — Ник, нельзя испытывать биотику на других детях. И ты прекрасно это понимаешь!

Как и все студенты его возрастной группы, включенные в проект «Восхождение», Ник

перенес процедуру имплантации чуть больше года назад. В большинстве своем дети еще только пытались получить доступ к каким бы то ни было новым возможностям, день за днем усердно тренируясь и занимаясь, чтобы научить свой организм управлять биотическими усилителями. В ближайшие пару лет для них было бы сложно даже ручку поднять на несколько дюймов над столом.

Ник осваивался куда быстрее. Первоначальная оценка потенциалов позволяла предположить, что со временем практически все ученики из его класса сравняются с ним по силам, а кто-то даже и превзойдет его. Но сейчас ни один сверстник не мог ему ничего противопоставить... Нику хватало мощи, чтобы отшвырнуть другого двенадцатилетнего подростка.

— Он первый начал, — защищаясь, запротестовал мальчик. — Он начал забавляться с моей обувью. И я только толкнул его. Разве я виноват, что у меня такой сильный дар?!

Кали вздохнула. Поведение Ника было вполне нормальным, но все же совершенно неприемлемым. Проект «Восхождение» ставил перед педагогами две задачи: во-первых, предельно развить потенциал биотиков и, во-вторых, что казалось женщине куда более важным, помочь им влиться в так называемое нормальное человеческое сообщество. Учащихся не только нагружали тренировками, но и заставляли осваивать всевозможные философские и нравственные дисциплины, способные помочь детям понять всю ответственность и обязательства, накладываемые на них талантом.

Нельзя было допустить, чтобы они выросли, считая себя особенными или хоть в чем-то лучше людей, лишенных биотических талантов. И именно воспитать их должным образом было сложнее всего.

— Сэшон ведь больше тебя, да? — немного подумав, заметила Кали.

— Все мальчишки больше меня, — проворчал Ник, закидывая ногу на ногу. Затем он повалился вперед и уперся локтями в кровать, а подбородок опустил на ладони, демонстрируя удивительную гибкость, свойственную всем детям.

— Скажи, до того как вы получили свои имплантаты, обижал ли он тебя? Быть может, он толкал тебя просто потому, что ты меньше его?

— Нет. — Ник закатил глаза, приготовившись к нравоучениям. — Это было бы неправильно. — Последнюю фразу он добавил покорным тоном, понимая, что именно это Кали и хотела услышать.

— То, что ты сильнее или лучше других в биотике, не дает тебе права творить все, что вздумается, — сказала воспитатель, хотя и догадывалась, что подросток слушает ее вполуха. И все-таки она питала надежду, что однажды до него дойдут ее слова. — Ты обладаешь особым даром, но это не повод причинять боль другим людям.

— Я понимаю, — признал мальчик. — Но это была просто случайность. И я уже извинился.

— Иногда одних извинений недостаточно, — объяснила Кали. — Вот потому Гендель и запер тебя.

— Но три недели — это же та-а-ак долго!

— Гендель — бывалый солдат, — пожала плечами женщина. — Он верит в пользу строгой дисциплины. А теперь давай проверим твои показатели.

Ник, оставаясь в прежней позе, наклонил голову ниже, обнажая шею. Кали протянула руку и осторожно коснулась его кожи чуть выше воротника и поморщилась, когда в кончик ее пальца ударила крошечная искра.

Мальчик слегка дернулся, хотя он и привык к этой процедуре куда больше, чем его воспитатель. Биотики часто били током: их тела вырабатывали статическое электричество так, словно они только и делали, что катались по ковру в шерстяных носках.

Двумя пальцами левой руки Кали оттянула кожу на его шее, а правой извлекла из кармана халата крошечную иголку. На ее кончике размещался едва заметный шарик передатчика.

— Готов? — спросила Кали.

— Готов, — произнес Ник, стискивая зубы, и женщина твердым, уверенным движением ввела иглу между двумя его позвонками.

Мальчик напрягся и тихо застонал, ощутив укол, а затем расслабился. Кали достала из другого кармана омни-инструмент и взглянула на его экран, чтобы убедиться, что данные поступают исправно.

— А вы тоже служили в армии? — поинтересовался Ник, все еще не разгибаясь.

Кали удивленно моргнула. Академия Гриссома была гражданским институтом. Конечно, финансирование осуществлялось Альянсом, но все старались делать вид, что это просто элитное учебное заведение, но не армейское училище. Родители могли посещать своих чад в любое удобное время, как и забрать их домой без объяснения причин. Охрану, надзор и снабжение обеспечивали люди в погонах, но в основной массе тренеры, ученые и академический состав были набраны из штатской среды. Это было крайне важно для проекта «Восхождение», поскольку позволяло подавлять слухи, будто Альянс пытается превратить обычных детей в биотических суперсолдат.

— Когда-то я служила в Альянсе, — призналась Кали. — Но ушла в отставку.

Гениальный программист, специализирующийся в вопросах синтетического и искусственного интеллекта, она поступила на службу, когда ей было двадцать два года, вскоре после того, как умерла ее мать. Еще четырнадцать лет она провела, участвуя в многочисленных сверхсекретных проектах, прежде чем вернуться к обычной жизни. Затем некоторый срок отработала в качестве независимого эксперта для корпораций, завоевывая репутацию одного из лучших специалистов в своей области. И вот каких-то пять лет тому назад она получила от совета директоров Академии Гриссома выгодное предложение, касавшееся проекта «Восхождение».

— Я догадался, что вы были в армии, — чуточку самодовольно произнес Ник, — Вы ведете себя так, словно всегда готовитесь к бою. Как и Гендель.

Это признание ошеломило ее. Да, она прошла базовую боевую подготовку, обязательную для любого сотрудника Альянса. Но Кали и представить себе не могла, что что-то может выдать ее родство с таким закаленным в сражениях ветераном, как Гендель. В армии она в основном трудилась внутри защищенных лабораторий, в окружении лишь других ученых да компьютеров. И никогда не видела настоящего боя... если не считать того дня, напомнило ее сознание, когда она помогла Андерсону уничтожить крогановского Боевого Мастера.

Но она старалась не думать о тех временах. Ей было неприятно вспоминать о происшествии на Сидоне и последовавших за ним событиях — слишком многих друзей Кали потеряла тогда. Но лицо Сэрена, с завидной регулярностью возникавшее в новостных сводках уже который месяц, не позволяло так просто обо всем забыть. И всякий раз, видя кадры нападения «Повелителя» на Цитадель, она невольно задумывалась о том, существовала ли какая-то взаимосвязь между незаконными исследованиями, проводимыми доктором Шу Кианом, и огромным кораблем Сэрена, возглавившим нападение гетов.

— Мисс Сандерс? По-моему, мы уже закончили.

Голос Ника вырвал ее из размышлений. Передатчик, введенный в тело мальчика, настойчиво попискивал.

— Прости, Ник, — пробормотала Кали, извлекая иглу.

Подросток распрямился, потирая шею.

Женщина снова спрятала щуп и сверилась с показаниями омни-инструмента, убеждаясь, что получила все необходимые данные. Именно они и составляли основную часть ее работы в проекте «Восхождение». Новейшие биотические имплантаты, получившие общее обозначение L4, управлялись сетью процессоров виртуального интеллекта. Микросхемы шестого поколения, отслеживая мозговую активность биотика, изучали мыслительные шаблоны своего хозяина и приспосабливались под них, чтобы максимально развить его потенциал.

Анализируя данные, полученные от этих устройств, Кали и ее коллеги могли вносить

тончайшие изменения в работу процессоров, настраивая систему усилителей под конкретного носителя, и повышать результативность. Тесты уже сейчас показывали повышение биотических показателей на десять-пятнадцать процентов у подавляющего большинства испытуемых при отсутствии каких-либо заметных побочных эффектов. Но все же их успехи в области биотических исследований казались просто ничтожными по сравнению с тем, чего реально можно было добиться.

Ник откинулся на спину, утомленный болезненной процедурой.

— Я становлюсь сильнее, да? — тихо спросил он, едва заметно улыбаясь.

— Вряд ли я смогу это сказать, опираясь лишь на эти показатели, — сказала Кали, уходя от ответа. — Мне надо вернуться в лабораторию и произвести необходимые расчеты.

— Думаю, я все-таки становлюсь сильнее, — уверенно произнес мальчик, закрывая глаза.

Немного встревоженная этим последним заявлением, она слегка потрепала его по ноге и поднялась.

— Тебе надо отдохнуть, Ник, — сказала Кали, выходя.

ГЛАВА 3

Захлопнув за собой дверь комнаты Ника, Кали увидела, что по коридору к ней приближается Гендель. Мужчина был облачен в привычные коричневые брюки и черную обтягивающую рубашку с длинными рукавами. Он был крепко сложенным и рослым человеком — чуть более шести футов. Гендель носил короткую бороду и усы, но щеки гладко выбривал. Ржаво-коричневые волосы, как и имя, выдавали в нем выходца из Скандинавии. В то же время слишком смуглая кожа и фамилия Митра указывали на смешение кровей. Инструктор и в самом деле родился в пригороде Новой Калькутты — одного из самых процветающих регионов Земли.

Насколько было известно Кали, его родители по-прежнему жили там, но они давно уже не участвовали в жизни Генделя. Напряженные отношения Сандерс с Гриссомом не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в этой семье. Гендель не разговаривал с родителями более двадцати лет, с тех самых пор, как они отдали его, еще подростка, в программу адаптации и обучения биотиков. В отличие от открытости проекта «Восхождение», которой гордились в Академии Гриссома, программа АОБ, пока ее не закрыли в результате громкого скандала, осуществлялась в сверхсекретном военном учреждении. Те, кто стоял за ней, требовали, чтобы инструкторы не допускали никакого общения подопытных с семьями и старались убедить родителей, что биотики опасны для общества. Матерей и отцов принуждали стыдиться и бояться собственных детей, рассчитывая полностью разделить семьи. И в случае с Генделем им это всецело удалось.

Широкими стремительными шагами он приближался к Кали, погруженный в какие-то мысли. Ему не было никакого дела до детей, с любопытством выглядывавших из своих комнат. Инструктор не отрывал от пола задумчивого, сосредоточенного взгляда.

«Как он был воякой, так и остался», — подумала Кали.

— Эй! — окликнула она, когда Гендель промчался мимо, явно не заметив ее присутствия. — Смотри, куда идешь!

— Хм? — пробормотал он, оглядываясь. Только теперь он обратил на нее внимание. — Прости. Я спешу.

— Давай провожу, — предложила она.

Гендель вновь устремился вперед, и Кали пристроилась рядом, стараясь приноровиться к его ритму. Через каждые несколько шагов ей приходилось догонять своего спутника.

— Заходила к Нику? — спросил он.

— Он дуется, — ответила Кали. — Ему кажется, что ты поступил нечестно.

— Мальчишке еще повезло, — проворчал Гендель. — В мое время ему бы так врезали по макушке, что из ушей кровь бы пошла. А сейчас нам позволено разве что запирать в

комнате да наставления читать. Ничего удивительного, что малышня вечно задирает носы.

— А мне кажется, что надо видеть в них не только биотиков, но и обычных подростков, — едва заметно улыбаясь, отозвалась Кали. Пусть инструктор и был груб на словах, она знала, что он ни при каких обстоятельствах не позволит причинить ни малейшего вреда своим подопечным.

— Кто-то должен научить этого парня дисциплине — предупредил Гендель. — Иначе он плохо кончит. Ввалится в кабак, начнет клеиться к чьей-нибудь бабе... и использует биотику, чтобы усадить своего соперника на задницу. И будет считать все это безобидной шуткой до тех пор, пока ему не проломят череп пустой бутылкой.

Гендель нравился Кали, но его взгляды на жизнь были слишком мрачными и пессимистичными. Конечно, в этих словах имелась толика правды — некоторые биотики и в самом деле начинали вести себя так, словно считали себя неуязвимыми и наделенными сверхчеловеческими способностями. Но всему есть предел. Чтобы перезарядить поле масс-эффекта, требовалось время и большая сосредоточенность. И усталость накапливалась очень быстро. Показав пару впечатляющих фокусов, биотик оказывался выжатым как лимон и был ничуть не опаснее, чем простой человек.

Существовало несколько документально засвидетельствованных случаев, когда биотики безответственно использовали свои силы: мухлевали при игре в кости или рулетку; изменяли траекторию мяча посреди баскетбольного матча; подшучивали над другими людьми, выдергивая из-под них стулья. И последствия, как правило, были весьма печальны. Разъяренная толпа избивала, а то и лишала их жизни даже за самую малую обиду, движимая страхом перед высокомерными выскочками.

— С Ником этого не случится, — заверила Кали. — Он все поймет. Просто не надо на него давить.

— А мне кажется, кому-нибудь из педагогов пора проучить его станнером, — невозмутимо произнес Гендель.

— На меня не смотри, — со смехом возразила женщина, в два прыжка догнав своего товарища. — Я вечно забываю свой в каюте.

Станнеры — крошечные электрошокеры, производимые компанией «Олдрин Лабе» и способные оглушить ученика, — в обязательном порядке выдавались каждому сотруднику, задействованному в проекте «Восхождение». Обычная предосторожность на тот случай, если кто-либо из их подопечных попытается причинить серьезный вред другому человеку. Существовало постановление, требовавшее от всех небитиков постоянного ношения станнеров, но Кали открыто его игнорировала. Ей были противны эти устройства. Они, казалось, воскрешали память о взаимном недоверии и страхе времен программы АОБ. К тому же за все годы никому из сотрудников «Восхождения» не довелось воспользоваться шокером.

«И дай-то Бог, чтобы и не пришлось», — подумала доктор Сандерс.

— Так куда ты так спешишь? — произнесла она вслух.

— К Джиллиан.

— А подождать это не может? — спросила Кали. — Джиро сейчас снимает ее показатели.

— Разве ты не должна за ним присматривать? — удивленно приподнял бровь Гендель.

— Он знает свое дело.

По какой-то неведомой причине Гендель никогда не испытывал особо теплых чувств к Джиро. Возможно, виной тому была разница в возрасте, ведь Джиро был самым молодым из сотрудников. Или же они просто не сошлись характерами — Джиро был жизнерадостен, открыт и общителен, в то время как Гендель в буквальном смысле был чужд радостей жизни.

— Не подумай, я ничего против него не имею, — заверил он, хотя Кали понимала, что это не совсем правда. — Но Джиллиан не похожа на других учеников.

— Ты слишком о ней беспокоишься.

— Забавно, — ответил ее спутник, — что я слышу это от тебя.

Кали пропустила эти слова мимо ушей. Они с Генделем оба уделяли Джиллиан много времени и внимания. Быть может, в результате они поступали не совсем честно по отношению к другим воспитанникам, но эта девочка была особенной. И нуждалась в большей опеке, нежели остальные.

— Ей нравится Джиро, — пояснила Кали. — И он отлично со всем справится, даже если ты не будешь вечно стоять у него над плечом, подобно взволнованному папаше.

— Меня интересует вовсе не снятие с нее показателей, — проворчал Гендель. — Нас снова собирается посетить Грейсон.

Кали остановилась на полушаге и схватила товарища за локоть, вынуждая огромного мужчину прокрутиться на месте и развернуться к ней лицом.

— Нет, — строгим тоном произнесла она. — Я не желаю, чтобы она слышала об этом от тебя.

— Я отвечаю за безопасность в этом крыле, — защищаясь, сказал Гендель. — И все прошения о посещении должны быть одобрены мной.

— Ты же не собираешься отказать ему? — настороженно поинтересовалась Кали. — Он — отец! И у него есть права!

— Если я решу, что посещение может причинить вред ребенку, то имею право отказать даже родителям, — хладнокровно ответил Гендель.

— Вред? Что еще за вред?

— Боже правый, ты же знаешь, что он — наркоман!

— Ты не можешь этого доказать, — предупредила Кали. — Нельзя отказывать в прошении на основании одних только подозрений. Если, конечно, не хочешь вылететь со службы.

— Он собирается прибыть послезавтра, — возразил Гендель. — Я просто должен убедиться, что Джиллиан готова к этой встрече. Возможно, ему придется подождать пару недель, чтобы девочка смогла подготовиться и свыкнуться с этой новостью.

— Ну да, конечно, — с сарказмом подхватила Кали. — Это все ради ее же блага. И твоя личная неприязнь к Грейсону здесь совсем-совсем ни при чем.

— Джиллиан нуждается в режиме и постоянстве, — продолжал настаивать Гендель. — Ты прекрасно знаешь, как она расстраивается, когда меняется ее расписание. И если Грейсон хочет оставаться частью ее жизни, он может посещать девочку каждый месяц, как все нормальные родители, вместо того чтобы заваливаться сюда раз в полгода, когда это удобно ему. Она тяжело переносит неожиданные визиты.

— Она справится, — прищурившись, произнесла Кали. — Я скажу Джиллиан, что приезжает ее отец. А ты сейчас отправишься в свой кабинет и подпишешь прошение Грейсона.

Гендель открыл рот, собираясь сказать что-то еще, но потом решил, что будет благоразумнее промолчать.

— Ладно, убедила, — наконец пробормотал он и повернул в обратном направлении, возвращаясь в административное крыло базы.

Кали проводила его взглядом и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Джиллиан и в самом деле была на удивление восприимчивым ребенком, она обладала способностью читать и отражать эмоции других людей. И Гендель не был для нее исключением. Стоило ему появиться у нее на пороге с известием о прибытии ее отца, как Джиллиан почувствовала бы его возмущение и выдала бы индуцированную негативную реакцию. И это было бы нечестно как по отношению к Грейсону, так и к его дочери.

Комната девочки располагалась в дальнем конце спального крыла, где ее не должен был тревожить лишний шум.

Подойдя к двери, Кали постаралась нацепить на лицо маску радостного воодушевления. Затем она легонько постучала. Но ответила ей не Джиллиан, а Джиро:

— Войдите.

Дверь скользнула в сторону, позволив увидеть сидевшую за столом девочку. Она была

тощей и угловатой, а ростом превосходила на несколько дюймов самого высокого ученика из ее возрастной группы. У нее были роскошные черные волосы, ниспадавшие волной до самой талии, а глаза казались слишком огромными, чтобы принадлежать ее продолговатому лицу. Кали догадывалась, что внешность Джиллиан унаследовала от матери, поскольку, если не считать худощавого телосложения, ничто в ее облике не напоминало о Грейсоне.

Ей, как и Нику, было двенадцать лет. Впрочем, почти половина детей, задействованных в проекте, относилась именно к этой возрастной группе. Тринадцать лет назад в разных колониях произошли три крупные промышленные катастрофы с интервалом в четыре месяца.

Обстоятельства их были весьма подозрительными, но следователи не обнаружили никакой взаимосвязи между этими случаями. Конечно, выводы комиссии не смогли успокоить сторонников теории заговора, и в Экстранете хватало людей, по-прежнему отказывавшихся верить в то, что причиной всех этих катастроф послужили лишь человеческий фактор и трагическое стечение обстоятельств.

Третья авария была наиболее разрушительной, некоторые даже называли ее самым кошмарным токсическим выбросом в истории человечества. Полностью загруженное транспортное судно, принадлежавшее корпорации Эльдфелл-Эшленд, взорвалось в небе над колонией Яндоя, и в атмосфере планеты растеклось смертоносное облако элемента зеро, поразившего и несколько тысяч еще не рожденных младенцев.

И хотя в большинстве своем пострадавшие исцелились и не показывали каких-либо значительных отклонений от нормы, сотни детей демонстрировали тяжелые симптомы, варьировавшиеся от рака до уродств. Было и много выкидышей. Но и в этой трагедии нашлось нечто хорошее: тридцать семь процентов пострадавших младенцев не только родились здоровыми, но и обладали значительным биотическим потенциалом. И все они сейчас обучались в Академии Гриссома.

Джиллиан с пугающей сосредоточенностью всматривалась в выведенное на экран компьютера домашнее задание. Порой она могла сидеть так, абсолютно неподвижно, по нескольку часов. Затем в ее голове щелкал какой-то незримый переключатель, девочка словно взрывалась активностью, а ее пальцы с невероятной скоростью выстукивали на клавиатуре ответы. Ответы, которые всегда, без исключений, были идеально верными.

— Вы уже закончили? — поинтересовалась Кали, адресуя вопрос своему помощнику, упаковывавшему оборудование в углу комнаты.

— Да, только что, — улыбаясь, ответил Джиро.

Ему исполнилось только двадцать пять лет, он был привлекателен и хорошо сложен. В своей внешности он унаследовал все лучшие черты своих индейских и азиатских предков. Выкрашенные в темно-красный цвет, его волосы лежали спутанной копной, словно мужчина только-только вылез из постели. Легкое подростковое очарование и озорная улыбка заставляли Джиро казаться еще моложе, чем он был на самом деле.

«Малолетний обольститель», — скользнула мысль в глубине сознания Кали. Но доктор благоразумно загнула ее.

— Джиллиан сегодня очень хорошо справляется, — произнес Джиро, прежде чем, улыбаясь, повернуться к девочке. — Верно ведь?

— Думаю, да, — тихо отозвалась та, все так же глядя в монитор.

У нее были хорошие и плохие дни, и тот факт, что она отозвалась, позволило Кали предположить, что этот день из хороших.

— У меня есть восхитительные новости, — сказала доктор, становясь рядом с Джиро.

В случае с любым другим ребенком она просто присела бы на край стола или приобняла бы воспитанника сзади за плечи. Но даже на самое легкое прикосновение Джиллиан могла отреагировать так, словно до нее дотронулись раскаленным углем. Впрочем, в иное время она оставалась совершенно глухой к любым телесным ощущениям, как если бы все нервные окончания были мертвы.

Это осложняло ежедневное считывание показателей, необходимых Кали для

исследований. К счастью, Джиллиан хорошо реагировала на Джиро, и ему обычно удавалось получать нужные данные, не причиняя девочке лишних неудобств.

— Твой папа собирается к нам в гости. Он будет здесь через пару дней.

Кали подождала реакции и немного расслабилась, увидев, что Джиллиан слегка улыбнулась. Джиро тоже уловил едва заметную перемену в ее настроении и поспешил этим воспользоваться.

— Готов поспорить, он ждет не дождется, когда сможет тебя увидеть, — полным энтузиазма голосом подхватил молодой лаборант.

Девочка повернула к ним лицо, на котором сияла самая настоящая улыбка.

— А я надену подаренное им платье, — мечтательным, отстраненным голосом сообщила Джиллиан.

Девять месяцев назад, в свой последний визит, Грейсон привез дочери платье. Кали сомневалась, что оно будет ей еще впору, но говорить об этом сейчас не хотелось, чтобы не испортить момент.

— Знаешь, мне кажется, ему будет приятно увидеть тебя в школьной форме, — не моргнув глазом отозвался Джиро. — Это покажет ему, насколько серьезно ты относишься к учебе.

Джиллиан наморщила лобик и нахмурилась, пытаясь переварить эту информацию. Затем морщинки разгладились, а на лицо вернулась улыбка.

— Папа любит говорить о школе.

— Это потому, что он очень гордится тем, что ты такая умная, — объяснил Джиро.

— Мне надо закончить задание, — внезапно отрезала Джиллиан.

Теперь все ее сознание было захвачено мыслями об учебе. Уцепившись за какую-либо идею, она не могла думать больше ни о чем другом. Так что девочка отвернулась к компьютеру и снова устремила на экран неподвижный взгляд.

Кали и Джиро, давно привыкшие к необычному поведению своей воспитанницы, не стали пытаться отвлечь ее, чтобы попрощаться, и тихо удалились.

— Что скажешь, если я предложу уединиться? — прошептал Джиро, на ходу приобнимая Кали за талию.

— Здесь нас могут увидеть дети, — проворчала женщина, игриво пихая его локтем.

Ее ассистент поморщился, но руки не убрал.

— Мы можем даже обратно к Джиллиан вернуться, — предложил он, притягивая Кали поближе. — Она все равно нас не заметит.

— Не смешно! — прошипела доктор Сандерс, снова ударив его локтем, но в этот раз сильнее.

Он отдернулся и согнулся пополам, делая вид, что задыхается. Кали только закатила глаза, продолжая идти дальше.

— Осторожнее, солдат, — произнес Джиро, распрямляясь и вприпрыжку нагоняя спутницу. — Ты не можешь ни за что ни про что избивать невинных граждан.

— Тебя вряд ли можно назвать невинным, — откликнулась она. — Кроме того, я давно уже не солдат.

— Можно забрать девчушку из армии, но вот армию из девчушки не заберешь, — с усмешкой парировал он.

Это была безобидная шутка: Джиро постоянно подтрунивал над военным прошлым Кали. Но на сей раз это заставило ее вспомнить о том, как Ник сравнил их с Генделем.

— Джиллиан сегодня выглядит лучше, — сказала она, стараясь сменить тему.

Джиро пожал плечами, и выражение его лица стало более серьезным.

— Она по-прежнему не может взаимодействовать с другими детьми. И еще к тому же сильно отстаёт от остального класса.

Кали поняла, что ее ассистент имеет в виду не академические успехи, а биотику. Джиллиан выделялась даже среди остальных необычных воспитанников проекта «Восхождение». В возрасте трех лет у нее диагностировали высокофункциональный аутизм,

что едва не стало причиной отказа в приеме. Но на заболевание решили закрыть глаза. Во многом причиной тому стали щедрые пожертвования, любезно внесенные Грейсоном, и огромный потенциал девочки, превосходивший показатели всех остальных претендентов... а точнее говоря, настолько высокий уровень не был отмечен ни у кого в истории человеческой биотики.

Современная наука полагала, что биотический потенциал, установившийся в раннем детстве, является неизменной величиной. И проект «Восхождение» создавался с целью научить носителей редкого дара выжимать максимум пользы из своего таланта. Но в случае Джиллиан регулярные проверки показывали, что ее потенциал неравномерно, иногда замирая, но постоянно увеличивается. Прежде никто о таком и не слыхивал.

Если уже в начале занятий ее показатели были намного выше, чем у любого другого ученика, то сейчас пропасть между ними была просто невероятной. И несмотря на это, Джиллиан не удавалось добиться сколько-нибудь заметных успехов в биотике. Из-за особенностей своего восприятия девочка испытывала трудности в освоении техник концентрации, необходимых для управления усилителями при помощи электрических импульсов мозга. Проще говоря, она не понимала, как использовать свои силы, и ни один инструктор не был в силах помочь ей.

— Возможно, первое впечатление было самым правильным, — вздохнула Кали. — Эта наука слишком сложна для нее.

— Посмотрим, может, ее отец сумеет чем-нибудь помочь, — не слишком уверенно произнес Джиро. А потом, немного помявшись, добавил: — И что сказал Гендель, узнав о прибытии Грейсона?

— А ты как думаешь? — отозвалась она. — Пытался придумать причину, чтобы ответить отказом.

— Позволь догадаться, — вновь усмехнулся Джиро. — Тебе пришлось воспользоваться своим положением старшей по званию.

— Хватит уже болтовни про армию, — устало отмахнулась Кали.

— Прости. — Его улыбка угасла, но уже через секунду вспыхнула снова. — Слушай, а почему бы тебе не отпроситься сегодня пораньше? — предложил Джиро. — Я пока выполню за тебя расчеты, ты пойдешь ко мне, расслабишься и отдохнешь, а я вскоре к тебе присоединюсь.

— Что ж, это лучшее из того, что я слышала за весь день, — вызывающе улыбнулась Кали, протягивая омни-инструмент напарнику, затем, убедившись, что они одни в коридоре, быстро поцеловала Джиро в губы. — Только не заставляй меня ждать всю ночь.

ГЛАВА 4

— Смотри, куда прешь, человек!

Кроган, на которого случайно налетел Пэл, прожигал его взглядом и явно искал повода для драки. Обычно Пэл ни перед кем не отступал, и уж тем более перед чужаком, но ему хватало ума не связываться с разъяренной восьмифутовой горой мышц.

— Простите, — пробормотал он, стараясь не встречаться взглядом с ящерицей-переростком до тех пор, пока та не найдет себе более привлекательную жертву.

Обычно Пэл не был настолько беспечен, чтобы даже в толчее улиц Омеги столкнуться с говорящей рептилией, обладающей размерами небольшого танка. Но сейчас все его мысли были заняты другим. «Цербер» отправил его на встречу с новым осведомителем в Пограничных Системах, но тот так и не объявился. И уже одно это заставляло Пэла нервничать. К тому же на всем обратном пути к снимаемой им квартире его не оставляло чувство, что за ним следят.

Ему не удавалось заметить никого подозрительного, кто пытался бы следовать за ним, но в «Цербере» агентов учили, что нет проще способа оказаться в могиле, чем отказать в доверии собственным инстинктам. К несчастью, Омега не то место, где можно на ходу

постоянно оглядываться через плечо. Тут приходилось постоянно следить за тем, куда идешь... иначе ты рисковал неожиданно обнаружить чей-то нож в своем брюхе.

Омега — необъятных размеров космическая станция, расположенная в самой глубине Пограничных Систем, — ни капли не походила на какую-либо еще базу в этой галактике. Она была возведена внутри огромного астероида, некогда богатого металлами. Вся содержащаяся в нем руда ушла на возведение многочисленных строений, целиком покрывавших его поверхность. Точный возраст базы никто не мог определить, но в одном все исследователи соглашались: ее создали протеане. Но вот в другом мнения разделились: какая из рас первой поселилась на Омеге после загадочного исчезновения ее строителей?

В течение долгого времени то одна, то другая группа пыталась завладеть базой в одиночку, но никому не удавалось сохранять над ней контроль дольше пары лет. Теперь же ее использовали в качестве центра межзвездной торговли и встреч те, кому не были рады в пространстве Цитадели, — отделившиеся от остальных батариан и салиариан «лиственники», наемники, работоторговцы, убийцы и преступники всех рас и мастей.

Несмотря на то что между расами, чьи представители делили эту базу, вспыхивали войны, Омега де-факто оставалась столицей Пограничных Систем. За последние несколько веков ее населили многочисленные фракции, каждая из которых по прибытии принималась перестраивать участок станции под привычные для себя условия. Их старания превратили Омегу в гигантский летающий город, разделенный на независимые сектора с хаотичной, уродливой архитектурой. С расстояния база выглядела довольно кривобоко. Из поверхности астероида, образовавшего центральный узел, под всевозможными углами выходили длинные лучи пристроек, в свою очередь разделявшихся на новые ответвления и отростки. Казалось, что застройка ведется совершенно бездумно и без какого-либо плана; улицы петляли, сворачивая порой в самый неожиданный момент, пересекая сами себя и обрываясь тупиками. Даже постоянные обитатели станции могли легко потеряться в этом лабиринте, становившемся все более запутанным с каждой новой группой поселенцев.

Пэл достаточно часто бывал на Омеге, чтобы привыкнуть к ее раздражающей хаотичности, но любви к столице преступности у него от этого не прибавилось. База кишела представителями всех возможных рас, и даже людей здесь можно было легко повстречать. В отличие от упорядоченности и стерильной гармонии Цитадели, улицы Омеги были грязными, многолюдными и опасными. Здесь не было полиции, а за соблюдением немногочисленных правил следили банды головорезов, оплачиваемые теми, кто контролировал данную секцию базы. Преступность процветала, и убийства стали бытовой нормой.

Впрочем, это не слишком тревожило Пэла. Он знал, как о себе позаботиться. Станция раздражала его другим. Каждый закуток Омеги пропитался мерзкой вонью десятков чуждых человеку рас: тошнотворные «ароматы» их парфюмерии не могли перекрыть запахов пота и феромонов; из открытых окон и дверей тянулся смрад неведомой пищи; в нос шибало гнилыми отбросами, устилавшими узкие проулки.

Но куда хуже были звуки этой базы. В отличие от пространства Цитадели, здесь большинство чужаков отказывались пользоваться общим торговым диалектом, если только это не было абсолютно необходимо. Непрерывная какофония рычания, кваканья и писка истязала слух Пэла, когда он протискивался сквозь толпу, и автоматический переводчик был беспомощен справиться с обилием тайных межзвездных диалектов, не внесенных в его матрицу.

Чужаки не смогли договориться даже об общем названии для этой станции. И каждый теперь именовал ее так, как было принято в его родном языке. Непроизносимое словечко асари можно было примерно перевести как «сердце зла», туриане же предпочитали «мир беззакония», салиариане называли станцию «место тайн», а кроганы — «земля возможностей». Во избежание путаницы автоматический переводчик, прикрепленный к поясу Пэла, переводил все эти наименования человеческим словом «Омега», означаящим абсолютный конец всего.

Как бы Пэлу ни было неприятно здесь находиться, но работу требовалось выполнить. «Цербер» поручил ему встретиться с информатором, и наемник был не настолько глуп, чтобы пререкаться с Невидимкой. Хотя, конечно, это соображение не помешало его отряду только за последний год выполнить несколько сторонних заказов, которые начальство вряд ли одобрило бы. Вот потому и было настолько важно все делать правильно: полностью соблюдать все полученные инструкции, вести себя тише воды ниже травы, и стараться не допустить ошибки, способной привлечь внимание к своей сторонней деятельности.

«Если, конечно, уже не привлек», — подумал Пэл, гадая, не является ли прицепившийся к нему хвост оперативником «Цербера».

Ведь вполне могло статься, что это поручение было лишь предлогом заманить его в одиночестве на улицы Омеги, где труп человека вряд ли бы привлёк чье-то внимание.

— Что ж, есть только один способ проверить, — пробормотал Пэл, срываясь на бег и радуясь тому, что не надел броню, которая могла бы затруднить его движения.

Он мчался сквозь толпу, отпихивая и обегая ошарашенных чужаков, не обращая никакого внимания на несущиеся ему вслед нечленораздельные угрозы и проклятия. Вскоре Пэл свернул на пустынную улочку, заставленную помойными баками, грязными пакетами и заваленную горами мусора.

Пробежав мимо нескольких закрытых дверей, он нырнул за большой контейнер и низко пригнулся. Затем Пэл достал из кармана миниатюрное зеркальце и выставил его так, чтобы наблюдать за улочкой, не высывая головы.

Не прошло и минуты, как показался его преследователь, со всех ног вбежавший в проулок. Незнакомец был невысок ростом — на целый фут ниже Пэла — и с головы до ног облачен в темную одежду. Лицо его полностью скрывалось под туго намотанным шарфом.

Преследователь остановился и, завертев головой, начал вглядываться в полумрак улочки, пытаясь понять, где укрылся беглец. Потом существо извлекло из кармана пистолет, проверило предохранитель и начало медленно приближаться.

Пэл тоже мог достать оружие. У него был хороший выбор: проверенный временем пистолет «Хакне-Кедар» в набедренной кобуре; боевой нож, подвешенный к поясу; маленький самопал, спрятанный за отворотом сапога. Не было похоже, чтобы противник носил какую бы то ни было броню, экипированную генератором кинетических полей, и, стало быть, чтобы покончить с ним, хватило бы единственного выстрела. Но, убив преследователя, Пэл не узнал бы, кто и, главное, зачем отслеживает его. Так что он решил замереть и подождать, пока неприятель приблизится. Тот продолжал подкрадываться, держась середины проулка и явно опасаясь того, что Пэл может скрываться за одной из дверей или за мусорным баком.

Но незнакомец слишком активно вертел головой по сторонам и поэтому замечал потенциальный источник опасности хоть и на долю секунды, но позже.

Вскоре он оказался в каких-то десяти футах от укрытия Пэла. Тот, наблюдая в зеркальце, дождался, пока незнакомец отвернется, и бросился вперед, в первую очередь стремясь выбить оружие из рук слишком медлительного противника.

Схватив преследователя левой рукой за запястье, Пэл поймал пистолет правой и выкрутил его так, чтобы оружие указывало на владельца. Проводя этот прием, огромный наемник не останавливался и теперь врезался в чужака, сбивая его с ног.

Вместе они повалились на землю, и пистолет полетел в сторону. Раздавшееся рычание выдало в преследователе мужчину. Схватка была яростной, но Пэл явно превосходил своего соперника и силой, и массой да еще и оказался наверху при падении. Он скрутил низкорослика, переворачивая того лицом вниз, а затем обхватил его рукой под подбородком и заключил шею в удушающий захват.

Противник задергался, пытаясь вырваться. Он обладал могучей мускулатурой, но не мог сравниться с навалившимся на него Пэлом.

— Кто ты? — прошипел великан, используя основной торговый диалект. — Кто тебя подослал?

— Гоуло, — натужно прохрипел незнакомец.

Пэл слегка ослабил захват.

— Тебя подослал Гоуло?

— Гоуло — это я.

Автоматический переводчик переложил фразу на английский, но Пэл узнал родной язык говорящего, явственно доносящийся из-за герметичной дыхательной маски.

Зарывав от омерзения, Пэл отпустил кварианина и распрямился.

— Ты должен был ждать меня в баре, — сказал он, даже не подумав помочь своему собеседнику.

Пошатываясь, Гоуло поднялся и начал ощупывать себя в поисках сломанных костей. Выглядел он практически неотличимо от любого другого кварианина, когда-либо виденного Пэлом. Обладая чуть меньшим ростом и более хрупким телосложением, чем средний человек, он был закутан в многослойное бесформенное одеяние. Темный шарф, закрывавший его лицо, слетел во время потасовки, обнажив гладкую, блестящую поверхность шлема.

— Мои извинения, — ответил кварианин, переходя на английский, — Я пропустил встречу специально, чтобы понаблюдать за вами с расстояния и убедиться, что вы пришли один. Слишком часто мне назначали деловую встречу только затем, чтобы выманить меня из безопасного убежища и устроить засаду.

— Это еще почему? — вслух поинтересовался Пэл. Его раздражение продолжало нарастать. — Уж не потому ли, что ты завел привычку двурушничать?

Его просто бесило, насколько хорошо эта тварь освоила человеческий язык.

— Мое слово железно, — заверил Гоуло. — Но квариан очень многие недолюбливают. Они считают, что мы все мародеры и грабители.

«Это потому, что вы такие и есть», — подумал Пэл, но вслух произносить не стал.

— Я собирался проследовать за вами до дома, — продолжал чужак. — Там бы мы и смогли переговорить с глазу на глаз.

— Вот только вместо этого ты достал оружие.

— Лишь самозащиты ради, — возразил Гоуло. — Когда вы побежали, я понял, что меня заметили. Я боялся, что вы решили убить меня.

— И это все еще может произойти, — подтвердил Пэл, хотя его слова и были пустой угрозой. Кварианин был нужен «Церберу» живым. Должно быть, чужак понял, что опасность миновала, поскольку повернулся к наемнику спиной, чтобы подобрать пистолет.

— Мы можем отправиться к вам и обсудить наши дела в более интимной обстановке, — предложил Гоуло, пряча оружие в складках своих одеяний.

— Нет, — отрезал Пэл. — Я предпочту какое-нибудь людное место. Не хочу, чтобы ты знал, где я живу. Иначе потом ты вернешься и обнесешь меня до нитки.

— Что ж, — безразлично пожал плечами чужак, — мне известно уютное местечко неподалеку.

Следуя за кварианином, наемник пришел к местному игорному дому. Огромный кроган, закованный в броню, лишь слегка кивнул, когда они заходили внутрь. Вывеска над дверями гласила на многочисленных языках: «Логово Фортуны», хотя Пэл и сомневался, что кому-то удалось разбогатеть в этом месте.

— И часто ты сюда приходишь? — поинтересовался он у Гоуло, решительно направившегося к уединенной кабинке у дальней стены.

— У меня есть договоренность с владельцем. Никто нас здесь не потревожит.

— Так почему было сразу не назначить мне встречу здесь?

— Как я уже говорил, вначале надо было убедиться, что вы пришли один. Ольфар вряд ли бы обрадовался, если бы я притащил за собой целый отряд людей-наемников.

То, с каким акцентом чужак произнес имя Ольфар, заставило Пэла предположить, что речь идет о волюсе, хотя он и не мог сказать с уверенностью. Впрочем, это не имело значения.

Сев за столик напротив Гоуло, Пэл наконец позволил себе оглядеться и удивился тому,

насколько пустым было это заведение. Пара четырехглазых батариан резалась в кости, несколько бочкообразных волосов играли в нечто напоминающее нарды, да горстка людей склонилась над карточным столом под бдительным присмотром подозрительно выглядевшего крупье-саларианина. Пэл предпочел бы увидеть здесь сцену с парой человеческих стриптизерш или в крайнем случае асари... но решил не возражать.

— Нет квазарных машин, — заметил он.

— Слишком просто взломать и слишком дорого чинить, — объяснил кварианин.

Барменша — человек — молча поставила на стол перед Пэлом кружку и поспешно удалилась, стараясь не встречаться с ним взглядом. Когда-то она, скорее всего, была достаточно привлекательной, но те годы давно прошли. Проводив глазами удаляющуюся женщину, он обратил внимание, что на ее лодыжке был прикреплен крошечный электронный локатор — устройство, часто применяемое рабовладельцами, чтобы следить за своей собственностью.

Наемник непроизвольно стиснул зубы. Ему была противна сама мысль о том, что человек может оказаться в рабстве у чужаков, но он ничем не мог помочь этой женщине. Во всяком случае, сейчас.

Но он приободрил себя тем, что день расплаты уже близок. И тогда чертовы инородцы испытают на своих шкурах всю силу правосудия.

— Я угощаю, — сказал Гоуло, кивая на кружку.

Напиток, судя по всему, представлял собой некую инопланетную вариацию пива, но Пэл давно привык избегать любой человеческой пищи, приготовленной чужаками. В лучшем случае напиток окажется горьким или лишенным какого-либо вкуса. В худшем — остаток дня придется провести, не слезая с горшка.

— Пожалуй, откажусь, — сказал наемник, отодвигая питье. — А ты сам почему ничего не пьешь? — вдруг насторожившись, спросил он.

— Герметика, — объяснил Гоуло, постучав по лицевому щитку шлема.

Пэл кивнул. С тех самых пор, как геты выгнали их из родного мира, все квариане стали обитателями Кочующего Флота — колонии из нескольких тысяч кораблей с тщательно контролируемой внутренней средой, сделавшей иммунную систему этого народа практически беззащитной перед вирусами и бактериями, кишевшими в атмосфере любой обжитой планеты галактики. Стараясь избежать эпидемии, квариане под рваными, бесформенными тряпками всегда носили облегающие скафандры и никогда не снимали на людях свои герметичные шлемы, закрытые зеркальными щитками.

Это порождало слухи, что все квариане на самом деле — продукт кибернетических технологий, гибрид машины и органики, скрытый слоями одежды и шлемами. Но Пэл знал, что истина куда прозаичнее: эти существа просто-напросто не могли выжить за пределами своей флотилии без скафандра.

— Перейдем к делу, — произнес Пэл, перехватывая инициативу. — Ты говорил, что можешь продать частоты и коды связи, используемые Кочующим Флотом.

Эскадра квариан крайне интересовала «Цербер» и Невидимку, в особенности после того, как геты попытались штурмовать Цитадель. Подавляющее большинство видело в сородичах Гоуло лишь досадную помеху, почти семнадцать миллионов беженцев, влачивших жалкое существование на борту устаревших, нуждавшихся в капитальном ремонте кораблей. Уже три века они скитались от системы к системе в безнадежных поисках подходящей ненаселенной планеты, которую смогли бы назвать своим новым домом.

Большинство других разумных существ полагали, что наихудший вред, который Кочующий Флот мог принести населенной колонии, — это выкачать из местных астероидных полей все запасы полезных металлов и элемента zero да еще затруднить навигацию и радиосообщение тем, что в системе вдруг возникало несколько тысяч неучтенных кораблей. Одного этого уже хватало, чтобы квариан начали считать непрошеными гостями в любом уголке цивилизованного космоса, но бояться их все-таки не боялись.

Однако Невидимка видел в этом народе нечто большее, чем просто толпу оборванцев на доживающих свой век кораблях. Технологически они ни в чем не отставали от прочих рас. Именно квариане когда-то сотворили гетов, ставших настоящим бедствием для галактики. И при этом племя космических изгоев, даже лишившись своих планет, уже несколько веков умудрялось сохранить цивилизацию, насчитывающую около семнадцати миллионов особей. Кто мог сказать, на какой трюк они еще способны?

Кроме того, Кочующий Флот представлял собой крупнейшую армаду в галактике, подчинявшуюся единому командованию, — десятки тысяч кораблей, размеры которых колебались от крошечных челноков до крейсеров. Были в ее составе и три невероятно огромных Корабля Жизни — истинный перл конструкторского и сельскохозяйственного гения, — обеспечивающие едой всю остальную флотилию. Всем было доподлинно известно, что значительная часть их кораблей вооружена, но никто не знал, как именно и насколько хорошо. По правде говоря, достоверных сведений о цивилизации квариан имелось очень мало. Они представляли собой крайне закрытое сообщество, и с того момента, как три века назад отправились странствовать, нога постороннего не ступала на палубу их звездолета.

Невидимка не доверял чужакам, обладавшим таким количеством тайн и кораблей. Заполучив ключ к кварианским кодам и узнав частоты, на которых осуществлялось сообщение между судами Кочующего Флота, агенты «Цербера» могли достаточно близко подойти к армаде, оставаясь незамеченными, и сумели бы подслушать переговоры. Пэл понятия не имел, как и зачем босс собирается выполнять эту часть плана, но его это не слишком волновало. От него же требовалось лишь раздобыть информацию.

— Честно говоря, я не смогу предоставить коды, — сообщил Гоуло. — Они успели измениться с тех пор, как я покинул флотилию.

Пэл прикусил губу, чтобы не выругаться вслух. Не стоило доверять этому чужаку. Он же был изгнан из Кочующего Флота. У квариан было слишком мало места и ресурсов, чтобы позволить себе содержание тюрем, так что преступников просто высаживали на ближайшей обитаемой планете или космической станции. Для Гоуло таким местом стала Омега.

«Каким же скользким и подлым отморозком надо быть, чтобы тебя приговорила к изгнанию раса попрошаек и воров?» — спросил себя наемник, пытаясь угадать, кем же был его собеседник: убийцей, насильником или просто полным социопатом.

— И все же я могу вам кое-что предложить, — продолжал Гоуло, не подавая признаков, что его хоть как-то волнует выражение едва сдерживаемого гнева на лице Пэла. — Я отведу вас кое к кому, кто обладает необходимой информацией. Не бесплатно.

«Чертов двуличный сукин сын».

— Так мы не договаривались.

— Вам следовало бы научиться гибкости, — пожал плечами чужак. — Импровизируйте. Приспосабливайтесь. Таков путь моего народа. И именно так мне удалось выжить, когда я высадился здесь.

«Правильнее было бы сказать — когда тебя высадили. Выбросили, словно мусор, который кому-то следовало убрать».

Несмотря на молчаливое бешенство, Пэл испытал даже некоторое уважение к собеседнику. На Омеге квариане являлись ничуть не более желанными гостями, чем где бы то ни было еще; тот факт, что Гоуло сумел выжить на этой станции, говорил о его упорности и изобретательности. А еще это служило предупреждением: ему нельзя доверять. У Пэла не было ни малейшего желания возвращаться к Невидимке с пустыми руками, но и вновь полагаться на лживого чужака он не мог. Во всяком случае, не разузнав о нем побольше.

— Скажи, за что тебя изгнали?

Гоуло помедлил. Пэл уже думал, что не дождется ответа, когда услышал тихий вздох сожаления, приглушенный дыхательной маской.

— Лет этак десять назад я попытался заключить сделку с Собирателями.

Пэл был наслышан о них, хотя никогда не видел. Честно говоря, очень многие, включая и его самого, вообще не были уверены, что Собиратели существуют. Учитывая то, какие

истории про них ходили, эти существа большинству казались скорее неким межзвездным аналогом фей, чем реально существующей расой.

Поговаривали, что впервые на космической арене они появились около пяти веков назад, предположительно из не нанесенного на карты региона, куда вел прежде не работавший ретранслятор Омега-4. Все это время о таинственной расе и ее загадочной родине ничего не было известно. Собирателей, придерживавшихся политики предельного изоляционизма, редко можно было увидеть за пределами Омеги или пары ближайших миров. И даже сейчас эти существа могли бесследно исчезнуть на десятилетия, сменявшиеся периодом в несколько лет, когда Собиратели наносили свои редкие визиты на станцию в поисках торговли и обмена с другими народами.

И всякий раз, появляясь в Пограничных Системах, загадочные чужаки давали понять, что не потерпят аналогичных посещений своей родины. Несмотря на их предупреждения, в прошедшие столетия неоднократно предпринимались попытки пройти через ретранслятор Омега-4 и найти мир, с которого прилетали Собиратели. Но никому еще не удалось вернуться обратно. Бесчисленное множество частных кораблей, экспедиций и исследовательских флотилий, сгинувших без вести в чужой системе, служили неиссякаемым источником слухов и спекуляций. Некоторые даже утверждали, что Омега-4 ведет к черной дыре или сердцу звезды... Но тогда вставал вопрос, как сами Собиратели могли пользоваться ретранслятором массы. Другие легенды гласили о некоем техногенном рае и о том, что те, кто отправился туда, проводят свою жизнь в роскоши и неге на идиллической планете и не желают больше возвращаться в жестокий мир Пограничных Систем. Но самой распространенной была версия, что Собиратели просто обладают некой крайне продвинутой и уникальной системой обороны, уничтожавшей всякое чужое судно, появлявшееся из ретранслятора.

Сам же Пэл не был уверен, что хоть одной из этих гипотез имеет смысл доверять.

— А я-то думал, что Собиратели — это только миф.

— Распространенное заблуждение. Особенно для обитателей Пространства Совета. Но я на собственном опыте убедился, что они более чем реальны.

— И что же это была за сделка? — заинтригованно поинтересовался Пэл.

— Они захотели получить две дюжины «чистых» квариан — мужчин и женщин, вся жизнь которых прошла в Кочующем Флоте, без каких-либо посещений иных миров.

— А мне-то казалось, что каждый кварианин обязан отправиться в Паломничество, — заметил Пэл, вспомнив о ритуале взросления, принятом у этой расы.

— Не все мы его совершаем, — пояснил Гоуло. — Для тех, кто слишком слаб или болен, чтобы выжить за пределами колонии, делается исключение. Также в редких случаях Адмиралтейство может освободить от Паломничества кварианина, чьи навыки или таланты слишком ценны, чтобы им рисковать.

Немного помедлив, Гоуло с сожалением добавил:

— Я с самого начала должен был понять, что меня поймают. Но предложение оказалось слишком хорошим, чтобы отказываться.

Пэл кивнул. Это вполне сходилось с теми историями, которые он слышал. Продавая свои технологии или товары, Собиратели, как правило, требовали в обмен живые существа. Но они не были простыми работягами. Их запросы всегда были необычны и причудливы: две дюжины сариан-левшей; шестнадцать пар батарианских близнецов; кроган, зачатый родителями из враждующих кланов... Взамен Собиратели предлагали удивительные технологии или знания. Например, чертежи корабля с новым масс-приводом повышенной эффективности или запас улучшенных модулей наведения шестого поколения, способных радикальным образом повысить точность оружия. Да, конечно, со временем новые познания становились известными всему галактическому сообществу, но в течение нескольких лет могли принести огромную выгоду тому, кому хватало ума правильно ими распорядиться. Во всяком случае, так гласили легенды.

Поскольку своего истинного имени они не называли, то остальные народы прозвали их

Собирателями за причудливые, щедро оплачиваемые заказы. Как и в случае с вопросом о том, что находится за ретранслятором Омега-4, алогичные требования этих существ провоцировали всевозможные спекуляции. Одни видели в них следствие религиозных обрядов, другие — сексуальной развращенности или даже неких омерзительных кулинарных предпочтений. Но если Собиратели, как утверждал Гоуло, и в самом деле существовали, то Пэл скорее поддержал бы версию, что эти твари проводят некие генетические эксперименты, хотя даже и малейшего представления не имел, зачем им это могло понадобиться. В любом случае ничего хорошего от Собирателей ждать не приходилось.

— Ну, если они и в самом деле реальны, то почему никто до сих пор не попытался пресечь их деятельность? — поинтересовался наемник.

— Пока капает прибыль, кто станет волноваться? — ответил Гоуло, и его риторический вопрос идеально описал принцип, по которому жили Пограничные Системы. — Они приходят и предлагают товар стоимостью несколько миллионов кредитов, а взамен просят лишь пару десятков пленников. По факту Собиратели не хуже работоторговцев, только платят в разы лучше.

Торговля рабами была запрещена в Пространстве Совета, но в Пограничных Системах продолжала оставаться обыденностью. Впрочем, Пэла беспокоил далеко не моральный аспект деятельности Собирателей.

— И что, никого не заинтересовало, чем именно они занимаются там, с другой стороны ретранслятора? Они же могут изготавливать новое генетическое оружие. Что, если они изучают различные расы лишь затем, чтобы узнать о наших слабостях и уязвимых местах, а затем захватить нас?

Гоуло разразился пустым, гулким из-за маски смехом.

— О, у меня нет ни малейших сомнений, что они творят нечто недоброе, — признал он. — Но, в конце концов, они делают это уже пять веков. Планируй они вторжение, оно бы уже состоялось.

— Но разве тебе самому не любопытно?

— Излишне любопытные уже прошли через Омегу-четыре, — напомнил чужак. — Только так и не вернулись назад. Остальных же обитателей станции куда больше проблем далекой системы волнует, не прирежет ли их ночью сосед. Чтобы выжить здесь, надо всегда оставаться начеку.

«Неплохой совет», — подумал Пэл. Собиратели и в самом деле были интересными созданиями, так что он не удивился бы, узнав, что их уже пытаются найти агенты Невидимки. Но его задание к подобным поискам не имело ни малейшего отношения.

— Значит, ты утверждаешь, что можешь привести меня к тем, кто знает нужные коды?

Гоуло активно закивал, радуясь тому, что наемник вернулся к делам насущным.

— Я могу назначить вам встречу с одним из исследовательских кораблей Кочующего Флота, — пообещал он. — Главное, постарайтесь взять хотя бы кого-нибудь живьем.

ГЛАВА 5

Стюардесса встретила его жизнерадостной улыбкой, и ее голос звучал тепло и гостеприимно:

— Добро пожаловать на борт, мистер Грейсон. Меня зовут Эллин.

Ее лицо не было ему знакомо, но она могла лишь недавно устроиться на службу; все-таки он не так уж часто пользовался корпоративным челноком, чтобы знать всех. У Эллин были пронзительные зеленые глаза — скорее всего, искусственная окраска — и длинные блестящие золотистые волосы, опять же вряд ли натуральные. На вид ей было около двадцати лет, но никто бы не смог поручиться, что она не старше.

— Рад знакомству, Эллин, — кивнув, ответил Грейсон. Он неожиданно осознал, что смотрит на нее с глупой улыбкой. Его всегда привлекали блондинки.

— До старта осталось еще некоторое время, — сообщила стюардесса, принимая из его

рук чемодан, — но ваша каюта уже готова. Пожалуйста, следуйте за мной, я помогу вам устроиться, пока пилот заканчивает предполетную подготовку.

Он с интересом присматривался к фигурке Эллин, следуя за ней по узкому коридору к частной каюте на корме корабля.

— Надеюсь, вам понравится, — произнесла женщина, отходя в сторону и открывая перед ним дверь.

Ничего похожего на спартанские боксы военных кораблей или заурядные пассажирские спальни транзитных челноков. Оборудованная роскошной кроватью, сверхсовременным видеозэкраном, выделенной душевой кабинкой, полноценным баром и прочими удобствами, она почти не уступала лучшим номерам самых дорогих земных отелей.

— Мы прибудем в Академию Гриссома примерно через восемь часов, мистер Грейсон, — продолжала Эллин, ставя чемодан в угол. — Могу я еще чем-либо помочь вам, прежде чем мы взлетим?

— Думаю, я просто посплю, — сказал он. Каждая косточка его тела ныла, а голова раскалывалась — привычные последствия употребления красного песка. — Разбудите меня за час до прибытия.

— Конечно, мистер Грейсон, — заверила Эллин, выходя в коридор и закрывая за собой дверь.

Он разделся, впервые обратив внимание, насколько сильно вспотел. Левая ладонь заметно подрагивала, пытаясь расстегнуть пуговицы рубашки. Но он даже не думал о том, чтобы снова «припудрить ноздри»; Джиллиан не должна увидеть его в таком состоянии. Раздевшись, Грейсон повалился на постель. Ему было слишком душно и жарко, чтобы накрываться мягким шелковым одеялом.

Вскоре до него донесся тихий гул прогреваемых турбин. Конечно, Грейсон и сам мог бы сесть за штурвал, он все еще не забыл, как управлять подобным судном. Но сейчас «Цербер» требовал от него исполнения совсем иной роли. Ныне агент жил под легендой высокопоставленного представителя базирующейся на Элизиуме корпорации «Корд-Хислоп Аэропейс» — производителя сред нетоннажных космических кораблей. Этот статус позволял Грейсону путешествовать по всей галактике в шикарной личной яхте, не привлекая при этом лишнего внимания, а также объяснял происхождение огромной суммы, внесенной в качестве пожертвования в Академию Гриссома.

Те дни, когда он прикидывался пилотом частных яхт, развозящим подающих надежды политиков, давно канули в Лету; теперь агент мог позволить себе наслаждаться роскошью отдельной каюты и личной obsługi.

«Невидимка никогда не забывает своих, — подумал Грейсон. — Хм... готов поклясться, что так же думал и Менне. Пока его не прикончил Пэл».

Он резко сел на кровати, вспомнив последний визит огромного наемника. Кто поручится, что бывший напарник не рассказал Невидимке о красном песке? «Цербер» не станет ждать, пока какой-то наркоман завалит задание.

Была ли Эллин и в самом деле простой стюардессой? В «Корд-Хислоп» на самых обыденных должностях трудились тысячи простых людей, даже не подозревавших, что работают на полувоенную организацию. Вряд ли кто-то из них — да и вообще где бы то ни было — мог хотя бы догадываться о существовании «Цербера». Но среди них, на всех уровнях корпоративной лестницы, скрывались десятки агентов Невидимки. И Эллин вполне могла оказаться одной из них. Возможно, прямо сейчас она притаилась за дверью, готовясь всадить в шею Грейсона холодный как лед кинжал... так же, как сам бывший «пилот» поступил с Кео.

Он выкатился из кровати и сорвал со стены банный халат, а затем нажал на кнопку вызова. Прошло несколько секунд, и в дверь тихонько постучали. Грейсон помедлил, прежде чем провести рукой над запирающей панелью. Ему стоило усилий не отпрыгнуть, когда люк скользнул в сторону.

— Чем могу помочь, мистер Грейсон?

— Моя одежда... Не могли бы вы почистить и погладить ее?

— Конечно, сэр.

Стюардесса скользнула в каюту и собрала разбросанные вещи, двигаясь с невозмутимой, отточенной грацией. От нее исходила уверенность, профессионализм, который мог являться следствием специальной военной подготовки или же просто частью ее работы. Грейсон исподтишка поглядывал на женщину, стараясь заметить хоть один признак того, что она следит за ним. Будь Эллин сотрудником «Цербера», она должна была получить приказ не сводить глаз со своего пассажира.

Она распрямилась и повернулась к нему, сжимая в руках охапку одежды. Когда женщина заметила пристальный взгляд Грейсона, дежурная улыбка сползла с ее лица.

Тот покачал головой, отгоняя дурные мысли.

— Прошу простить. Я просто задумался.

— Могу еще чем-либо помочь, мистер? — Улыбка вернулась, но в глазах Эллин читалась тревога.

Грейсон отметил в ее голосе легкую дрожь. Либо эта женщина и в самом деле была лишь молоденькой напуганной стюардессой, либо исключительно хорошо играла свою роль. Эту мысль стремительно сменила другая: красный песок порождает паранойю.

— Спасибо, Эллин. Больше ничего.

Когда он шагнул в сторону, освобождая ей проход, на лице стюардессы возникло выражение явного облегчения. Она скользнула за дверь, а потом помедлила и обернулась:

— Сэр... Распоряжение разбудить вас за час до прибытия остается в силе?

— Да, будьте любезны, — быстро пробормотал он, закрывая дверь прежде, чем Эллин успеет увидеть румянец смущения на его щеках.

«Соберись наконец, — отругал себя Грейсон, скидывая халат и заваливаясь на кровать. — Хватит бояться каждой тени. Это задание слишком важно».

Гул двигателей изменил тональность. Продолжая разглядывать потолок, агент почувствовал, как на грудь наваливается тяжесть, вжимая его в мягкий матрас. Корабль устремился в небо, сражаясь с гравитацией и сопротивлением атмосферы, пытавшимися не пустить его к звездам. В каюте, только что слишком жаркой и душной, вдруг резко похолодало. Грейсон поежился и забрался под одеяло.

Искусственные поля масс-эффекта, создаваемые внутри судна, смягчили перегрузки, но инстинкты бывшего пилота позволяли безошибочно определить, что корабль продолжает набирать скорость. Это вызывало ощущение практически домашнего уюта и уверенности. Уже через несколько минут агент погрузился в глубокий сон.

— У нас есть новое поручение для тебя, — сказал Невидимка, и Грейсон понял, что спит.

Они сидели в его номере, и никого, кроме них двоих, больше не было... если не считать младенца, тихо посапывавшего на руках Невидимки.

— Меня впечатлило, как ты справился с работой на Эльдфелл-Эшленд. Я знаю, что задача была непростой.

— Это все ради высшего блага, — пробормотал Грейсон.

Даже пожелай он этого, ничего другого ему сказать бы не удалось. В те дни он и в самом деле верил всеми фибрами души, что занимается правым делом. Впрочем, верил Грейсон и сейчас, хотя та самая часть сознания, понимавшая, что он спит, назойливо твердила: «Все не так просто, как кажется».

— На сей раз у меня будет к тебе особенное поручение, — произнес Невидимка, протягивая дитя. — Она — биотик.

Грейсон принял младенца. Крошечная девочка была теплой и мягкой и весила куда меньше, чем он мог ожидать. Потревоженная, она открыла глаза и начала плакать. Агент тихо зашикал, осторожно покачивая ее. Глаза ребенка сомкнулись, она выдула крошечный пузырик слюны и снова уснула.

Учитывая возраст девочки, не оставалось ни малейших сомнений в том, каким именно

образом она подверглась воздействию элемента зеро.

— Для прикрытия ты станешь сотрудником «Корд-Хислоп», — сообщил Невидимка. — Поначалу тебе придется заниматься продажами, но за пару лет ты поднимешься до ранга официального представителя. Мы хотим, чтобы ты вырастил ее как родную дочь.

— И кто будет моим напарником?

— Никто. Твоя жена умерла при родах. И ты так и не нашел ей замены.

Грейсон на секунду задумался над тем, что стало с настоящими родителями девочки, но он был не настолько глуп, чтобы задавать этот вопрос вслух.

— Надеюсь, ты понимаешь, насколько важно это задание? — спросил Невидимка. — Понимаешь, какую удивительную пользу могут принести человечеству биотики?

Агент кивнул. Он верил в их дело. Верил в «Цербер».

— Нам стоило немалых усилий найти этого ребенка. Она особенная. Необходимо, чтобы она считала тебя своим отцом. Полагалась на тебя. Растить ее так, словно она и в самом деле рождена от твоей плоти и крови.

— Не сомневайтесь, — пообещал он.

Грейсон принес эту клятву, еще не понимая всех ее последствий. Знай он тогда реальную цену произнесенных слов, то не спешил бы с ответом... хотя вряд ли у него была возможность сказать что-то другое.

Младенец тихо закричал. Грейсон удивленно посмотрел на ее сморщенное крошечное личико.

— Не беспокойся, ты не останешься один, — заверил Невидимка. — Тебе станут помогать наши лучшие эксперты. Они сделают все, чтобы ребенок получил достойное воспитание.

Грейсон с умилением смотрел, как девочка ворочается во сне и чуть-чуть подергивает крошечными кулачками.

Невидимка поднялся, собираясь уйти.

— А у нее есть имя? — спросил агент, не отрывая от ребенка взгляда.

— У отца есть право самому выбрать имя своей дочери, — ответил босс, закрывая за собой дверь.

Как и всегда, на этом моменте Грейсон проснулся. Грохот захлопнувшейся двери все еще эхом раздавался в его ушах.

— Мягкий свет, — приказал он, и приглушенное мерцание прикроватной лампы разогнало тени.

Прошел всего один час; до прилета в Академию оставалось еще семь.

Выбравшись из-под одеяла, он снова накинул халат и подошел к чемоданчику. Подняв его, Грейсон уложил свой багаж на стол в углу каюты, затем опустился на стул и набрал код на замке. Через секунду чемоданчик с тихим шипением открылся.

Внутри лежало несколько папок с документами, дополнительно подкреплявшими легенду представителя «Корд-Хислоп», — в основном контракты и договоры о купле-продаже. Агент вытащил их и бросил на пол, а потом поднял потайное дно. Не обращая внимания на флакон, полученный от Пэла, — он был бесполезен до встречи с Джиллиан, — Грейсон протянул руку к крошечному целлофановому пакету с красным песком.

Агент давно гадал, как много было на самом деле известно Невидимке о девочке на тот момент, когда он отдавал ее. Знал ли босс о психическом состоянии Джиллиан? Знал ли, что однажды Альянс запустит проект «Восхождение»? Знал ли, что отдает ее только затем, чтобы однажды отнять снова?

Осторожно открыв пакетик, Грейсон отсыпал на столик небольшую кучку отличнейшей «пыли». Ровно столько, чтобы снять напряжение, не больше. Кроме того, до полета к Академии было еще полно времени.

Поначалу все было просто. Джиллиан ничем не отличалась от любой малышки. Раз в пару месяцев ее обследовали эксперты «Цербера»; они брали образцы крови, считывали

альфа-ритмы, проверяли состояние ее здоровья, делали проверки на скорость реакции и уровень развития. Даже врачи находили девочку вполне счастливым, здоровым ребенком.

Первые симптомы стали проявляться примерно между тремя и четырьмя годами. Какой-то безымянный синдром нарушения развития, сказали эксперты. Легко диагностировать — трудно вылечить. И не то чтобы они не пытались, — напротив, медики подвергли малышку всевозможным лекарственным и психологическим терапиям. Но все их старания пропали втуне. С каждым годом Джиллиан становилась все более рассеянной и замкнутой. Она заперлась в темнице собственного сознания.

Казалось бы, все увеличивавшаяся эмоциональная пропасть, разделявшая их, должна была сделать расставание с девочкой более легким, когда «Цербер» приказал отдать ее в проект «Восхождение». Должна была... но не сделала.

В жизни Грейсона, помимо служения «Церберу», не было ничего ценнее любви к дочери. Они всегда были неразлучны. С того момента, как ему передали Джиллиан, он не брал ни одного дополнительного задания, сосредоточив все свои старания на воспитании девочки. Забота о беззащитной малышке наполнила смыслом его существование. И она росла, превращаясь из младенца в красивую и умную, хотя и болезненную девушку, становясь для «отца» средоточием мира. Как и хотел Невидимка.

А затем, два года назад, они приказали ее отослать.

Он снова запечатал пакетик и осторожно уложил под фальшивое дно чемоданчика. Потом агент поднялся, сходил в душевую и вернулся назад с лезвием бритвы. С его помощью Грейсон разделил кучку красного песка на две длинные, узкие полоски.

Невидимка захотел отдать Джиллиан в проект «Восхождение», чтобы «Цербер» получил доступ к самым новейшим достижениям Альянса. И Невидимка всегда добивался желаемого.

У Грейсона не было иного выбора, кроме как повиноваться, но он все равно тяжело перенес расставание. В течение целых десяти лет эта девочка была важной частью его жизни. Ему хотелось вновь видеть ее улыбку по утрам и укрывать ее одеялом перед сном. Ему не хватало тех редких моментов, когда она разбивала незримую стену, отделявшую ее от реального мира, и проявляла к своему отцу истинную любовь. Но, как и положено родителям, Грейсону приходилось ставить благополучие ребенка превыше своих привязанностей.

Джиллиан было хорошо в Академии. Ученым удалось прорваться сквозь многие ограничения, прежде сковывавшие исследователей в области биотики. Они добились грандиозных успехов, намного превосходявших все, до чего могли самостоятельно прийти в «Цербере». И только в Академии Гриссома девочке могли правильно установить усилители революционно нового, четвертого поколения.

Была и другая причина, требовавшая отправить туда Джиллиан. Это был наилучший способ для «Цербера» получить доступ к исследованиям абсолютного предела биотических способностей, достижимого для людей. Способностей, которым предстояло стать могучим оружием в войне, ведущей к неизбежному возвышению человечества и Земли над всеми расами галактики. Джиллиан, как и ее отцу, предстояло сыграть свою роль в планах Невидимки. И однажды, надеялся Грейсон, люди станут превозносить его дочь как героя их цивилизации.

Он все это понимал. И принимал. Так же как принял и тот факт, что сам стал простым мальчиком на побегушках, посредником, позволяющим ученым «Цербера» при необходимости получать доступ к Джиллиан. К сожалению, легче от этого не становилось.

Существуй такая возможность, он бы каждую неделю навещал ее в Академии. Но Грейсон понимал, что Джиллиан плохо переносит постоянные визиты; ей была нужна стабильность в жизни — девочка с трудом справлялась с последствиями волнений и сюрпризов. Поэтому он старался держаться на расстоянии и не думать о дочери. Это позволяло легче переносить одиночество и давало возможность хоть немного приглушить постоянную боль, поселившуюся в его сердце.

Но иногда не думать о дочери было невозможно — как сейчас, например. Осознание того, что они скоро снова увидятся, наполняло все его мысли беспокойством о том, какие страдания вызовет их новое неизбежное расставание. В такие минуты боль ничем нельзя было унять. Во всяком случае, если не прибегать к помощи наркотика.

Наклонившись на стуле вперед, он прижал пальцем левую ноздрю и втянул в себя первую дорожку красного песка. Затем он поменял ноздри и вдохнул вторую. Мелкая пыль обожгла слизистую и заставила его прослезиться. Распрямившись, Грейсон заморгал и вытер глаза. Схватившись за подлокотники, он сжал их с такой силой, что суставы побелели. Агент слышал, как медленно и тяжело бьется его сердце: бум... бум... бум. Оно успело ударить лишь три раза, прежде чем Грейсона подхватила волна эйфории. В течение нескольких минут он катался на ней, закрыв глаза и покачивая головой.

Наконец он тихо, гортанно застонал от невыразимого, чистого блаженства.

Влияние первой дозы быстро улетучивалось, но Грейсон боролся с желанием втянуть еще одну порцию. Он чувствовал, как неприятные эмоции — панический страх, одиночество — по-прежнему рыщут в темных закоулках его сознания, но мягкий наркотический жар на время отпугнул их своим светом.

Мужчина открыл глаза, отметив, что комната словно окрасилась в розовый цвет. Это был один из побочных эффектов красного песка, хотя и не самый значительный из них.

Тихо и беспричинно посмеиваясь, он откинулся на спинку стула, балансируя на двух ножках. Его взгляд метался по комнате в поисках хоть чего-нибудь подходящего, пока не остановился на бумагах, брошенных на пол.

Стараясь не опрокинуться, он протянул к ним левую руку и щелкнул пальцами. Бумаги зашуршали, словно подхваченные ветерком. Грейсон постарался сосредоточиться... непростая задача, когда нежишься в красных облаках. Еще секунда, и он провел ладонью по воздуху. Бумаги взметнулись с пола, закружив по каюте.

Грейсон удерживал их в полете столько, сколько могли позволить его временные биотические способности, вызванные наркотиком, и документы плясали вокруг него, словно палые листья в грозу.

Но когда семь часов спустя в его дверь постучала Эллин, он снова был абсолютно трезв. Он даже успел поспать пару часов, принять душ, побриться и прибраться в каюте, уничтожив все следы красного песка.

— Мы прибудем через час, мистер Грейсон, — напомнила стюардесса, протягивая выстиранную и выглаженную одежду.

Благодарно кивнув, агент принял свои вещи и закрыл дверь. Вновь оставшись в одиночестве, он еще раз проверил, чтобы в каюте все было чисто.

«Вот в чем отличие между опустившимся наркоманом и тем, кто потребляет в меру, — сказал себе Грейсон, начиная одеваться. Его пальцы больше не дрожали, застегивая пуговицы. — И тому и другому нужна доза. Но тот, кто сохраняет разум, всегда старается скрыть свое пристрастие».

ГЛАВА 6

Кали не спалось. Она пыталась убедить себя в том, что просто не привыкла к чужой кровати, да и Джиро слишком громко храпит. Но она не пыталась будить его. К тому же на самом-то деле ничего непривычного в этом не было. Как правило, именно так и заканчивались их свидания. Их роман продолжался уже достаточно долго, хотя Кали и была старше своего партнера почти на двадцать лет. Когда ласки только начинались, он всегда был таким сильным, полным страсти и огня, но быстро выдыхался, не умея сдерживаться.

— Со временем ты всему научишься, — прошептала Кали, ласково поглаживая его обнаженное бедро. — И твои будущие подружки еще скажут мне за это спасибо.

Двигаясь тихо, чтобы не разбудить любовника, она выскользнула из-под одеяла и, обнаженная, встала с кровати. Теперь, когда их тела не грели друг друга, прохладный воздух

в комнате заставил ее задрожать.

Она начала искать свою одежду, что было непросто. В пылу страсти Джиро бездумно разбрасывал вещи, срывая их с Кали. Она разыскала и натянула футболку, когда молодой ассистент что-то пробормотал. Оглянувшись, женщина увидела, что тот все еще спит, а все его слова — лишь обыкновенные бессмысленные разговоры во сне. В течение нескольких медленно тянувшихся секунд Кали не спускала с него глаз — свернувшийся калачиком в своей постели Джиро казался таким юным, и на мгновение женщина испытала приступ стыда и смущения.

В том, чем они занимались, не было ничего криминального; оба достигли зрелого возраста, и, хотя Кали была его непосредственным начальником, ни их работа, ни заключенные контракты ни в коей мере не препятствовали подобным отношениям. Как любил выражаться Джиро, «этическая ситуация, лежащая в мутной области».

Порой Кали начинало казаться, что любовник только использует ее, чтобы быстрее сделать карьеру, хотя, скорее всего, причиной тому было лишь ее собственное чувство вины, пытающееся лишить их радости. В любом случае, если парень полагал, что, ублажая начальницу в постели, он чего-то добьется, его ждало великое разочарование. Что бы он ни делал, Кали всегда относилась к нему строже, чем к любому другому ученому. Но Джиро действительно знал свое дело; остальной персонал уважал его, а ученики обожали. Именно это и привлекло ее внимание в первый раз.

«Ага, это, а еще великолепный упругий зад», — с похотливой усмешкой подумала Кали.

Конечно, за прошедшие годы она не раз меняла сексуальных партнеров, и, честно говоря, их было даже больше, чем хотелось бы. Но, как и Джиро, все они были не более чем минутным увлечением. Не то чтобы она совсем не искала серьезных отношений... В те времена, когда Кали служила в армии Альянса, она даже мечтала о них, но сейчас, превратившись в гражданского специалиста, была более озабочена построением карьеры, нежели долговременными матримониальными планами.

К счастью, времени у нее все равно оставалось еще за глаза. Благодаря достижениям медицины женщины больше не были вынуждены спешить обзавестись семьей до сорока лет. При желании она могла бы потянуть еще лет двадцать и только потом родить идеально здорового ребенка.

Но в том-то и дело, что Кали не была уверена, что хочет этого. Она не испытывала неприязни к детям, — напротив, возможность поработать с юными биотиками стала одной из причин, склонивших ее к тому, чтобы занять должность в проекте «Восхождение». Просто она не видела себя утопающей в этом обыденном «житейском счастье».

«Да хватит уже, — одернула себя Кали. — Хватит думать о чепухе, и найди наконец эту чертову одежду».

Она заставила себя отбросить посторонние мысли. Заметив свои брюки, висевшие на спинке стула, Кали натянула их. Женщина все еще искала потерявшийся носок, когда Джиро проснулся и громко зевнул.

— Уходишь? — спросил он, не открывая глаз.

— Просто возвращаюсь к себе в комнату. Не могу уснуть, когда ты храпишь, словно гиппопотам.

Он улыбнулся и сел, подложив подушку под спину и облокотившись на изголовье кровати.

— Уверена, что это никак не связано с визитом Грейсона?

Кали решила, что разумнее будет не отрицать, и молча продолжала искать запропавший носок. Найдя же его, присела на краю кровати, чтобы натянуть. Джиро так же тихо наблюдал за ней, терпеливо дожидаясь хотя бы какого-нибудь ответа.

— Меня сильно тревожит Джиллиан, — наконец призналась она. — Такое чувство, что мы ничем не можем ей помочь. Быть может, эта программа ей просто не подходит.

— Э-э, постой-ка минутку! — воскликнул Джиро, неожиданно стряхивая с себя сон. Он

быстро прополз по кровати и положил руку на плечо Кали. — У Джиллиан же потенциал выше, чем... черт, выше, чем у кого бы то ни было! Именно для таких и существует проект «Восхождение».

— Вот только она не просто биотик, — возразила Кали, озвучивая давно копившиеся в ее голове аргументы. — У нее же серьезное нарушение умственного развития.

— Ты же не собираешься просить ученый совет изгнать ее? — испуганно спросил он.

— Это решение может принять только ее отец, — отрезала женщина, оборачиваясь.

— Значит, ты собираешься поговорить с Грейсоном? — Тревога почти покинула его голос.

— Я просто хочу предложить ему выбор. Быть может, Джиллиан было бы проще справиться с болезнью, не пытайся мы развивать ее биотические способности. Ее отец мог бы нанять частного репетитора, умеющего работать с такими состояниями. Богом клянусь, он и не такое может себе позволить.

— А что, если он не захочет забирать ее?

— Тогда у меня возникнут сомнения насчет искренности его переживаний за дочь. — Она пожалела о своих словах раньше, чем успела их произнести.

— Ты сейчас говоришь, как Гендель, — упрекнул Джиро.

Странно, но его замечание задело Кали куда сильнее, чем она могла предположить; видимо, ей все никак не удавалось забыть то, как Ник сравнил ее с начальником службы безопасности.

— Прости, — извинилась Кали. — Просто я устала. Боюсь, для меня слишком тяжело приходиться сюда каждую ночь. — Она помолчала, а затем пояснила: — Когда доживешь до моих лет, тоже поймешь подлинную цену сна.

— Шутишь, да? — недоверчиво спросил он. — Мне и так редко удается с тобой увидеться. Ты либо работаешь, либо проводишь время с Генделем.

— Он слишком любит интересоваться делами учеников, — пояснила она. — И в особенности — Джиллиан.

— А мне начинает казаться, что вас связывает нечто большее, чем просто дружба, — мрачно произнес Джиро.

Кали не смогла сдержаться и рассмеялась, а Джиро, нахохлившись, отвернулся.

— Прости, — сказала она, ласково обхватив его за плечи. — Не хотела тебя обидеть. Но, поверь, я не во вкусе Генделя. А вот ты ему, может, и понравишься.

Какую-то секунду его мальчишеское лицо сохраняло озадаченное выражение, которое сменилось румянцем смущения.

— О-ох, — произнес он, осознав весь смысл ее слов.

Прежде чем кто-либо из них смог продолжить разговор, в комнате зазвонил телефон. Джиро посмотрел на источник вызова, высветившийся на экране, и его глаза стали широкими как блюдца.

— Это Гендель!

— И что? — пожала плечами Кали. — Ответь ему.

Он протянул руку к переговорному устройству и коснулся кнопки.

— Гендель?

— К нам приближается челнок Грейсона, — прорычал голос с другого конца линии. — Он будет здесь менее чем через час. — Затем, выдержав паузу, Гендель добавил: — Похоже, этот сукин сын живет в каком-то своем пространстве-времени.

Кали закатила глаза. Вообще при посещении планеты или космической станции нормой приличий считалось прибывать в урочные часы по местному времени. Но Грейсон так много путешествовал по долгу службы, что это не могло не оказывать на него влияния. В конце концов, он был далеко не единственным отцом, прибывавшим в Академию посреди ночи, хотя и оказался единственным, против кого протестовал Гендель.

— А... ну ладно, — ответил Джиро. — Я буду готов.

— Я вначале позвонил Кали, но ее не было дома, — добавил Гендель. — Полагаю,

сейчас она у тебя.

Джиро обернулся к любовнице и пожал плечами, словно спрашивая: «И что я должен ответить?»

— Да, я здесь, — подала голос Кали после некоторого настороженного молчания. — Мы с Джиро встретим его в стыковочном отсеке.

— Увидимся там через сорок пять минут.

Раздался щелчок, и телефон умолк.

— И как он прознал про нас? — поинтересовалась Кали. Она не думала, что про их отношения кому-нибудь известно, да и Джиро никогда не славился болтливостью в этом вопросе.

— Кому же знать, как не начальнику службы безопасности, — усмехнулся ее ассистент, выбираясь из постели и направляясь в тесную душевую.

Возможно, Гендель и был чрезмерно ворчлив и суров, да еще к тому же слишком усердно заботился о своих «подопечных», но зато никто не мог упрекнуть его в пренебрежении обязанностями. И все-таки чем-то подобное объяснение не устраивало Кали.

— И как же он, на твой взгляд, догадался? — крикнула она, стаскивая футболку.

— Сдается мне, — высунул Джиро голову из душевой, — ты сама нас выдала. Готов биться об заклад, что он читает тебя, словно открытую книгу. Ты не слишком-то хорошо умеешь хранить секреты.

— А может, ты обо мне просто чего-то не знаешь? — загадочным тоном произнесла Кали, и ее любовник с хохотом скрылся за дверью. Спустя секунду оттуда донесся звук струящейся воды.

Полностью обнажившись, Кали проплыла по комнате и вошла в душевую. Джиро многозначительно вскинул брови, когда начальница присоединилась к нему.

— Даже и не думай, — сказала она. — Мы должны быть в стыковочном отсеке прежде, чем челнок Грейсона коснется палубы. Боюсь даже и представить, что произойдет, если мы оставим отца Джиллиан наедине с Генделем.

— И почему он так не любит Грейсона? — спросил Джиро, стоя позади и втирая в ее волосы шампунь.

Кали хотелось ответить: «Потому, что глава службы безопасности считает, будто отец девочки с таким предубеждением относится к биотикам, что и собственную-то дочь готов видеть не чаще пары раз в год. Потому, что родители самого Генделя фактически бросили его, отдав в программу АОБ. Потому, что, стараясь помочь Джиллиан освоить биотику, он пытается хоть как-то приглушить воспоминания о собственном одиночестве и изоляции в детстве».

— Сложно сказать, — вот и все, что она произнесла.

— Может, у Генделя просто стоит на него? — пошутил Джиро.

Кали неодобрительно вздохнула:

— Упаси тебя господь сморозить подобную глупость, когда тебя сможет услышать Гендель.

ГЛАВА 7

Академия Гриссома представляла собой стандартных размеров космическую станцию с полудюжиной стыковочных отсеков на внешнем кольце, каждый из которых мог вместить мало- или среднетоннажное судно. Им и некого было принимать, кроме кораблей снабжения, доставлявших необходимые ресурсы с Элизума, и прибывавших дважды в день пассажирских челноков.

Когда Кали и Джиро появились в ангаре, их уже дожидался Гендель, напряженно всматривающийся в обзорный иллюминатор. К разочарованию Кали, нынешнее положение станции не позволяло увидеть планету, вокруг которой та обращалась. Воспитателя всегда охватывал восторг при виде Элизума, проплывающего где-то под ними.

Как правило, посетители Академии — будь то родители учащихся или друзья сотрудников — прибывали вначале на планету, а затем уже пересаживались на пассажирский челнок. Лишь наиболее важные или же очень богатые гости могли позволить себе припарковать на станции личные яхты, избежав долгих часов ожидания и суеты общественных космодромов.

Кроме того, прямое прибытие позволяло обойтись без многочисленных проверок, проводимых службами контроля, так что при приеме подобных гостей требовалось присутствие офицера безопасности. В принципе обычно это было пустой формальностью, и Гендель посылал в доки кого-нибудь из своих подчиненных. Но всякий раз, когда прилетал Грейсон, начальник охраны встречал его лично. И Кали понимала, что таким образом Гендель достаточно грубо показывал отцу девочки, что тот находится под особым наблюдением.

По счастью, челнок еще не появился в поле видимости. Глава службы безопасности прервал свое наблюдение и повернулся к новоприбывшим:

— Я уже начал беспокоиться, успеешь ли ты.

Свой вопрос он адресовал Кали, старательно не замечая Джиро. Она не стала обращать на это внимания.

— Скоро он появится?

— Пять... быть может, десять минут. Я досмотрю Грейсона, и он будет в полном твоём распоряжении. Сможешь пару часиков посидеть с ним в кафе или погулять по станции.

— Он собирался сразу встретиться с дочерью, — возмутился Джиро.

Гендель посмотрел на молодого лаборанта так, словно тот вторгся в некий интимный разговор, и покачал головой:

— Джиллиан и без того плохо переносит эти неожиданные посещения. И я никому не позволю будить девочку посреди ночи только потому, что ее отец — самовлюбленный болван, которому не хватает мозгов дожидаться утра.

— Желание увидеться с дочерью вряд ли свидетельствует о самовлюбленности, — возразила Кали.

— К тому же она и так в последние месяцы поднимается достаточно рано, — добавил Джиро. — Джиллиан мало спит по ночам, а большую часть времени просто сидит с выключенным светом и разглядывает стену. Быть может, хоть так нам удастся вывести ее из этого состояния.

— Об этом мне не докладывали. — Лицо Генделя исказила угрюмая гримаса.

Он со всей серьезностью относился к своей работе и не выносил, когда кто-нибудь знал о привычках и поведении учащихся больше его самого.

Кали показалось, что он ищет драки, и она решила приглядывать за ним. Нельзя было допустить, чтобы офицер испортил этот день для Грейсона или Джиллиан.

— Ты все равно ничего не смог бы с этим поделать, — холодным тоном произнесла Кали. — Кроме того, доктор Санчес полагает, что беспокоиться не о чем.

Гендель уловил невысказанное предупреждение в ее голосе и предпочел оставить эту тему. Несколько минут они стояли молча, глядя в иллюминатор. Глава охраны нарушил тишину на первый взгляд невинным вопросом.

— Поговаривают, один из твоих старых приятелей скоро займет кресло в Совете, — заметил Гендель.

— Старых приятелей? — заинтересованно переспросил Джиро.

— Капитан Дэвид Андерсон, — пояснил охранник, не обращая ни малейшего внимания на то, как скривилось в обзорном иллюминаторе отражение лица Кали. — Они вместе служили в войсках Альянса.

— Почему ты никогда не рассказывала о нем? — поинтересовался Джиро, поворачиваясь к своей любовнице.

— Это давняя история, — ответила та, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно. — Мы с ним много лет не разговаривали.

Возникла неловкая пауза, и Кали могла только догадываться, какие мысли сейчас крутятся в голове Джиро. Конечно, он был весьма самоуверенным молодым человеком, но вряд ли ему легко было бы принять тот факт, что его подруга некогда крутила шашни с одним из самых прославленных героев человечества. Так что, когда лаборант заговорил снова, она была застигнута врасплох.

— Я бы предпочел увидеть на этом месте посла Удину.

— Да, интересно, как лягут карты, — отозвался Гендель, удивленно приподнимая бровь.

Дальнейшее общение было прервано пронзительным завыванием сирен, предупреждающим о приближении чужого судна. Через обзорный иллюминатор можно было увидеть, как запульсировали по краям стыковочного отсека внешние огни. Прошло несколько секунд, и в поле зрения всплыл корабль Грейсона — небольшая сверхсовременная корпоративная яхта.

Бесшумно рассекая вакуум, она вошла в доки и опустилась на палубу ангара. Кали ощутила легкий толчок, прокатившийся по полу, когда автоматические стыковочные зажимы зафиксировали корабль. К шлюзовому отсеку яхты протянулся полностью герметичный коридор. По нему подали воздух, и давление постепенно выровнялось, позволяя пассажирам перейти на базу, не облачаясь в скафандры.

— Что ж, пойдем встретим нашего гостя, — проворчал Гендель, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Покидая свои корабли, посетители проходили по воздушному коридору и оказывались в зале ожидания — просторном помещении с прозрачными пуленепробиваемыми стенами. Из пола поднимались ряды доходивших до пояса столбиков, между которыми был протянут красный канат, петлявший по залу и позволявший организовать новоприбывших в очередь, если их вдруг оказывалось слишком много. В конце по палубе была проведена желтая черта, за которой стояли два вооруженных солдата Альянса, служивших напоминанием о том, что Академия Гриссома существует лишь благодаря объединению сил гражданского общества и армии.

За спинами охранников находилась дверь, ведущая в небольшую приемную, где еще один солдат заносил в компьютер сведения обо всех прибывающих и убывающих. Дверь оставалась запертой до тех пор, пока дежурный не удостоверился, что очередной ожидающий посетитель имеет право присутствовать на станции.

Грейсон уже нетерпеливо топтался за желтой линией, когда его спустились встретить. Охранники невозмутимо несли свою вахту, просто не замечая его волнения.

Молодая женщина, сидевшая за столом регистрации, оторвала взгляд от монитора, заметив приближение Генделя. Ее лицо просветлело, когда она узнала начальника службы безопасности.

«Только зря время на него теряешь, сестричка», — подумала Кали.

— Один посетитель, в полном соответствии с расписанием, — сказала девушка, и ее голос прозвучал излишне весело и ветрено, выдавая недостаточный профессионализм. — Ждем только разрешения.

— Пропустите его, — вздохнул Гендель.

Регистратор улыбнулась и нажала пару кнопок на клавиатуре. Над стеклянной дверью загорелась зеленая лампочка, и замок открылся с отчетливым щелчком. Через секунду дверь бесшумно распахнулась.

— Проходите, мистер Грейсон, — услышала Кали голос одного из охранников. Впрочем, эти слова, можно сказать, прозвучали уже в спину входившему в дверь мужчины.

«Погано выглядит», — решила Кали.

Грейсон был облачен в простой рабочий костюм и нес явно дорогостоящий чемоданчик; надетые на нем вещи были чистыми и свежевыглаженными, а сам гость недавно побрился. Но несмотря на все это, он производил впечатление тяжело больного, почти опустившегося человека. Отец Джиллиан и раньше-то не мог похвастаться полнотой, а

сейчас и вовсе казался тощим как скелет. Одежда просто болталась на нем. Лицо его было изможденным и осунувшимся, воспаленные глаза запали, а губы пересохли и потрескались. Конечно, Кали не хотелось уподобляться Генделю и заранее записывать мужчину в наркоманы, но тот и в самом деле выглядел так, словно давно подсел на «пыль».

— Рады видеть вас снова, мистер Грейсон, — произнесла Кали, выходя вперед и приветствуя гостя прежде, чем Гендель успел сказать что-нибудь неподобающее.

— Давно вас не видели, — добавил глава охраны, не обращая внимания на ее старания. — Мы уж начали подумывать, что вы забыли к нам дорогу.

— Хотел бы я появляться почаще, — ответил Грейсон, пожимая руку Кали, но глядя при этом на Генделя. Отец Джиллиан не выглядел обиженным. Скорее уж в его голосе звучали примирительные или даже оправдывающиеся интонации. — Дела шли... туго... в последнее время.

— Ваша дочь была очень обрадована, когда узнала о вашем приезде, — весело произнес Джиро, выглядывая из-за плеча Кали.

— Да, мне тоже не терпится встретиться с ней, доктор Тошива, — ответил Грейсон, улыбаясь. При этом он обнажил зубы — обесцвеченные и даже словно прозрачные у корней. Очередной признак наркотического пристрастия.

— Позвольте принять ваш багаж, — через силу выдавил из себя Гендель.

— Предпочту понести его сам, — возразил Грейсон, и Кали увидела тень недовольства, скользнувшую по лицу начальника охраны.

— Следуйте за мной, — сказала доктор, беря посетителя за руку и отворачивая его от Генделя. — Я провожу вас к дочери.

— Простите, что выбрал неурочный час для своего визита, — произнес Грейсон, когда они зашагали по коридору, направляясь к спальному крылу. — Я вечно путаюсь, пытаюсь подстроиться под местное время.

— Ничего страшного, — заверила Кали. — Вы можете посещать Джиллиан в любое время дня и ночи.

— Очень не хотелось бы ее будить, — продолжал тот. — Но уже через пару часов мне снова придется улететь.

— Мы позволим ей завтра пропустить занятия и отоспаться, — заметил Гендель, следуя в нескольких шагах позади.

Грейсон ничего на это не ответил, и Кали не была уверена, что их гость вообще расслышал начальника охраны.

Но тут они подошли к комнате Джиллиан, и разговор прервался.

Кали протянула руку к контрольной панели, и дверь скользнула в сторону.

— Включить свет, — тихо произнесла доктор Сандерс, заставляя зажечься лампы.

Девочка уже не спала. Как и говорил Джиро, она сидела скрестив ножки, натянув на себя сразу две слишком маленькие для нее розовые пижамы; Кали вспомнила, что их в свой последний приезд подарил Грейсон.

— Привет, Джиджи, — произнес тот, заходя в комнату и называя дочь этим щенячьим именем.

Глаза Джиллиан тут же зажглись, и она протянула к нему руки, хотя даже и не попыталась подняться.

— Папочка!

Грейсон подошел к ее кровати и присел, но обнимать девочку не стал. Вместо этого он крепко сжал ее ладошки в своих руках, и Джиллиан явно была к этому готова.

— Как же ты выросла! — изумленно произнес Грейсон, отпуская дочь и отходя на полшага назад, чтобы лучше ее рассмотреть. Помолчав несколько долгих мгновений, он добавил: — Ты так похожа на мать.

Кали толкнула спутников локтями и кивнула в сторону двери, намекая, что им пора удалиться. Втроем они тихо покинули комнату, и люк с мягким шипением закрылся за их спинами.

— Пойдем, — произнесла Кали, как только они оказались в коридоре. — Пусть побудут наедине.

— Всех посетителей обязан сопровождать кто-нибудь из персонала Академии, — возразил Гендель.

— Хорошо, я останусь, — предложил Джиро. — Он сказал, что не задержится дольше чем на пару часов, так что я вполне могу поболтаться здесь по коридору. К тому же мне хорошо знакомо досье Джиллиан и я смогу ответить на любые вопросы.

— Годится, — отозвалась Кали.

Гендель, казалось, собирался вначале возмутиться, но потом сказал:

— Только не забывай присматривать за ним. Скажешь, когда он отправится восвояси.

— Пойдем, — сказала Кали. — Я угощу тебя кофе.

В кафетерии было пусто — до того момента, когда сюда, чтобы позавтракать, спустятся учащиеся и педагоги, оставалось еще несколько часов. Гендель уселся за один из столиков возле двери, а его спутница направилась к ряду автоматов по продаже напитков. Проведя по щели приемника карточкой сотрудника, она заказала две порции черного кофе и со стаканчиками вернулась обратно.

— Сукин сын выглядит все хуже и хуже, — произнес глава службы безопасности, принимая из ее рук горячий напиток. — Такое чувство, что он даже сейчас обдолбанный.

— Ты слишком строг к нему, — вздохнула Кали, опускаясь на стул напротив Генделя. — В конце концов, он далеко не первый отец ребенка-биотика, увлекающийся красным песком. Для нас, простых смертных, это дает хоть какую-то возможность понять тех, кто обладает даром.

— Нет, — отрезал он. — Разбрасывание бумажек силой одурманенного разума не имеет ничего общего с тем, что испытывает биотик.

— Да, но человеку вроде Грейсона просто недоступно большее. Представь себя в его шкуре. Он же просто ищет способ наладить контакт с дочерью.

— Тогда ему стоило бы навещать ее почаще, чем два раза в год.

— Это может быть не так уж и просто, — напомнила она. — Его жена погибла при родах. У дочери же серьезные нарушения психического и эмоционального развития. А тут еще выяснилось, что Джиллиан обладает невероятными способностями, и ему пришлось отправить ее в специальную школу.

— Каждый раз, как он приезжает и видит ее, — продолжала Кали, — его эмоции начинают плясать джигу. Я видела его лицо: любовь сменяется стыдом и одиночеством. Он понимает, что здесь ей лучше, но легче ему от этого не становится.

— Не знаю, у меня дурное предчувствие. А я привык себе доверять.

Прежде чем ответить, Кали сделала глубокий глоток из своего стаканчика. Кофе был вкусным и горячим, но оставлял горьковатое послевкусие.

— Надо будет потребовать от начальства, чтобы нам завозили кофе получше, — проворчала она, пытаясь сменить тему.

— И давно вы с Джиро? — спросил Гендель.

— А ты давно знаешь?

— Пару месяцев.

— Что ж, значит, еще два ты ни о чем не догадывался.

— Кали, будь поосторожнее с этим мальчишкой.

— Не бойся, не сломаю, — рассмеялась она.

— Я не об этом, — очень серьезным тоном произнес Гендель. — Почему-то я ему не доверяю. Слишком уж он скользкий. Слишком правильный.

— Опять твое чутье? — поинтересовалась Кали, поднося стаканчик к губам, чтобы скрыть усмешку. Чрезмерная заботливость главы охраны явно распространялась не только на учеников.

— Ты сама видела, как он отреагировал, когда я упомянул твою связь с Андерсоном.

— Скажи еще, что я должна тебя за это поблагодарить, — сказала она, закатывая глаза.

— Не было похоже, что он удивился, — продолжал Гендель, не обращая внимания на подначку. — Словно ему все и так было известно.

— И что с того?

— Мне очевидно, что ты ничего не рассказывала. Так откуда он мог узнать? Сведения о тех событиях засекречены. Проклятие, даже я знаю об этом только потому, что ты сама мне проболталась.

— Слухи распространяются быстро. Возможно, я случайно упомянула нечто подобное в разговоре с кем-нибудь, кто, в свою очередь, рассказал ему. Не делай из мухи слона.

— Может, я и ошибаюсь, — заключил Гендель. — Но будь осторожна. Чутье меня еще никогда не подводило.

Грейсон провел с Джиллиан несколько часов. Говорила в основном она, то взрываясь активностью и практически захлебываясь в потоке слов, то надолго замолкая, словно забывая о присутствии отца. Ему доставляло наслаждение слышать ее голос, но и к паузам он давно привык. Было радостно снова видеть свою дочь.

Все ее разговоры касались в первую очередь учебы и Академии: какие учителя ей нравятся, а какие — не очень; любимые школьные предметы; новые знания, полученные на уроках... Грейсон отметил, что девочка ни разу не упомянула других детей или биотические тренировки. Но давить и выяснять не стал. Рано или поздно она все равно сама обо всем расскажет.

Подходило время, когда ему предстояло улететь снова. Грейсон давно уже понял, что чем дольше он задержится, тем труднее будет уйти. Поэтому агент всегда заранее устанавливал для себя предел свидания с дочерью. Так было проще.

— Джиджи... — мягким голосом произнес он.

Джиллиан с отсутствующим выражением разглядывала стену, вновь заблудившись в собственных мыслях.

— Джиджи, — чуть громче сказал Грейсон, — папе пора идти. Хорошо?

В последний раз, когда он улетал, девочка никак не отреагировала на его прощания. Но в этот раз она чуть повернула голову и кивнула. Грейсон не знал, что хуже.

Он подошел к ее кровати и наклонился, чтобы поцеловать дочь в макушку.

— Ложись в постельку, милая. И забирайся под одеяло. Постарайся поспать.

Двигаясь медленно, будто автомат, управляемый его словами, Джиллиан повиновалась. Как только она улеглась, агент распрямился и пошел к выходу.

— Погасить свет, — прошептал он.

В комнате стало темно, и мужчина закрыл за собой дверь. Снаружи уже дожидался Джиро.

— Здесь безопасно? — спросил Грейсон и понял, что его голос прозвучал излишне угрюмо.

— Думаю, да, — тихо отозвался молодой лаборант. — Все еще спят. А если задержимся, всегда можно укрыться в моей комнате.

— Предпочту побыстрее покончить с этим и ко всем чертям убраться со станции, — сказал Грейсон, припадая на одно колено и укладывая чемоданчик на пол.

Открыв замок, он убрал потайное дно и достал полученный от Пэла флакон. Затем агент вновь распрямился и протянул его Джиро. Приняв эту посылку, ученый поднес ее к свету лампы.

— Похоже, опять сменили состав. Должно быть, шеф хочет попробовать что-то еще. — Он спрятал флакон в карман халата. — Надеюсь, никакого конфликта с ее обычными лекарствами не будет?

— А ты сам как думаешь? — холодно спросил Грейсон.

— Ну да, ну да... Дозировка прежняя?

— Новых инструкций не получал, — ответил агент.

— И конечно, ты понятия не имеешь, какое воздействие должен оказывать новый

препарат?

— Я не задаю подобных вопросов, — отрезал Грейсон. — И ты, если мозги есть, не станешь.

«Боже, — подумал он, едва слова успели слететь с его языка, — вот теперь я говорю, как Пэл».

Ему трудно было понять, хорошо это или плохо, но бывший напарник наверняка бы посмеялся.

— Не беспокойся, вреда ей не причинят, — добавил Грейсон, хотя и сам не понимал, кого успокаивает — собеседника или себя. — Она слишком ценна.

Джиро кивнул.

— Вот последние результаты по всем участникам «Восхождения», — сказал он, вынимая из кармана оптический диск. — Плюс кое-какие мои личные наработки по нашей особо выдающейся ученице. — Джиро кивнул на дверь Джиллиан.

Ни слова не говоря, Грейсон принял диск и спрятал его в чемоданчик.

— Значит, ты спишь с Сандерс? — покончив с этим делом, спросил агент.

— Это позволяет мне проще выполнять свое задание, — усмехнулся Джиро. — Мне положено выкачивать из нее информацию. Вот я и качаю ее при каждом удобном случае.

— Смотри только, чтобы не возникло привязанности, — предупредил Грейсон. — Ничего хорошего это не принесет.

— Все под контролем, — заверил его молодой ученый, на лице которого сияла раздражающе похотливая улыбка.

Грейсону живо представился заливающийся хохотом Пэл.

ГЛАВА 8

Спрыгнув с вездехода, Фэда Газу вас-Иденна поправила кобуру на поясе. Живя в Кочующем Флоте, кварианка никогда не носила пистолета, но законы их расы требовали, чтобы всякий, кто покидает мигрирующую колонию, был вооружен.

Следом за ней из машины выбрались Лайдж и Ануа — еще два члена ее команды. Фэда ощущала их нервозность. Да и сама она волновалась не меньше.

Она не доверяла Гоуло. Пусть тот и был ее сородичем, но одновременно он являлся и преступником, которого сочли достаточно опасным, чтобы изгнать из Кочующего Флота. Вот почему она отказалась встретиться с ним на Омеге — там было слишком просто подстроить западню. Поначалу изгой пытался протестовать, но затем согласился прилететь на Шельбу — отдаленный ненаселенный мир в близлежащей системе Виносс.

Атмосфера Шельбы была более-менее пригодна для дыхания, но температура на ее поверхности никогда не поднималась выше нуля, делая планету непригодной для фермерства. И в коре не содержалось ничего, кроме самых распространенных металлов и минералов, из-за чего и добыча руды здесь была невыгодна. Поэтому никто не обращал внимания на этот пустынный и одинокий мир. И поскольку перестрелку здесь вряд ли бы кто заметил, Гоуло еще тридцать раз бы подумал, стоит ли связываться с вооруженным отрядом.

Фэде было зябко, хотя скафандр и защищал ее от основного холода. Ей уже хотелось отказаться от встречи — просто развернуться и уйти. Но Гоуло обещал поставить партию воздушных фильтров и химических катализаторов, а несколько кораблей флотилии отчаянно нуждались в этих запасных частях. Какие бы чувства она ни испытывала к бывшему соплеменнику, никто в здравом уме не отказался бы от подобной сделки.

— Вон там, — окликнул кварианку один из ее спутников, указывая на обширное поле, покрытое синеватым льдом. По нему со стороны сиявших под солнцем зеленоватых гор, образовывавших поверхность планеты, приближался небольшой вездеход, вздымая за собой облака мерцающего снежного крошева.

Фэда вновь огляделась по сторонам в поисках еще каких бы то ни было машин, но, к своему облегчению, больше ничего не увидела.

Укрывшись на вершине огромного зеленого валуна примерно в миле от квариан, Пэл наблюдал за ними через прицел снайперской винтовки «Volkov». По правде сказать, он сомневался, что чужаки появятся, особенно учитывая репутацию Гоуло среди сородичей. Но изгой клялся, что они будут здесь.

И по всему выходило так, что это ничтожество не обмануло.

Квариане отошли от своей машины.

— У нас три цели, — услышал Пэл голос, донесшийся из наушников, встроенных в шлем защитного костюма.

— Отряд альфа берет на себя того, что справа, — спокойно ответил наемник. — Отряд бета — слева. Средним я займусь лично.

— Отряд альфа: цель подтверждена, — ответил тот же голос.

— Отряд бета: цель подтверждена, — в этот раз говорила женщина.

Вновь прильнув к прицелу, Пэл удостоверился, что его люди сумеют поразить свои мишени даже с такого расстояния. Но каждый из квариан упаковался в доспехи, и шансов на то, что людям удастся пробить кинетические щиты прежде, чем чужаки вновь укроются в машине, было немного. Оставалось только надеяться, что Гоуло выполнит порученную ему часть плана.

— Без приказа не стрелять, — распорядился наемник, беря в прицел центрального кварианина.

Квариане терпеливо ждали, пока приблизится второй вездеход. Вскоре Фэда уже могла слышать рычание его двигателей и скрип гусениц по заснеженной неровной поверхности. В разреженной атмосфере любой звук становился резким и звенящим.

Когда машина оказалась в пятидесяти метрах от них, Фэда вскинула руку ладонью вперед. Вездеход затормозил. Спустя несколько секунд отворился люк, и выпрыгнувший наружу кварианин, подняв руки над головой, медленно направился к ожидавшим его сородичам. Он остановился не доходя до них десяти метров, как и было предварительно оговорено. Лайдж и Ануа нацелили на новоприбывшего штурмовые винтовки.

— Гоуло? — спросила Фэда, пытаясь разглядеть лицо за дыхательной маской.

— Неужели ты проделала весь этот путь, только чтобы ограбить меня? — спросил он, кивая в сторону направленного на него оружия. Рук мужчина не опускал. В отличие от остальных, он не носил брони.

— Не люблю рисковать, — ответила Фэда. — А ты тем более не внушаешь мне доверия.

Существовало не так уж много преступлений, за которые могли изгнать из Кочующего Флота: убийство, постоянное асоциальное поведение, вандализм или же саботаж, несущий вред жилым кораблям. Но проступок Гоуло — попытка продать Собирателям собственных собратьев — был особенно мерзок.

Именно верность своему народу являлась краеугольным камнем кварианской культуры; само выживание Кочующего Флота зависело от того, насколько успешно сотрудничают его обитатели. И попытка продажи даже одного из сородичей была для Фэды предательством всего, во что верил ее народ, грехом, за который нет прощения.

— Ты пришел один? — спросила она.

Гоуло кивнул:

— Ваш заказ лежит в багажном отделении, и вы можете взглянуть на него сами.

Фэда извлекла свой пистолет из кобуры и направила его на Гоуло, а затем кивнула Лайджу, чтобы тот проверил машину изгой.

По-прежнему не опуская оружия, он медленно приблизился к чужому вездеходу. Это был простой грузовик с тесной двухместной кабиной и закрытым кузовом. Последний представлял собой простой прямоугольный контейнер на колесах с поднимающейся вверх дверью для погрузки-разгрузки товара.

Лайдж коснулся кнопки на задней панели грузовика, но та только запищала и загорелась красным.

— Заперто.

— Скажи код доступа, — потребовала Фэда, угрожающе размахивая стволом перед носом Гоуло.

— Семь, два, шесть, девять, — ответил изгой.

Лайдж ввел указанные цифры. И вот тут началось настоящее светопредставление.

— Готовься, — прошептал Пэл, когда один из чужаков подошел к вездеходу Гоуло.

Спустя секунду прицел ослепила вспышка разорвавшейся мины, прикрепленной к двери крытого кузова. Ударная волна отшвырнула ближайшего кварианина и повалила на землю остальных, включая Гоуло.

— Пли, — приказал наемник предельно спокойным голосом, мягко и плавно надавливая на спусковой крючок своей винтовки.

Взрывом Фэду сбilo с ног. Она рухнула на снег, больно ударившись о камни, но быстрым движением вновь поднялась и вскинула пистолет, чтобы пристрелить Гоуло, все так же валявшегося на земле и закрывавшего голову руками.

Кварианка нажала на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Бросив быстрый взгляд на оружие, она увидела, что один из индикаторов мигает красным — автоматическая система наведения была перегружена.

Выругавшись, Фэда перевела пистолет на ручной режим, прекрасно понимая, что импульс, повредивший оружие, должен был вывести из строя и кинетические щиты.

Ее плечо взорвалось обжигающей болью, когда в него, легко пронзая бронированные пластины и врезаясь в плоть, ударил крошечный, будто иголка, заряд, выпущенный с немыслимым ускорением. Попадание заставило кварианку прокрутиться на месте и выронить пистолет. Через секунду она ощутила, как разлетается ее колено, и повалилась на стылую землю. Даже сквозь свой крик Фэда слышала отчетливый свист пуль, пронесшихся сквозь разреженную атмосферу.

Кварианка видела тело Лайджа, так и не поднявшегося после падения. Его маска была уничтожена взрывом, а лицо превратилось в кровавое месиво. Отчетливо был замечен лишь один глаз, неподвижно и мертво взиравший на Фэду. Тело подергивалось от попаданий, но противник только впустую расходовал свои пули на мертвеца.

«Быстрее в машину!» — кричала каждая клеточка ее мозга, и кварианка поползла к вездеходу на животе. Она даже не успела почувствовать, как в затылок вонзается еще один заряд, мгновенно оборвавший ее жизнь.

Пэл продолжал стрелять, вгоняя пулю за пулей в уже неподвижное тело, пока не услышал в шлеме голос Гоуло:

— Думаю, можно прекращать. Они все мертвы.

Поднявшись из-за камней, Пэл опустил винтовку, а затем пристегнул ее к креплению на спине.

— Отряд бета, встречаемся в намеченной точке. Отряд альфа, прикрываете нас на тот случай, если прибудет подкрепление.

Сила гравитации на Шельбе составляла девяносто две сотых от земной, и наемник, несмотря на неудобный скафандр, быстро добрался до места встречи. У него ушло чуть больше пяти минут, чтобы спуститься к сцене бойни. Гоуло уже поджидал его, находясь в компании двух женщин из отряда бета. Втроем они снимали с мертвых чужаков одежду и экипировку. Темные облачения были изрешечены пулями и залиты кровью, но вряд ли кто-нибудь мог это заметить прежде, чем станет поздно.

Пэл был слишком крупным мужчиной, чтобы сойти за кварианина, зато телосложение и рост женщин идеально подходили для этой роли. Скрыв лица за зеркальными щитками

герметичных шлемов и закутавшись в снятое с чужаков тряпье, они легко могли прикинуться кварианами.

— Вы засекли их корабль? — спросил, подходя, Гоуло. Как и женщины, он натягивал на себя чужие вещи.

— Мы вычислили их еще на подлете, — ответил Пэл. — Они в каких-то десяти километрах.

— На борту будут еще трое или даже четверо, — сообщил изгой. — Скорее всего, они вооружены, но без боевых скафандров. Не забывайте, хотя бы одного надо взять живым. И лучше всего — пилота.

Гайло'Яаа вас-Иденна, пилот разведывательного судна «Циниад», приписанного к несущему кораблю «Иденна», был удивлен, увидев выкатившийся из-за горизонта вездеход Фэды.

Кварианин снял с пояса рацию и нажал на кнопку.

— Фэда, это Гайло. Ты меня слышишь?

Через секунду пришел ответ, но его настолько задавило помехами, что Гайло ничего не смог разобрать.

— Я тебя не слышу, Фэда. Все в порядке?

На сей раз рация издала такой пронзительный визг, что пилот, поморщившись, выключил ее.

— Приготовьтесь, — приказал Гайло по внутрикорабельной связи. — Фэда возвращается.

— Но почему она не предупредила? — спустя пару мгновений донесся вопрос.

— Похоже, у нее какие-то проблемы с рацией.

— Но я же починил ее только неделю назад! — возмутился голос.

— Полагаю, придется тебе снова браться за паяльник, — откликнулся Гайло, улыбаясь. — Но на всякий случай будьте начеку.

В поломках для экипажа «Циниада» не было ничего необычного. Как и все корабли и машины, входившие в состав Кочующего Флота, их вездеход видал и лучшие дни. Большинство рас, населявших галактику, давно бы пустили его в утиль или продали на запчасти. Но квариане, испытывавшие суровую нехватку ресурсов и материалов, не могли позволить себе подобную роскошь.

Гайло часто задавался вопросом, как долго они смогут при помощи примитивнейших починок сохранять свой вездеход на ходу, прежде чем признают поражение и разберут его на запчасти. Пилот надеялся, что машина продержится еще хотя бы несколько месяцев. А при должном везении она могла протянуть даже год.

«Впрочем, — подумал он, наблюдая за тем, как вездеход подкатывает к грузовому шлюзу, — удача редко благоволит кварианам».

Из открывшегося люка на снег прыгнули три силуэта. Один из них замахал руками, подавая знак открыть шлюз, чтобы завести внутрь машину с грузовым прицепом.

Гайло поднялся из кресла и направился к трюму, чтобы помочь должным образом разместить товар. Он уже протискивался мимо столов и стульев их крошечной столовой, когда до него донеслись крики и звуки пальбы.

Срывая пистолет с пояса, он отшвырнул со своего пути стул и бросился на помощь товарищам по экипажу. Пилот практически скатился по лестнице, ведущей в трюм, боясь даже думать о том, что может опоздать. Оказавшись на нижней палубе, он застыл, ошеломленный представшим перед ним зрелищем.

Грузовой контейнер оказался открыт, но внутри было пусто. Все остальные члены экипажа были мертвы и лежали распластавшись на полу. По залу в поисках выживших рыскали закованные в броню существа — слишком громоздкие для квариан. Чтобы оценить обстановку, пилоту потребовалось не больше секунды. Но его полностью сбил с толку вид Фэды, Лайджа и Ануа, нацеливших на него свое оружие. Даже стой они рядом, Гайло не

сразу бы успел сообразить, что перед ним чужаки.

А спустя секунду уже было поздно что-либо предпринимать. Один из замаскированных врагов выстрелил, и пилот почувствовал, как пуля разрывает мягкие ткани его бедра. Вскрикнув от боли, он выронил оружие. И тогда противники набросились на него. Двое прижали Гайло к полу, а третий навис над ним, целясь из пистолета.

Пилот отчаянно извивался, пытаясь вырваться из их рук. Его затуманенное скорбью сознание отказывалось обращать внимание как на невыносимую боль, пульсировавшую в бедре, так и на угрожающе маячившее перед глазами дуло оружия.

— Не дергайся, и мы сохраним тебе жизнь, — на безукоризненно чистом кварианском произнесла нависшая над ним фигура.

Даже пелена, застилавшая разум, не помешала Гайло опознать говорившего. Фэда предупреждала всех о том, с кем собиралась встретиться, — об изгнаннике, осужденном за предательство собственного народа. И вот экипаж «Идейны» угодил в его ловушку. Гайло обмяк в руках убийц, когда его ярость сменилась бессилием и отчаянием.

Предатель склонился ниже, небрежно поигрывая оружием.

— Кто ты?

Пилот не ответил.

— Я спросил, как тебя зовут! — повторил выродок, ударив Гайло рукоятью пистолета по голове. Перед глазами плененного кварианина поплыли звезды. — Кто ты?

И вновь пилот промолчал.

Пистолет еще раз обрушился на его затылок, и Гайло едва не откусил язык. Пилот ощутил привкус крови во рту и чуть было не потерял сознание.

— С тобой говорит Гоуло'Мекк вас-Усэла. Спрашиваю в последний раз: кто ты?

Гоуло... член экипажа «Усэлы».

— У тебя нет права носить это имя! — крикнул Гайло, и его слова эхом отразились от стенок шлема. — Ты — вас-Нэдас! Гоуло нар-Таси!

Кварианин без корабля; Гоуло — сын никого. Преступник. Одиночка. Изгнанник.

В этот раз удар пришелся в лобовую щиток и оказался достаточно сильным, чтобы по стеклу пробежала трещина. В нос пилота ударил незнакомый, пугающий запах неочищенного воздуха — воздуха, переполненного бактериями и вирусами.

Прилив адреналина, вызванный чистым, первобытным ужасом, придал силы мышцам Гайло, и он сумел стряхнуть с себя пленителей. Он поднялся на колени и уже был готов вскочить и броситься бежать, но та пуля, что ранила его в бедро, превратила ногу пилота в бесполезную груду плоти.

В итоге он просто повалился вперед, ударившись лицом о стальную палубу трюма. Кто-то тут же насел на него сверху, выбивая воздух из легких. Еще секунда, и Гайло ощутил болезненный укол в области шеи, а затем его сознание окутал теплый голубой туман.

Пилот почувствовал, как его переворачивают на спину, но был уже не в силах сопротивляться. Он просто лежал на полу, устремив пустой взгляд на лампы под потолком и не имея возможности ни пошевелиться, ни произнести хотя бы слово. Туман становился все более плотным, готовым поглотить и его, и весь мир. Последним, что услышал Гайло, прежде чем провалиться в небытие, был голос кого-то, принадлежавшего к человеческой расе:

— Ты разбил его маску. Вряд ли мой шеф обрадуется, если этот урод подхватит какую-нибудь заразу и сдохнет.

ГЛАВА 9

Джиллиан медленно и неуверенно пробиралась через кафетерий. Остальные дети болтали и веселились; девочке непросто было отрешиться от беснующейся в помещении бури бессмысленных, пугающих, чрезмерно громких звуков.

Она несла поднос с обедом, осторожно балансируя и постепенно приближаясь к

пустому столику в дальнем углу. Именно там она и сидела каждый день — в полном одиночестве и предельно возможном удалении от гомона беснующихся подростков. Особенно громкие звуки — пронзительный смех или звон падающего подноса — заставляли ее голову дергаться, точно от пощечины. Но девочка изо всех сил старалась не уронить свою еду.

Вначале Джиллиан оставалась в классе, когда раздавался звонок на большую перемену и все дети сломя голову бежали в кафетерий. Гендель или мисс Сандерс всегда приносили ей обед, чтобы она могла спокойно поесть в благословенной тишине одиночества. Но те времена прошли.

Джиллиан пыталась освоиться в обществе.

Ей было тяжело осознавать, насколько сильно она отличается от остальных, и более всего на свете ей хотелось бы стать нормальной. Но другие дети пугали ее. Они были слишком быстрыми. Слишком громкими. И они постоянно прикасались друг к другу: мальчишки хлопали друзей по спинам и плечам, толкались и пинались. А еще они смеялись над непонятными ей шутками; девочки становились тесным кружком и, приставляя к губам ладонь, шептали что-то в самое ухо собеседницы, а затем хихикали и визжали, держась за руки или подхватив приятельницу под локоток. И Джиллиан несколько раз видела, как они расчесывают друг другу волосы. Она часто задавалась вопросом: каково это — жить в мире, где физический контакт с чужой плотью не заставляет твои нервы взрываться огнем или кричать от невыносимого холода?

Хорошо, что никто хотя бы не пытался издеваться или подшучивать над ней, во всяком случае в глаза. Обычно ее старались избегать, обходить стороной. Но Джиллиан все равно порой ловила на себе их взгляды — смущенные, недоверчивые, презрительные. Она казалась им чокнутой, от которой стоит держаться подальше. И все же она не оставляла своих попыток. Каждый день Джиллиан подвергала себя мучительному путешествию через кафетерий, медленно и осторожно двигаясь с подносом к своему столику. Она надеялась, что со временем ей станет проще, что регулярное повторение этой процедуры позволит легче переносить чужое общество. Но пока результаты заметны не были.

Добравшись до своего места, девочка опустилась на тот же самый стул, на котором сидела каждый день, и прислонилась спиной к стене, чтобы иметь возможность видеть весь кафетерий. Устроившись, она начала медленными, ровными движениями отправлять еду в рот, испуганными и полными тоски глазами наблюдая за другими детьми. Не в силах понять их мир, она все же надеялась однажды стать такой же, как они.

Ник наблюдал за тем, как Джиллиан идет по центральному проходу кафетерия. Когда она поравнялась с их столиком, он громко и визгливо залаял, точно собака, которой наступили на хвост. Девчонка дернулась, но больше никаких признаков того, что обратила на него внимание, не подавала. И к его глубокому сожалению, даже не выронила поднос.

— Ха! А я что говорил? — ликуя засмеялся Сэшон.

Ник хмуро протянул ему свое шоколадное пирожное — ставку в этом споре.

— Да что с ней вообще такое? — задал он вопрос, обращаясь сразу ко всем шести мальчишкам, собравшимся за его столом.

— У нее что-то с мозгами или вроде того, — ответил один из них. — Гендель как-то раз упоминал об этом.

Услышав это имя, Ник поморщился. Он все еще злился на начальника охраны за то, что тот посадил его под домашний арест.

— Интересно, что в нашем классе делает умственно отсталая? — Ему и в самом деле хотелось это знать.

— Она не отсталая, тупица, — ответил Сэшон. — Просто странная.

— Готов поспорить, она даже не биотик, — продолжал Ник, наблюдая за Джиллиан.

Та тоже смотрела в их сторону, но он не мог понять, направлен ее взгляд на него или на кого-то еще в зале.

— Она никогда не пропускает тренировки, — возразил один из мальчишек.

— Ну да. И просто сидит там на одном месте. Она ни разу даже не попыталась выполнить упражнение.

— Это оттого, что она со странностями, — повторил Сэшон.

Вот теперь Ник был уверен, что Джиллиан смотрит именно на него. Он помахал ей, но никакого ответа не дождался.

— Машешь своей подружке?

Ник ответил Сэшону, слегка щелкнув того биотикой по носу. Этот трюк он освоил лишь недавно.

— Почему бы тебе не подойти и не поцеловать ее? — продолжал подшучивать Сэшон.

— А почему бы тебе не полизать мои орешки?

— Да ладно тебе. Просто сядь рядом и поговори с ней. Интересно же, что получится.

— Гендель запретил ее беспокоить, — встревожился другой подросток.

— К черту Генделя, — автоматически откликнулся Ник, хотя и оглянулся при этом на главу службы безопасности, стоявшего у входа вместе с кем-то из учителей.

— Вот и славно. — Сэшон брал его на слабо. — Сходи к ней. Поговори.

Ник посмотрел на остальных мальчишек. Все они ехидно усмехались, выжидая, хватит ли ему смелости.

— Сделаешь это, и я верну твое пирожное, — предложил Сэшон, в буквальном смысле подслащивая ситуацию.

Ник немного помедлил, не зная, как будет лучше поступить. Но затем его живот заурчал, принимая решение вместо хозяина. Подросток оттолкнулся от стола и вскочил на ноги, тем самым отсекая себе путь к отступлению.

Он быстро оглянулся, чтобы убедиться, что Гендель по-прежнему занят разговором с учителями, а потом побежал к столику Джиллиан.

Проскользлив по полу, он остановился и плюхнулся на стул напротив нее. Девчонка посмотрела прямо ему в глаза, но не произнесла ни слова. Неожиданно Ник испытал приступ неловкости и смущения.

— Привет, — сказал он.

Она не отвечала, все так же неторопливо пережевывая еду. Мальчик обратил внимание, что ее поднос по-прежнему практически полон: тарелка супа, два сэндвича, яблоко, банан, кусок ванильного пирога и полкварты молока.

В столь плотном обеде не было ничего необычного — биотикам необходимо питаться куда обильнее, нежели обычным людям. Но Ник был удивлен тем, как именно Джиллиан поглощает свою порцию. Девчонка успела попробовать уже все, что лежало на подносе. Даже пирог.

Мальчик изумленно наблюдал за тем, как она откусывает от одного из сэндвичей, опускает его на тарелку, старательно пережевывает, проглатывает и повторяет ту же процедуру со вторым бутербродом. После она укусила яблоко, потом — банан, за ним — пирог, отхлебнула молока, зачерпнула супа и вновь вернулась к первому сэндвичу. И за все это время не проронила ни звука.

— Почему ты так ешь? — наконец в полном смущении спросил Ник.

— Я голодна, — ответила Джиллиан.

Ее голос был ровным и бесцветным, что заставило мальчика понять — она не шутит.

— Но ведь никто так не ест, — сказал он. Когда же девчонка не ответила, добавил: — Вначале едят суп, затем сэндвичи. Потом фрукты. А пирог — в последнюю очередь.

Джиллиан остановилась, так и не откусив от яблока, замершего возле самых ее губ.

— А когда же пить молоко? — спросила она все тем же лишенным эмоций голосом.

— Ты, должно быть, шутишь, — покачал головой Ник.

По всей видимости, этот ответ не удовлетворил ее, поскольку девчонка вновь вернулась к еде, продолжая по кругу надкусывать каждое блюдо.

Ник оглянулся на столик, за которым сидел Сэшон с остальными мальчишками. Они

хохотали и показывали ему неприличные жесты. Тогда он вновь повернулся к Джиллиан, которая, казалось, ничего не замечает.

— Скажи, как ты попала в класс биотики? — спросил он.

Вопрос, судя по всему, ей не понравился, но она ничего не ответила.

— Ты хотя бы знаешь, что это такое? Вот я — очень хорош в биотике. Если хочешь, могу показать тебе фокус.

— Нет, — спокойно ответила она.

Ник нахмурился. Здесь происходило нечто странное, чего он до конца не понимал. Девчонка словно издевалась над ним. И тогда ему в голову пришла одна мысль.

— Осторожнее со своим молоком, — сказал он с нахальной усмешкой. — Похоже, оно сейчас разольется.

Едва эти слова сорвались с его губ, он потянулся сознанием и толкнул. Стакан опрокинулся, и молоко расплескалось по подносу и промочило сэндвичи, прежде чем перелиться через край, прямо на колени Джиллиан.

А через секунду Ник обнаружил, что взлетает в воздух.

Джейкоб Берг, профессор математики, как раз рассказывал ему шутку про асари и волюса, зашедших в кабак к кроганам, когда Гендель боковым зрением заметил нечто одновременно удивительное и пугающее.

От дальней стены через весь кафетерий летел Ник. Подросток промчался по воздуху добрых двадцать футов, прежде чем рухнуть на один из столов. Удар оказался настолько сильным, что ножки стола подломились, а подносы с едой раскидало во все стороны. Сидевшие там ученики испуганно закричали, а затем начали озираться в поисках ответственного за происшествие.

Гендель был удивлен не меньше их, увидев, как возле дальней стены встает со своего стула Джиллиан, воздевая руки к небу. Ее лицо превратилось в маску гнева и ненависти. И вот тогда, к своему ужасу, он понял, что девочка еще не закончила.

Рядом с ней, будто подброшенные невидимым великаном, взмыли в воздух стол и пустые стулья. По всему кафетерию взлетали под самый потолок подносы, а затем переворачивались, поливая обедавших учеников остатками еды.

В зале началась паника. Дети с криками выскакивали из-за столов и бежали к выходу, сбивая друг друга в поспешном бегстве. Освободившиеся стулья тут же отрывались от пола и беспорядочно кружили по кафетерию, только усиливая общий хаос.

Гендель уже пришел в движение. Он отчаянно продирался сквозь толпу подростков, пытаясь подобраться к Джиллиан. Несмотря на его габариты, справиться с несущимся навстречу потоком тел было непросто.

— Джиллиан! — закричал начальник службы безопасности, но его голос утонул в криках окружающих.

Ник по-прежнему лежал на обломках стола. Гендель припал рядом на одно колено, чтобы проверить его состояние. Мальчишка потерял сознание, но продолжал дышать.

Вновь вскочив на ноги, офицер побежал дальше, грубо отпихивая напуганных детей, пока наконец не вырвался из толпы. Теперь его отделяло от Джиллиан не более тридцати футов.

По пространству между ними словно пронесся смерч: столы и стулья были опрокинуты, а пол стал скользким от супа, молока и сока. Девочка все так же стояла возле стены, подняв руки. Она кричала. Это был высокий, протяжный вой, от которого по спине Генделя побежали мурашки.

— Джиллиан! — рывкнул он снова, бросаясь к ней. — Немедленно прекрати!

Офицер перепрыгнул через стол и чуть не упал, поскользнувшись на остатках чьего-то обеда. Он раскинул руки, пытаясь обрести равновесие, но в этот миг его сбил с ног один из круживших в воздухе стульев.

Удар был болезненным, хотя и неопасным. Гендель поднялся с пола, с головы до ног

вымазанный в молоке и размокших хлебных крошках.

— Джиллиан! — крикнул он. — Ты должна остановиться!

Девочка не только не отвечала, но даже не подавала признаков, что замечает его присутствие. Тогда он вновь бросился вперед, на бегу хватаясь за станнер. Но прежде чем расчехлить его, Гендель попытался еще раз достучаться до сознания своей воспитанницы.

— Прошу тебя, Джиллиан! Не вынуждай меня...

Договорить ему не дала внезапно налетевшая стена биотической энергии. Она тяжелой наковальней ударила в его грудь, вышибая воздух из легких. Офицера подкинуло и отшвырнуло, точно кто-то отдернул марионетку за веревку. Он приземлился на перевернутые столы, сильно ударившись головой и локтем. Правая рука онемела.

Оглядевшись, он понял, что пролетел двадцать футов и теперь лежит среди поломанной мебели и разбросанных подносов. Пошатываясь, Гендель поднялся. От любого усилия хотелось кашлять, во рту ощущался привкус крови.

Еще секунду офицер помедлил, собираясь с силами, а затем обратился к собственному биотическому дару, воздвигнув перед собой мощный гравитационный барьер, который должен был защитить его от летающих стульев и атак со стороны Джиллиан.

Укрывшись за этой мерцающей стеной, Гендель завозился с чехлом станнера. Правая рука еще не до конца отошла от удара, и ему приходилось тянуться к оружию левой.

— Прошу тебя, Джиллиан, не заставляй меня так поступать! — в последний раз крикнул он, но девочка, скорее всего, просто не слышала его за собственным воем.

Внезапно в паре футов от мужчины что-то ярко полыхнуло, и начальника службы безопасности окатило жаром. Резко оглянувшись, он увидел удивительное зрелище: посреди зала к потолку поднимался вихрь черной энергии, нараставший до тех пор, пока не достиг критической отметки и не начал складываться сам в себя.

Являясь биотиком, прошедшим хорошую боевую выучку, Гендель сразу понял, что происходит: Джиллиан создавала сингулярность — субатомный сгусток практически бесконечной массы, обладающий достаточным гравитационным полем, чтобы разорвать ткань пространственно-временного континуума. Ближайшие к вихрю столы и стулья заскользили по полу, притягиваемые к эпицентру космического явления, неожиданно возникшего посреди уютного кафетерия.

Движимый одним лишь инстинктом, Гендель выскочил из-за своего барьера, сражаясь со стремительно возрастающим притяжением сингулярности. Наведя оружие на цель, он выстрелил. Заряд ударил точно, и вихрь исчез с громким хлопком, а по помещению прокатилась волна внезапно высвободившегося воздуха. Вопли Джиллиан резко оборвались, когда ее поразил электрический импульс.

На мгновение она приподнялась на пятках, запрокинув голову. Ее мышцы пробил дрожь, а затем, словно в каком-то причудливом танце, она всплеснула руками и без чувств повалилась на пол.

Гендель торопливо подбежал к ней, на ходу по рации вызывая врача.

Джиллиан что-то забормотала во сне. Кали, сидевшая на краю больничной койки, протянула ладонь, собираясь ласково положить ее на лоб девочки, и лишь в последнюю секунду сообразила отдернуть руку.

Ей показалось, что Джиллиан просыпается. С того момента, как та применила свои биотические способности в кафетерии, прошло уже около десяти часов, и врач утверждал, что после удара станнером сознание вернется к ней в течение шести-двенадцати часов.

Кали наклонилась и тихонько прошептала:

— Джиллиан? Ты меня слышишь?

Девочка отреагировала на голос, перевернувшись с бока на спину. Ее веки затрепетали, и глаза вдруг широко распахнулись, смущенно и испуганно изучая незнакомую обстановку.

— Все хорошо, Джиллиан, — заверила Кали. — Ты в больнице.

Все так же оглядываясь по сторонам, девочка медленно села на кровати и смущенно

насупилась.

— Ты помнишь, как здесь оказалась? — спросила доктор Сандерс.

Джиллиан сложила руки на коленях и кивнула, опустив взгляд, словно боялась посмотреть на Кали.

— Да. Кафетерий. Я поступила плохо. Причинила боль людям.

Кали помедлила, не зная, стоит ли рассказывать своей ученице обо всех последствиях той сцены. Был нанесен серьезный ущерб имуществу, а те, кто упал во время поспешного бегства под ноги своим товарищам, теперь залечивали вывихнутые лодыжки и оттоптанные пальцы. Хуже всего пришлось Нику, заработавшему сотрясение мозга и ушиб позвоночника. Впрочем, врач обещал, что мальчик быстро и без последствий поправится.

— Уже все в порядке, — сказала доктор. — Мне просто хотелось бы выяснить, что там произошло. Тебя кто-то обидел?

— Ник разлил мое молоко, — ответила девочка, но это и так уже было известно Кали из разговора с мальчиком.

— Но почему это вызвало у тебя такой гнев?

Джиллиан не ответила. Вместо этого она произнесла:

— Гендель кричал на меня. — Она хмурилась и кривила губы. — Он был очень зол на меня.

— Он не злился. Просто испугался. Мы все испугались.

Девочка немного помолчала, а потом кивнула, словно пытаясь сказать, что понимает.

— Джиллиан, ты еще что-нибудь помнишь?

Лицо девочки приобрело опустошенное выражение, когда она погрузилась в себя, пытаясь найти ответы.

— Нет, — наконец ответила она. — Помню только, как на меня кричал Гендель.

Примерно это и ожидала услышать Кали. Пока Джиллиан была без сознания, они сняли показания с ее «умных» микрочипов в надежде понять хоть что-нибудь. Но увиденное ничего им не дало. В последние несколько дней перед происшествием активность ее альфа-волн значительно возросла, но никакого логического объяснения этому не было. Сама Кали была склонна все сваливать на какой-то эмоциональный толчок, поскольку рост показателей начался на следующий же день после визита Грейсона.

— А почему здесь нет Генделя? — виноватым тоном спросила Джиллиан.

— Просто он сейчас очень занят.

Это было правдой лишь наполовину. Как глава службы безопасности, он и в самом деле до сих пор разбирался с последствиями того, что произошло в кафетерии. Ему предстояло восстановить происшествие во всех подробностях, подготовить комментарий для СМИ, поговорить с сотрудниками и учениками, а затем известить родителей. В качестве дополнительной предосторожности на всей территории Академии Гриссома был введен комендантский час.

И все-таки Кали понимала, что не только работа не дает Генделю навестить девочку. Возможно, дело было в чувстве обиды или разочарования, а может, даже и вины... Хотя, скорее всего, тут были замешаны все три эмоции. Но объяснять все это двенадцатилетнему ребенку не хотелось даже пытаться.

— А когда он освободится?

— Скоро, — пообещала Кали. — Я скажу ему, что ты ждешь.

— Тебе нравится Гендель, — улыбнулась Джиллиан.

— Конечно, он мой хороший друг.

Улыбка на лице девочки стала еще шире.

— Вы когда-нибудь поженитесь?

Против собственной воли Кали рассмеялась:

— Сомневаюсь, что Гендель захочет на мне жениться.

Лицо девочки приобрело более серьезное выражение, хотя и не до конца.

— Он должен на тебе жениться, — убежденно сказала она. — Ты хорошая.

Время было не слишком подходящим, чтобы объяснять, почему это невозможно, поэтому Кали предпочла сменить тему:

— Извини, Джиллиан, но тебе придется несколько денечков пожить в этой комнате. Ты понимаешь?

Улыбка окончательно исчезла, и девочка серьезно кивнула:

— Я хочу спать.

— Вот и славно, — сказала Кали. — Возможно, меня не будет здесь, когда ты проснешься. Но если тебе что-то понадобится, нажми вот на эту красную кнопку, и скоро придет медсестра.

Джиллиан посмотрела на пульт с кнопкой вызова, подвешенный возле ее кровати, и снова кивнула.

Затем она легла и закрыла глаза.

Кали немного подождала, пока ее воспитанница заснет, прежде чем подняться и покинуть больничную палату.

ГЛАВА 10

Кали сидела за столом в своей комнате, не обращая ни малейшего внимания на стук в дверь. Сейчас все ее мысли были заняты только компьютером, на экране которого горели показатели, полученные с имплантатов Джиллиан. Из случая в кафетерии требовалось сделать какие-то выводы. Люди станут требовать ответа в ближайшие же дни. Они ожидают, что Кали сумеет объяснить, что именно произошло и почему никто даже не подозревал об этом до последней секунды. Но пока никаких объяснений придумать не удавалось.

Стук не только не прекращался, но и стал еще более настойчивым.

— Открыть дверь, — произнесла доктор, не поднимаясь и не оборачиваясь.

Она ожидала увидеть Генделя, но, как оказалось, ее внимания добивался Джиро. Как и обычно, одет он был в синюю, с длинными рукавами рубашку на кнопках и свободные черные брюки. В одной руке он держал бутылку вина и штопор, а во второй — пару бокалов.

— Слышал, у тебя был тяжелый день, — произнес ассистент. — Мне подумалось, что тебе захочется выпить.

Кали уже собиралась выпроводить его и попросить зайти попозже, но все-таки передумала и кивнула. Парень вошел в комнату, махнул бутылкой перед панелью управления, и дверь захлопнулась за его спиной. Поставив бокалы на стол, он уселся в кресло, чтобы открыть вино.

— Есть идеи, как это могло произойти? — поинтересовался он, когда пробка с отчетливым хлопком покинула горлышко, и Кали поняла, что вскоре ей предстоит отвечать на множество точно таких же вопросов.

— Мне бы не хотелось сейчас это обсуждать, — проговорила она, поднимаясь со стула и проходя по комнате к разливающему вино любовнику.

— Желание леди — закон, — сказал тот, с усмешкой протягивая бокал.

Кали слегка пригубила напиток, чтобы распробовать букет. Вино имело фруктовый привкус, хотя в нем было больше землистого, чем сладкого, оттенка.

— Приятное, — произнесла она, делая глоток побольше.

— Купил, когда в последний раз летал на Элизиум, — пояснил Джиро с озорной усмешкой. — Мне подумалось, что это хороший способ немного раскрепостить своего шефа.

— Боюсь, вино может слишком меня раскрепостить, — призналась она, допивая и вновь протягивая бокал, — Впрочем, раз уж бутылка все равно открыта, зачем добру пропадать.

Джиро покорно налил ей еще. И когда он отвернулся, чтобы поставить бутылку, Кали наклонилась к нему и быстро поцеловала. В ответ любовник поднялся, обхватил ее за талию и притянул ближе, так что их бедра соприкоснулись.

— А я и не знал, что эта штука так быстро сработает, — засмеялся он.

— Что поделаешь, я быстро завожусь.

— Отлично, все равно мне говорили, что прежде, чем пить вино, ему надо дать подышать, — прошептал Джиро, покусывая мочку ее уха.

— По мне, так превосходная мысль, — ответила женщина, отставив бокал на столик, и запрыгнула на любовника, обхватив его ногами, чтобы тот отнес ее в постель.

Их любовные утехы продолжались недолго. Кали задала стремительный, яростный темп, сбрасывая напряжение и стресс, накопившиеся за день, а Джиро с радостью покорился ее желаниям. Когда все закончилось, они, по-прежнему не разделяясь, улеглись на простынях, обнаженные, взмокшие и пытающиеся отдышаться.

— Отдаю должное, ты и в самом деле знаешь, как пробудить в девушке жажду, — задыхаясь, выдавила Кали.

Уловив намек, Джиро выбрался из ее объятий и скатился с кровати. Спустя пару секунд он вернулся обратно с вином.

— Ну как? Готова выговориться? — спросил он, протягивая бокал и снова укладываясь в постель. — Может, полегчает?

— Меня самой там не было, — напомнила она, принимая вино и прижимаясь к его телу. — Знаю только понаслышке.

— Уже говорила с Генделем?

Попутно Джиро поглаживал пальцами ее плечи и шею. Его мягкие прикосновения вызывали в Кали волны теплого удовольствия и заставляли ее кожу покрываться крошечными мурашками.

— У него почти не было времени. Болтали от силы пару минут.

— Значит, тебе в любом случае известно больше, чем мне. Так что там произошло?

— Джиллиан разнесла кафетерий, — будничным тоном произнесла Кали. — Генделю пришлось применить станнер.

— И?.. Есть мысли, с чего все началось? Что ее так взволновало?

— Мы полагаем, что ее обидел Ник.

— И всегда-то он ищет неприятностей, — покачал головой Джиро.

— В этот раз он нашел их с лихвой. Гендель утверждает, что Джиллиан отшвырнула его на двадцать футов.

— Сильно пострадал?

— Я бы сказала, отделался легким испугом. Ничего слишком серьезного.

— Это хорошо, — протянул лаборант, но в его голосе прозвучали пустые, автоматические нотки. — А показатели Джиллиан уже смотрела?

Кали кивнула:

— На следующий день после визита Грейсона ее альфа-ритмы начали возрастать. Сейчас они бьют все мыслимые рекорды.

— А что могло вызвать такой скачок?

Было в его голосе нечто такое, что заставило Кали почувствовать себя неудобно. Казалось, будто ее любовник не столько озабочен проблемой, сколько чему-то радуется.

— Ни малейшей зацепки, — призналась она. И, немного помедлив, добавила: — Гендель говорил, что Джиллиан создала сингулярность.

— Боже Иисусе! — восхищенно выдохнул Джиро. — Это просто невероятно!

Кали резко села на кровати, сбросив его руку со своего плеча и пронзая любовника взглядом.

— Да что с тобой? — сердито спросила она. — Такое ощущение, будто ты рад, что это произошло!

— Но ведь это восхитительно, — ответил лаборант без тени стыда, без намека на извинения. — Девочка, не получившая никакой специальной подготовки, вдруг реализует одну из сильнейших биотических способностей. Проклятие, я знал, что у нее есть потенциал. Но не такой же!

— Надеюсь, ты понимаешь, какая это головная боль для официальных представителей

Академии, которым придется общаться со средствами массовой информации?

— Вот пусть они и беспокоятся, — сказал он. — А мы должны в первую очередь видеть открывающиеся возможности. Мы ведь всегда гадали, на что будет способна Джиллиан, если научится использовать свой дар. И этот случай может оказаться именно тем, чего мы так ждали!

Кали хмуро покосилась на него, но затем была вынуждена признать, что Джиро просто не боится говорить правду. Фактически он сейчас озвучил ту самую мысль, которая уже зарождалась в глубинах ее собственного сознания. Конечно, она беспокоилась за Джиллиан, но ученый в ее душе уже пытался подсчитать, чем обернется происшествие для их проекта.

Поэтому Кали позволила себе расслабиться и снова отхлебнула из бокала, прежде чем вновь прижаться к обнаженной груди Джиро. Она не могла злиться на него за честность. Он же был пока еще слишком увлечен своей работой, был молод и импульсивен. Но люди, управлявшие Академией Гриссома, были куда старше и мудрее.

— Не слишком-то обнадеживайся, — предупредила Кали. — После всего этого совет начальства, скорее всего, решит, что ей не место в нашем проекте.

— Но ты же не собираешься выгнать ее? Мы ведь только добились каких-то результатов!

— Джиллиан не единственный подопечный в проекте «Восхождение». И сегодня нам еще повезло. В следующий раз она может покалечить кого-нибудь в приступе гнева. Или убить.

— Вот поэтому и необходимо держать ее при себе, — настаивал Джиро. — Где еще ей смогут помочь? Кто еще научит ее управлять силой?

— Ее отец вполне может позволить себе нанять частного инструктора биотики, — заметила Кали.

— Мы же ведь оба с тобой понимаем, что это не одно и то же, — повысил он голос. — Ему никогда не удастся получить доступ к тем ресурсам и персоналу того уровня, которыми обладаем мы.

— Меня-то убеждать не надо, — столь же громко ответила она. — Не мне принимать решение. Все зависит от начальства. И ее отца.

— Грейсон не захочет забирать ее из программы, — с абсолютной уверенностью заметил Джиро. — Скорее уж он сделает еще одно щедрое пожертвование, чтобы переубедить совет Академии.

— На сей раз речь идет не только о деньгах.

— Но ты же сама можешь поговорить с начальством, — продолжал гнуть свою линию молодой лаборант. — Скажи им, что проект нуждается в Джиллиан. Ведь ее показатели намного выше, чем у любого ребенка. Она словно принадлежит к другой расе. Ее необходимо изучать. Если удастся установить природу ее дара, наши познания в области биотики поднимутся просто до невообразимого уровня!

Кали колебалась. С одной стороны, она понимала, что все сказанное ее любовником — верно. Но и Джиллиан была не просто подопытным кроликом. За числами показателей на экране компьютера крылась личность. Она была разумным существом, молодой девушкой, испытывавшей проблемы с освоением окружающего мира... И Кали не была уверена, будет ли хорошо для самой девочки, если она останется в проекте.

— Я поговорю с начальством, — наконец пообещала доктор, осторожно подбирая слова. — Но не могу пока точно сказать, какими именно будут мои рекомендации. К тому же меня могут и не послушать.

— Но ведь ты всегда можешь обратиться к отцу, — произнес он с ироничной ухмылкой. — Его-то они послушают. В конце концов, именно в его честь названа Академия.

— Я не собираюсь втягивать отца в это дело, — холодно отрезала она.

Несколько минут они сидели молча, но потом Джиро нарушил тишину, явно не собираясь сворачивать с темы Джиллиан.

— Слышал, ее держат в карантинной палате?

— Это только на пару дней. Гендель решил, что так будет безопаснее, пока он не разберется со всей этой суматохой.

Опять воцарилась неловкая пауза, после которой Джиро сказал:

— Должно быть, ей страшно. Я должен ее навестить.

Вот и проявилась вторая сторона Джиро: все-таки он был достаточно сердобольным молодым человеком и чувства двенадцатилетней девочки волновали его куда больше научных изысканий. Кали повернулась к нему лицом и поцеловала в грудь.

— Она будет рада. Можешь сходить завтра. Я добуду для тебя пропуск.

Первое, что почувствовала Кали, проснувшись на следующее утро, была раскалывающая голову боль от выпитого накануне. Джиро уже ушел, и у нее перехватило дыхание, когда она посмотрела на часы и увидела, что проспала и опаздывает на целый час.

«Старость — это когда полбутылки вина уже не дают тебе услышать будильник», — подумалось ей, когда она медленно перекатилась на бок и спустила ноги с кровати.

Только сейчас Кали заметила записку, прижатую к столу пустой бутылкой. Потирая виски, доктор Сандерс приблизилась и наклонилась, чтобы прочитать ее.

Ушел повидать Джиллиан. Выключил твой будильник. Думаю, тебе не помешает выспаться. Дж.

Скомкав записку, она бросила ее в корзину для мусора и направилась в ванную.

К тому времени, как Кали приняла душ и переоделась, все признаки похмелья исчезли. Ей хотелось прямо сейчас отправиться к Джиллиан и выяснить, не удалось ли девочке вспомнить еще что-нибудь, но вначале надо было поговорить с Генделем. Бросив взгляд на часы, она прикинула, что, скорее всего, найдет начальника службы безопасности в его кабинете.

— Ну что, милая, как делишки? — спросил Джиро, просовывая голову в комнату Джиллиан.

Девочка была облачена в больничный халат и сидела на краю кровати, уставившись в голую стену. Но, услышав голос лаборанта, она обернулась, и на лице ее возникла улыбка.

Поначалу, только приступая к работе с ней, Джиро опасался, что Джиллиан плохо воспримет его. Она куда лучше ощущала чужие эмоции, чем любой обычный ребенок, и существовала опасность, что ей удастся учуять двигавшие им тайные мотивы. Но как-то так вышло, что девочка, напротив, всегда радовалась его появлению.

Джиро даже выработал собственную теорию, чтобы объяснить такую реакцию. Его настолько увлекли исследования в области биотики, производимые «Цербером», что ему просто не терпелось увидеть результаты последних опытов над Джиллиан. Поэтому всякий раз, как он появлялся у дверей ее комнаты, его переполняли восторг и ожидание. Судя по всему, девочка улавливала его возбуждение и энергичность, благодаря чему и воспринимала его легче, чем любого другого ученого.

— Неплохо устроилась, — произнес он, подходя к ее кровати.

— Хочу в свою комнату, — отозвалась Джиллиан привычным монотонным голосом.

Пока она говорила, Джиро старательно разглядывал ее, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки происшедших в ней перемен. Но, отметил он про себя, внешне девочка вела себя точно так же, как и прежде.

— Извини, но пока мы не можем вернуть тебя в твою комнату, — сказал он. — Сейчас все пытаются выяснить, что же произошло в кафетерии.

«И я в том числе».

Еще когда Грейсон только передавал ему флакон с неведомой жидкостью, Джиро уже посетило чувство, что должно случиться нечто очень важное. Он не мог объяснить, откуда оно взялось, это чувство, но понимал: в организации добились каких-то успехов и теперь

жаждали опробовать свое изобретение на Джиллиан. Но все же он не ожидал перемен столь быстрых и столь значительных.

Он нисколько не сомневался, что своими удивительными способностями Джиллиан обязана загадочному снадобью, полученному от «Цербера». Но, к сожалению, именно восхитительная эффективность зелья поставила под угрозу весь эксперимент. Сегодня надо было ввести новую дозу препарата, но в данных условиях это было неосуществимо. Слишком много людей, слишком много камер наблюдения.

— Мне здесь не нравится, — сообщила Джиллиан.

— Может быть, хочешь погулять? — предложил Джиро, пытаясь воспользоваться представившейся возможностью и увести девочку в более удобное место. — Давай сходим в парк?

Ответа пришлось ждать добрых пять секунд, затем она уверенно кивнула.

— Тогда одевайся, — сказал он. — А я пока предупрежу сиделку.

Выйдя из палаты, он направился прямо к регистрационному столу. Расположившаяся там медсестра была ему смутно знакома. Джиро определенно несколько раз сталкивался с ней в коридорах Академии, но вот имени ее не помнил. Впрочем, это нисколько не помешало ему пофлиртовать с ней еще на входе.

— Неужели уже уходишь? — спросила она, жизнерадостно улыбаясь. Девушка была миловидна, смугла и миниатюрна.

— Я бы хотел выгулять Джиллиан в парке. Немного отдыха от больничной палаты пойдет ей на пользу.

Сиделка чуть нахмурилась, наморщив носик.

— Не думаю, что мне разрешено ее выпускать, — сказала она, будто оправдываясь.

— Обещаю вернуть пациента в целости и сохранности, — постарался улыбнуться он как можно более очаровательно.

Хмурое выражение покинуло ее личико, но все-таки медсестра выглядела неуверенной.

— Боюсь, Генделю это не понравится.

— Гендель вечно ведет себя как заботливая наседка, — непринужденно рассмеялся Джиро. — К тому же мы вернемся прежде, чем кто-нибудь успеет заметить наше отсутствие.

— Мне не нужны неприятности. — Девушка колебалась, но еще не была готова сдаться.

Тогда мужчина облокотился на столик и мягко, успокаивающе сжал ее ладонь своей.

— Не волнуйся, мы с Генделем старые приятели. Так что я не позволю ему тебя обижать, — слегка подмигнул он.

Еще секунду помявшись, сиделка сдалась и протянула ему журнал учета пациентов.

— Только не сильно загуливайте, — предупредила медсестра, когда Джиро подписался под тем, что забирает Джиллиан.

Возвратив журнал, он в последний раз улыбнулся и направился обратно к девочке, которая неподвижно и молчаливо дожидалась его возле двери своей палаты.

— Пора идти, — сказал он, и Джиллиан послушно зашагала за ним, приноравливаясь к его шагу.

Кали была не слишком удивлена, обнаружив, что дверь в кабинет Генделя заперта. Оставалось только догадываться, через что довелось пройти начальнику службы безопасности за последние двадцать четыре часа.

— Открыть дверь, — услышала Кали его голос, ответивший на ее стук.

Едва увидев ее на пороге, Гендель жестом предложил ей заходить, а после приказал:

— Закрывать дверь!

В кабинете царил беспорядок, что само по себе не было чем-то необычным. Гендель никогда не любил бумажную работу и потому накапливал ее очень быстро. На его столе всегда громоздились пирамиды отчетов, а еще большие завалы ожидали своей очереди, лежа на полу. На верху высоких стальных шкафов пылились стопки всевозможных форм,

запросов и бланков отказа, которые требовалось подписать и отправить в подходящую папку.

Сам начальник службы безопасности восседал за своим столом, уставившись в монитор компьютера. Тихо пройдя по комнате, Кали опустилась в одно из двух стоявших по бокам от него кресел. Пока она садилась, Гендель протянул руку и выключил монитор, а затем испустил долгий усталый вздох и откинулся на спинку кресла.

С момента их последней встречи возле палаты Джиллиан офицер сменил вымазанную в обедках форму на свежую, но сам, по всей видимости, так и не нашел времени сходить в душ. Кали заметила хлебные крошки, запутавшиеся в его волосах и короткой рыжеватой бороде. Щеки Генделя покрывала колючая щетина, а под воспаленными глазами набухли мешки.

— Работал всю ночь? — спросила Кали.

— Сражаюсь за то, чтобы корабль остался на плаву, — ответил он. — Какой-то безымянный осел из наших дорогих сотрудников уже слил историю в Сеть. Мне звонят журналисты, представители школ, чиновники и взбешенные родители. Причем последние — хуже всего.

— Просто они беспокоятся за своих детей.

— Да, я понимаю, — кивнул он. — Но если узнаю, кто допустил утечку, клянусь, что вышибу из Академии под зад коленом.

Гендель распрямился в кресле и ударил кулаком по столу в знак серьезности своих намерений.

— Ты уже связался с Грейсоном?

Офицер неодобрительно покачал головой:

— Написал ему письмо, но ответа так и не дождался.

— Возможно, он просто не успел его прочесть.

— Какой прок оставлять номер срочного вызова, если ты по нему все равно недоступен? — огрызнулся он, но тут же извинился: — Прости. Приходится одновременно думать слишком о многом.

— Скажи, ты не хотел бы кое-что обсудить?

— Нет, — ответил Гендель, облокачиваясь на стол и обхватывая голову руками.

Кали молчала, терпеливо выжидая. Прошло несколько секунд, и офицер посмотрел на нее и тихо произнес:

— Возможно, нам придется исключить Джиллиан из программы.

— Да, я сама уже думала об этом, — сочувственно кивнула доктор.

Гендель вновь откинулся на спинку стула и закинул ноги на стол, а затем, запрокинув голову, предался созерцанию потолка.

— А я подумываю о том, чтобы подать прошение об отставке, — сказал глава охраны, и его виноватый тон потрясал не меньше, чем суть произнесенных им слов. Кали показалось, будто рядом разорвался артиллерийский снаряд.

— Что?! — воскликнула она, — Ты не можешь уйти! Дети нуждаются в тебе!

— Неужели? — с сомнением в голосе спросил он. — Вчера они нуждались во мне как никогда, а я подвел их.

— О чем ты говоришь? Пострадали только Ник и Джиллиан, и оба очень скоро поправятся. Ты все сделал как надо!

Мужчина убрал ноги со стола и наклонился вперед.

— Я облажался, — сказал Гендель, и в его интонациях прозвучала замогильная серьезность. — Надо было сразу, не задумываясь, применить станнер, как только я понял, что Джиллиан не собирается останавливаться. Но я медлил.

— А я думаю, ты действовал правильно, — заспорила Кали. — Вот если бы ты не задумывался над тем, что делаешь, тогда и в самом деле возник бы повод для беспокойства.

— Всем находившимся в кафетерии грозила опасность, — медленно выговаривая слова, пояснил он. — И каждая секунда промедления могла закончиться для кого-нибудь

травмой. А то и похуже.

— Но ничего ведь не произошло. Значит, нет и повода казнить себя.

— Ты просто не понимаешь, — устало покачал головой Гендель. — Я поставил безопасность Джиллиан превыше интересов всех остальных детей, обучающихся в Академии. И на занимаемой мной должности подобное поведение — преступно. Меня тренировали справляться с критическими ситуациями, но я позволил личным чувствам одержать верх над долгом.

Кали не сразу нашлась что ответить, пытаясь переварить обрушившуюся на нее информацию. Она бы предположила, что все эти слова — только гиперреакция на стресс, но Гендель никогда не был склонен впустую сотрясать воздух. Значит, глава службы безопасности и в самом деле собирался уволиться.

— И чем займешься?

— Подумываю над тем, чтобы наняться к Грейсону в качестве частного инструктора для Джиллиан.

Внезапно все встало на свои места. Теперь Кали поняла, что ее другом движет не чувство вины. Во всяком случае, не только оно. Гендель беспокоился обо всех детях, задействованных в программе, но Джиллиан была особым случаем. Она куда больше нуждалась в его помощи, чем остальные. Ей требовалось больше времени и внимания. Потому он и привязался к ней куда сильнее. Может быть, это и было несправедливо по отношению к другим ученикам, но кто сказал, что жизнь вообще справедлива?

Джиллиан много значила для него. Гендель заботился о ней. Любил ее. И собирался любой ценой остаться в ее жизни, даже если для него это будет означать крах карьеры.

— Придержи свое прошение, — произнесла Кали, мягко погладив его по руке. — Совет Академии ведь может и не выгнать ее.

— Они не позволят ей остаться. И мы оба это понимаем.

— Скорее всего, так и есть, — признала она. — Но надежда есть всегда. — Ей вспомнилась ночная беседа с Джиро. — Если понадобится, я позвоню отцу.

— Отцу? — смущенно переспросил Гендель.

— Адмиралу Джону Гриссому.

У начальника службы безопасности удивленно отпала челюсть.

— Так Гриссом — твой отец?! Мне... я не знал.

— Я просто не слишком люблю об этом вспоминать, — произнесла Кали. — Джиро, наверное, единственный на станции, кому это известно.

— И что он сказал, когда услышал? — поинтересовался все еще ошарашенный Гендель.

— Ну... уже и не помню, — не очень уверенно ответила она, пытаясь воскресить в памяти события того дня.

«Любопытно. Я определенно не могла забыть нечто настолько важное».

— Честно говоря, я никак не могу сообразить, когда же рассказывала ему об этом. Но он в курсе. Говорил со мной об отце этой ночью.

«Постойте, если я не рассказывала, то откуда он мог узнать?»

Удивленное выражение на лице Генделя сменилось озабоченностью.

— Кали? В чем дело? Что случилось?

— Никто не мог знать о моем отце, — произнесла она, растягивая слова и пытаясь найти хоть какое-нибудь объяснение. — Он не упомянут даже в моем личном деле. Существует единственный документ, хоть как-то связывающий меня с ним: отчет, составленный Андерсоном двадцать лет тому назад. Чтобы получить к нему доступ, требуется допуск к сверхсекретным архивам.

— Уверена, что ничего не рассказывала? С чего бы это вдруг твоему лаборанту обладать допуском подобного уровня? — встревоженно спросил Гендель. — Что-то здесь не сходится.

Кали хватило сил только кивнуть. Ее охватило оцепенение при мысли, что она столько

времени спала с обманывавшим ее человеком. Как далеко простиралось его вранье? И зачем он так поступал?

— Я должен встретиться с Джиро. Срочно! — сказал офицер, рывком выкатывая ящик стола и вынимая оттуда пистолет. А затем, пристегивая оружие к поясу, добавил: — Где он?

— Отправился к Джиллиан.

Гендель метнулся к настольному телефону и стремительно, но спокойно и сосредоточенно застучал по его кнопкам. Кали тоже была озабочена происходящим, но реакция товарища удивила ее. Быть может, он просто жаждал почувствовать себя снова в форме и хоть немного отрешиться от хлопот минувшего дня?

— Изолятор слушает, — раздался в трубке голос медсестры.

— Говорит начальник службы безопасности Митра. Скажите, к Джиллиан приходил доктор Тошива?

— Да, сэр. Он повел ее погулять в парке. Если желаете, я...

Гендель бросил трубку и рявкнул:

— Открыть дверь!

А через мгновение он уже вылетел в коридор. Офицер двигался настолько поспешно, что Кали только спустя секунду сообразила последовать за ним.

ГЛАВА 11

— Почти пришли, — ободрительным тоном произнес Джиро. — Еще немного, и можно будет посидеть на скамейке.

Джиллиан двигалась очень медленно, раздумывая над каждым своим шагом. Они едва ползли по прогулочной дорожке парка Академии Гриссома. Это стоило предвидеть. Все эти деревья и цветы сбивали девочку с толку; ее ограниченное восприятие просто не могло вместить мириады листьев всевозможных форм и ярких калейдоскоп разнотравья.

Пока что им никто не встречался на пути. И неудивительно — практически весь персонал и учащиеся сейчас находились в своих классах. Но на тропинке отпечатались следы тех, кто в выдавшуюся свободную минутку любил занять себя бегом. И Джиро не хотелось, чтобы в самый неподходящий момент его увидел какой-нибудь прогуливающийся солдат. Поэтому лаборант из всех сил старался подгонять девочку, хотя это и было довольно затруднительно, учитывая, что ее нельзя было ни касаться, ни слишком грубо торопить.

— Мы сможем отдохнуть у водопада. Давай, Джиллиан. Уже недалеко.

Парк представлял собой пять акров леса, заботливо выращенного посреди космической станции, чтобы персонал и ученики могли отдохнуть на природе. Стекланный купол был оборудован подвижными зеркалами, направлявшими на деревья лучи солнца, освещающего Элизиум, и создающими имитацию чередования дня и ночи, а также сменяющихся времен года.

В основном растения для парка поступали с ближайшей планеты, но несколько экзотических видов, представленных в специальных тематических зонах, разбросанных по всему лесу, были доставлены из других населенных людьми миров. Кроме того, эта территория служила домом тщательно контролируемым популяциям насекомых, птиц и других мелких животных, населяющих Элизиум, а в небольших речках плескались всевозможные разновидности рыб.

В движение реки, конечно же, приводились искусственно. Воду гнали по замкнутому кругу, цикл начинался и заканчивался в огромном водоеме на вершине возвышавшегося в самом сердце леса зеленого холма. У его подножия была создана небольшая поляна, где можно было полюбоваться на рукотворный водопад — излюбленное место для пикников. Но Джиро рассчитывал, что в такую рань вряд ли встретит там кого-нибудь, к тому же поляна располагалась в безопасном удалении от беговых дорожек.

— Вот так, Джиллиан. Умница, — проворковал он, когда девочка снова зашагала вперед, медленно вращая головой из стороны в сторону и с ошеломленным видом

разглядывая окружающий ее мир.

— Хорошо. Теперь повернем направо, — сказал Джиро, доходя до разветвления тропинки.

Искусственное солнце припекало, и его лаборантский халат начал пропитываться потом.

Девочка один раз споткнулась, идя по дорожке к водопаду: в отличие от старательно выровненных беговых трасс, здесь корням деревьев было позволено свободно пробиваться на поверхность. Джиро протянул руку, пытаясь ухватить ребенка за локоть. К счастью, Джиллиан была слишком увлечена шипевшей на них с ветвей какой-то мелкой зверушкой, которую сам мужчина определил как некую элизиумскую разновидность бурундука, и потому не заметила чужого прикосновения.

Не отпуская руки, Джиро быстро провел ее по наклонной тропинке к конечной цели их путешествия. По краям поляны были поставлены скамейки, каждую из которых расположили так, чтобы сидящие на ней могли наблюдать за водопадом, обрушивающимся в озеро с пятнадцатиметровой высоты. К облегчению лаборанта, сейчас скамейки пустовали. До обеденного перерыва оставалось еще более часа, и до тех пор вряд ли стоило ожидать чьего бы то ни было появления. Но Джиро не собирался подвергать себя лишнему риску. Все еще поддерживая Джиллиан под локоть, он провел ее в тень одного из нависавших над поляной деревьев и только тогда убрал руку, позволяя девочке сесть.

Мужчина немного подождал, чтобы его подопечная успела привыкнуть к новой обстановке. Джиро очень надеялся, что мягкий плеск воды успокоит ребенка.

— Зачем ты привел меня сюда? — пробормотала Джиллиан по прошествии нескольких минут.

Лаборант понял, что она ощутила его суетливость, поэтому слова приходилось подбирать с особым старанием. Нельзя было допустить, чтобы девочка испугалась или расстроилась, тем более после того, как она показала, на что способна в таком состоянии.

— Мне надо снять твои показатели, Джиллиан, — сказал он, стараясь сохранять профессиональную уверенность.

Девочка нахмурилась, и сердце Джиро забилось быстрее.

— Но мисс Сандерс уже проверяла их вчера.

— Я знаю, тебе это не нравится, но мне придется снова взять пробу, — объяснил он. — Это из-за вчерашнего случая.

Джиллиан пожевала губку, а после кивнула и покорно наклонила голову вперед, подставляя шею.

Мужчина покопался в кармане халата и извлек оттуда флакон, полученный от Грейсона. Из другого кармана он вытащил длинный шприц.

— Может быть больно, — предупредил Джиро, набирая прозрачный состав.

Слегка оттянув вниз ворот ее футболки, лаборант осторожно воткнул иглку между позвонками.

В полном соответствии с инструкциями, полученными из «Цербера», предыдущую дозу он дал перорально, подмешав в стакан с водой. Но продолжающийся эксперимент требовал, чтобы через раз смесь вводилась непосредственно в спинномозговую жидкость.

Джиллиан тихо всхлипнула, когда Джиро надавил на поршень шприца. Мужчина понятия не имел о точном составе лекарства, но был уверен, что это некая разновидность нейростимулятора. Эффект от предыдущей дозы был ослаблен, поскольку препарат вначале прошел через пищеварительную и кровеносную системы, прежде чем наконец попасть в ткани мозга. Прямая же инъекция должна была привести к более стремительным и ярким последствиям.

— Вот и все, — произнес Джиро, извлекая иглу.

Девочка подняла голову и уставилась на водопад.

При этом одну руку она небрежным движением протянула к месту укола и потерла шею.

Странно. Ничего подобного за ней прежде не наблюдалось.

— Больно? — спросил лаборант.

Она не ответила, но ее рука замерла, а затем безжизненно повисла вдоль тела.

— Джиллиан? Что с тобой?

Голова ребенка свесилась набок, а глаза закатились. Начавшаяся дрожь перешла в судороги, от которых ребенка скинуло со скамейки. Джиллиан завалилась вперед, и мужчина едва успел подхватить ее, прежде чем она ударилась о землю. Тогда Джиро уложил девочку на бок, пытаясь сдержать ее извивавшиеся в припадке руки и ноги.

— Боже Иисусе! — воскликнул лаборант, увидев, как изо рта Джиллиан полилась пена.

Мощным ударом ноги Гендель распахнул дверь, и по коридору, ведущему к парку, прокатилось гулкое эхо его топота. Даже на бегу глава охраны не переставал оценивать сложившуюся ситуацию. Судя по всему, Джиро оказался не тем, за кого себя выдавал.

Это не обязательно значило, что лаборант является врагом, но до тех пор, пока все не прояснится, Гендель предпочитал готовиться к худшему. Не сбиваясь с шага, он расстегнул кобуру и стремительным движением выхватил пистолет.

Начальника службы безопасности посетила мысль вызвать подкрепление, но он быстро отверг эту идею. Пока что Джиро не мог знать, что раскрыт, и объявление тревоги только испугнуло бы его.

Но зачем ему понадобилось тащить Джиллиан в парк?

Гендель не знал, что связывает Джиро и девочку и причастен ли лаборант к происшествию в кафетерии. Не знал, но собирался выяснить, чего бы ему это ни стоило.

Офицер врезался в стену и принял удар плечом и бедром таким образом, чтобы практически не потерять скорости, сворачивая за угол.

В изоляторе было слишком много посторонних. Джиро искал уединения. Зачем?

Повернув, Гендель промчался по короткому проходу, затем метнулся в коридор, уходящий влево, и выбежал под сень парковых деревьев. Если лаборант желал остаться с Джиллиан наедине, то наверняка повел ее подальше от беговых дорожек. Но и просто затащить ее в лес не получилось бы. Любое прикосновение ветки вызвало бы у девочки истерику.

Поляна у водопада.

Обремененный Джиллиан, Джиро был просто вынужден придерживаться просторных тропинок и двигаться по извилистому пути, ведущему к поляне. Это сомнений не вызывало. Так что, полагаясь на свое чувство направления, Гендель покинул протоптанную дорожку и принялся прокладывать собственный, прямой путь через кусты.

Ветви хлестали по лицу и цеплялись за одежду. Офицер оттолкнул в сторону узловатую лапу элизиумской ели, но та тут же вернулась, и иглы прочертили на его щеке ряд багровеющих полос.

Не обращая внимания на боль, Гендель продолжал прорываться вперед, пока не выскочил на поляну, где над лежащей на земле Джиллиан склонился Джиро.

— Отойди от нее! — прокричал офицер, нацеливая пистолет на молодого лаборанта.

Джиро оглянулся, и на его лице отразились смущение и страх.

— Встань и отойди назад!

Лаборант повиновался, медленно поднимая руки над головой.

— Я не знаю, что произошло, — сказал он. — У нее вдруг начался припадок.

Гендель рискнул на секунду перевести взгляд на извивавшуюся в конвульсиях девочку.

— На землю! — приказал начальник службы безопасности. — На живот. Лицом вниз. И не рыпайся.

В этот раз Джиро подчинился куда быстрее. Как только он улегся, Гендель подбежал к Джиллиан и опустился рядом на колени. Теперь он мог думать только о ней.

Собравшись с духом, Джиро осмелился слегка повернуть голову, чтобы посмотреть на

Генделя, склонившегося над лежащей девочкой. Тогда лаборант медленно и бесшумно протянул руку к поясу и снял с него станнер.

Едва начальник охраны положил свой пистолет в траву, чтобы заняться ребенком, Джиро прицелился и выстрелил.

Заряд ударил Генделя точно между лопаток, и тот выгнулся всем телом, вскрикнул и упал на землю рядом с Джиллиан.

Джиро неуклюже поднялся и побежал к нему, намереваясь схватить оружие. Он протянул к пистолету левую руку, поскольку в правой по-прежнему сжимал станнер. Пальцы лаборанта уже были готовы сомкнуться на рукояти, когда Гендель неожиданно перевернулся и поймал его за запястье.

Джиро удивленно воскликнул и попытался вырваться. Офицер — оглушенный, но каким-то образом оставшийся дееспособным даже после того, как его ударили сто тысяч вольт, — держал крепко. Захват усилился, вынуждая Джиро выронить оружие.

Тогда лаборант ткнул расprostершегося на земле противника кулаком. Первый удар пришелся по ребрам, и огромный охранник застонал, выпуская руку Джиро. Во второй раз молодой ученый метил своему недругу в живот, но Гендель успел ухватить его за ногу. Потеряв равновесие, Джиро полетел в траву, и офицер тут же навалился на него. Начальник службы безопасности был больше, сильнее и куда лучше обучен бою. Но у Джиро оставался станнер.

Как раз в тот момент, когда локоть офицера с силой обрушился на его висок, лаборант успел прижать оружие к ребрам противника и выстрелить снова.

Джиро очнулся первым и, пошатываясь, поднялся на ноги. Пытаясь не упасть, он огляделся и увидел, что Гендель, как ни странно, тоже пришел в себя. Обнаружив, что все еще сжимает станнер, молодой ученый выстрелил в третий раз, окончательно посадив батарею. Офицер рухнул ничком и затих.

Не рискуя больше приближаться к противнику, столь долго сохранявшему способность драться, Джиро развернулся и бросился бежать, скрываясь в зарослях. Отбросив бесполезный станнер, он петлял между деревьями, постоянно спотыкаясь. Его все еще мутило от сильного удара локтем по голове.

Когда Кали добежала до входа в парк, ее легкие пылали огнем. Она очень старалась не отстать от Генделя, но с каждым его огромным шагом разделяющее их расстояние стремительно увеличивалось. Уже через несколько секунд он скрылся из виду, а еще через минуту доктор более не слышала и его топота.

Но она не останавливалась, пока не добралась до парковой зоны... Но куда идти дальше, Кали не знала. Поэтому она решила просто постоять здесь, перевести дыхание и подождать, а заодно продумать свои действия.

Одним из вариантов было вызвать подкрепление; прямо возле входа был установлен аппарат срочной связи. Но, в конце концов, именно Гендель возглавлял службу безопасности, и желай он позвать на помощь, то так бы и поступил.

«Ты просто разнервничалась, — сказала себе Кали. — Известно ведь только то, что Джиро врал тебе. Да, это повод разозлиться, но вряд ли веская причина, чтобы беспокоить охрану».

Кали принялась ходить взад-вперед. Ее бесило собственное бездействие, но в голову никаких путных идей так и не приходило. Конечно, она могла бы отправиться на поиски, но парк пересекали множество троп и дорожек; с наибольшей вероятностью она просто выбрала бы неправильную и разминулась с Генделем. Зато выход из парка существовал только один, и рано или поздно все вернутся именно сюда. И уж тогда она получит ответы!

Гендель не чувствовал тела. Он не мог даже сказать, спит он или бодрствует, жив или мертв. Голова превратилась в бурлящий котел, наполненный разрозненными, бессвязными

мыслями и чувствами. Но вдруг на поверхность этого варева вынырнул один отчетливый образ.

Джиллиан.

Офицер набрал полную грудь воздуха, подождал три секунды, а затем медленно выдохнул. Это было чисто инстинктивное действие; благодаря тренингам, пройденным на курсах подготовки биотиков, методики сосредоточения и приведения своих мыслей в порядок навечно отпечатались в его сознании. Еще один глубокий вздох, и окружающий мир обрел четкость, а мозаика чувств наконец сложилась в целостную картину.

Он лежал, зарывшись лицом в траву. Каждый мускул его тела был истощен от перенапряжения и стонал от переполнявшей его молочной кислоты.

«Он выстрелил в меня из станнера. Сучонок ударил меня станнером».

Гендель чувствовал безумную усталость. Ему надо было поспать. Он сделал что смог.

«Не смей отрубаться, ничтожество!»

Конечно, слова были его собственными, но вот голос, прозвучавший в его голове, принадлежал его первому сержанту, у которого Гендель проходил начальную подготовку. Как бы он ни выдыхался за время своей службы — будь то усталость после двадцати километровой пробежки или истощение, следующее за биотическими тренировками, — именно этот голос продолжал гнать его вперед, не позволяя остановиться. Но те дни давно миновали. Гендель уволился. Он больше не был солдатом.

«Отставить оправдания! Солдат бывшим не бывает! Оторви свою ленивую задницу от земли и шевелись!»

Каким-то чудом ему удалось найти в себе силы подняться на локти и колени. И тогда он увидел Джиллиан. Ее больше не сотрясали конвульсии. Она вообще больше не двигалась. И даже не дышала.

Он протянул руку к поясу и нажал на кнопку тревожного вызова. Состоявший из медиков и охраны отряд быстрого реагирования должен был тут же отправиться на зов маячка. Расчетное время прибытия к поляне составляло семь минут.

Слишком долго. Девочка не могла столько ждать.

Он пополз к Джиллиан. Его ослабшие мышцы раздирала такая боль, что Гендель даже и не помышлял о том, чтобы подняться.

Джиро разразился забористой бранью на своем родном языке, проклиная колючие ветви терновника, разорвавшие его одежду. Но останавливаться было нельзя; лаборант не знал, долго ли проваляется Гендель, а со станции следовало убраться раньше, чем начальник службы безопасности придет в себя.

Для особо важных случаев на базе имелся космический челнок, способный доставить пассажира на планету. И сейчас Джиро старался придумать вескую причину для своего отлета, которая позволила бы уговорить или подкупить пилота. Если договориться по-хорошему не получится, он должен был либо украсть этот корабль, либо угнать. Затея была отчаянной и безумной, но Джиро привык считать себя отчаянным человеком. То, что ему придется бежать с базы, он понял в то самое мгновение, когда Гендель появился на поляне.

Молодой ученый выскочил из подлеска обратно на беговую дорожку буквально в двадцати футах от выхода из парка. Он не замечал стоявшую на дорожке Кали, пока та не окликнула его.

— Джиро! Что случилось? — спросила она, направляясь следом.

Женщина настороженно посмотрела на его разорванную футболку, на царапины, покрывающие его лицо и руки, и расплывшийся на виске огромный кровоподтек, оставленный локтем Генделя.

— Джиро! — еще раз повторила она. — Мне нужны ответы. Где Гендель?

— А я почему знаю? — мягко засмеялся лаборант. — Это ведь твой дружок, помнишь?

Подойди Кали хоть чуточку ближе, он мог бы схватить ее и оглушить, не позволив побежать за помощью. Но женщина остановилась на безопасном расстоянии.

— Ты увел Джиллиан из палаты. Где она?

Услышав гневные нотки в ее голосе, Джиро понял, что заболтать доктора Сандерс не получится.

— Убирайся с моей дороги, — холодно бросил он, больше не пытаясь изображать дружелюбие. — Иначе я тебе шею сверну.

— Никуда ты не пойдешь, — сказала Кали, уходя в боевую стойку. — Во всяком случае, пока не объяснишь, что здесь происходит.

Джиро быстро оценил сложившуюся ситуацию. Последствия схватки с Генделем прошли; сам лаборант был молод, силен и весил на добрых пятьдесят фунтов больше своей бывшей любовницы. Конечно, ему было известно, что она некогда служила в армии и имела боевую подготовку, но он расценил, что превосходство все-таки остается на его стороне. Поэтому лаборант усмехнулся и пожал плечами, делая вид, что сдается. А в следующее мгновение прыгнул на Кали.

Расчет был на то, чтобы напасть на нее неожиданно, но женщина легко разгадала столь простую уловку. Кали нанесла мощный удар ногой в колено, одновременно уходя в сторону. Потеряв инерцию и равновесие, Джиро махнул кулаком, но его рука только рассекла пустоту. Тогда он развернулся лицом к сопернице, снова собираясь броситься на нее.

Однако такой возможности ему не представилось. Левый кулак Кали выстрелил вперед, метя Джиро в лицо. Мужчина, приседая, качнулся в сторону... и угодил как раз под апперкот с правой руки. Удар пришелся в челюсть, и Джиро, застонав от боли, отшатнулся.

Но Кали явно не собиралась этим ограничиться. Она продолжила свою атаку серией коротких, стремительных тычков, легко отражая и блокируя все его неуклюжие попытки ответить. Резкий рубящий удар в горло заставил Джиро захрипеть в стараниях глотнуть воздуха. Затем последовала подсечка, и мужчина рухнул на землю. Он предпринял было попытку подняться, но Кали прыгнула на него, врезаясь коленом в пах и прекращая тем самым эту ожесточенную дуэль, исход которой был предreshен заранее.

Женщина распрямилась и посмотрела на то, как ее противник сворачивается клубком, принимая позу эмбриона и ощупывая разбитые гениталии. Он попытался попросить пощады, но, раскрывшись, его рот издал лишь продолжительный глухой стон.

Кали присела рядом, воткнула пальцы ему в ноздри и слегка подтянула к себе. Джиро задрожал от страха и боли.

— А теперь, любимый, — с притворной лаской в голосе произнесла женщина, не отпуская носа поверженного противника, — мне бы хотелось, чтобы ты ответил мне на пару вопросов. И теперь я надеюсь услышать правду.

«Нет ничего лучше боли, червяк! Она позволяет понять, что ты еще жив!»

Подобравшись к Джиллиан, Гендель запрокинул девочке голову, дважды с силой выдохнул ей в рот, а потом десять раз резко надавил на грудь. Затем еще раз повторил эту процедуру и еще... Он понимал, что искусственное дыхание не заставит сердце ребенка забиться, не поможет ей дышать самостоятельно. Подобные чудеса происходят разве что в фильмах. Сейчас он просто заставлял ее кровь циркулировать и снабжать мозг кислородом в ожидании настоящей помощи.

Просто поддерживал в ней жизнь. Не позволяя уйти.

Процедура была утомительной. Ритм менее сотни толчков в минуту был бы слишком медленным, чтобы спасти Джиллиан. В подобном режиме Гендель не мог продержаться долго даже в обычных обстоятельствах. А в нынешнем своем состоянии и вовсе чувствовал себя беспомощным.

«Не смей сдаваться! В моей армии нет места пораженцам!»

Теперь каждый его выдох сопровождали неровные влажные хрипы. Пот стекал по лбу и выедал глаза. Руки тряслись и слабели, рискуя подломиться при каждом толчке. Окружающий мир вновь растворился в тумане боли и истощения, но офицер все так же заставлял сердце девочки работать.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять... Вдох-выдох.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять... Вдох-выдох.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять... Вдох-выдох.

Неожиданно чьи-то руки схватили его за плечи и потащили в сторону. Еще несколько секунд Гендель пытался бессильно отбиваться и только потом осознал, что пришла помощь. Как только пространство возле девочки очистилось, рядом с ней опустились на траву два врача реанимационной бригады. Первый из них провел над Джиллиан омни-инструментом, считывая ее жизненные показания.

— Код двенадцать, — спокойным профессиональным тоном произнес он.

Эти слова словно привели обоих врачей в действие. Их действия были удивительно скоординированы благодаря многим сотням часов, потраченным на их отработку. Один из медиков расстегнул сумку, извлек из нее шприц и ввел Джиллиан насыщенный кислородом состав. Второй снял с пояса небольшой, уместающийся на ладони прибор и уложил его на грудь ребенка. Даже в своем нынешнем состоянии Гендель узнал портативный дефибриллятор. Дождавшись, пока напарник извлечет иглу и отведет руку со шприцем на безопасное расстояние, врач щелкнул тумблером, подавая на сердце Джиллиан последовательность электрических разрядов, чтобы запустить его.

— Есть пульс, — через секунду произнес первый медик, глядя на показания своего омни-инструмента. — Уровень кислорода достаточный. Думаю, выкарабкается!

Гендель, в полусидячем положении развалившийся на траве там, куда его оттащили врачи, не знал, смеяться ему от радости или плакать от облегчения. Так и не сумев определиться, он просто завалился на бок и скользнул в сон.

ГЛАВА 12

Грейсон вошел в жилую комнату своей квартиры. Из одежды на нем был только домашний халат на голое тело. В голове все еще царила некоторая легкость от красного песка, принятого этой ночью, но когда мужчина попытался заставить потанцевать карандаш, лежавший на кофейном столике, тот остался лежать неподвижно, будто издеваясь над хозяином.

«Действие дозы заканчивается. Даже карандаш не сдвинуть. Если не проявить осторожность, протрезвеешь уже через час».

Ему хотелось принять следующую порцию наркотика, но он все же заставил себя проверить почту и не слишком удивился, обнаружив, что с ним вновь пытались связаться из Академии Гриссома, в то время как он спал.

Спал или же был настолько оглушен своим зельем, что не услышал звонка.

Всего было пропущено четыре вызова. Он не собирался слушать их все. Первые три гарантированно содержали все ту же самую информацию. Что-то случилось с Джиллиан. Какое-то происшествие в кафе. Что-то связанное с ее биотическим даром.

Что ж, это тоже не стало сюрпризом. Гриссом ожидал чего-то подобного с той самой минуты, как Пэл протянул ему этот новый препарат. Невидимка был терпеливым человеком, но «Цербер» уже и так потратил на Джиллиан впустую слишком много денег и ресурсов. Появление нового препарата свидетельствовало о том, что в организации решили ускорить течение программы. Кто-то обладающий достаточным весом, чтобы принимать решения, приказал испытать организм девочки на прочность, надеясь хотя бы радикальными методами добиться успеха. Так что неизбежно должно было что-то произойти... не важно, хорошее или плохое.

«Ты просто жалок. Ты ведь знал, что ей могут причинить вред, но ничего не предпринял».

Что ж, он принял это решение, поскольку верил в «Цербер». Верил в те идеалы, за которые они сражались. Конечно, он осознавал всю степень риска, но в то же время понимал, насколько дар Джиллиан важен для выживания всей человеческой расы. Поднявшись на

новую ступень в биотических исследованиях и получив в свое распоряжение кого-то обладающего столь удивительным потенциалом, люди могли и в самом деле добиться настоящего превосходства над остальными цивилизациями.

Риск был необходим. Как необходимы были и жертвы. И Невидимка понимал эти прописные истины куда лучше других, поэтому Грейсон и подчинялся его приказам беспрекословно. Впрочем, сегодня утром он никак не мог решить, делает это его патриотом или же обычным трусом.

Но разве это на самом деле не зависит только от того, кто будет писать учебник истории?

Он подошел к видеозкану возле дальней стены, протянул руку и нажал кнопку, чтобы проиграть сообщение.

«Мистер Грейсон? Говорит доктор Кали Сандерс из Академии Гриссома».

По умолчанию видеоканал был отключен; агент предпочитал уединение, даруемое исключительно звуковым общением. Но, даже не видя своей собеседницы, он по одним только интонациям понял: что-то и в самом деле случилось. Что-то плохое.

«Даже не знаю, как и сказать вам, мистер Грейсон. Джиллиан отдыхала в лазарете, восстанавливая силы после несчастного случая в кафетерии, когда... Понимаете, мы полагаем, что на ее жизнь покушались. Похоже, доктор Тошива пытался ее убить».

Она жива, — быстро добавила Кали. — Гендель подросел вовремя. У нее был припадок, но сейчас уже все в порядке. Джиллиан находится под врачебным надзором. Прошу вас, мистер Грейсон, свяжитесь с Академией, как только получите это сообщение».

Раздался щелчок, отмечающий конец записи. Грейсон стоял, не предпринимая никаких действий и не шевелясь. Он просто окаменел, пытаясь осознать все то, чтонесли за собой услышанные слова. «Похоже, доктор Тошива пытался ее убить».

Связь между Джиро и «Цербером» поддерживалась исключительно через Грейсона; других контактов между ними не существовало, во всяком случае таких, о которых бы ему было известно. Это была стандартная процедура: чем меньше оперативников обладает прямым доступом, тем меньше дыр в безопасности. Кроме того, таким образом, если какой-то из проектов срывался, начальству «Цербера» легче было вычислить виновных и предателей.

Джиро не был настолько глуп, чтобы пытаться подставить Невидимку. А если бы даже и был, убийство Джиллиан несколько бы ему в этом не помогло.

Объяснение могло быть только одно: новый препарат. Если он вызвал припадки и Джиро застучали за его введением, сотрудники Академии и в самом деле могли подумать, что молодой ученый пытался убить девочку. Но значило ли это, что им удалось схватить Джиро? И если удалось, то что тот успел рассказать?

Агент снова нажал на воспроизведение.

«Мистер Грейсон? Говорит доктор Кали Сандерс из Академии Гриссома. Даже не знаю, как и сказать вам, мистер Грейсон. Джиллиан отдыхала в лазарете, восстанавливая силы после несчастного случая в кафетерии, когда... Понимаете, мы полагаем, что на ее жизнь покушались. Похоже, доктор Тошива пытался ее убить».

Она жива. Гендель подросел вовремя. У нее был припадок, но сейчас уже все в порядке. Джиллиан находится под врачебным надзором. Прошу вас, мистер Грейсон, свяжитесь с Академией, как только получите это сообщение».

Остальные звонки поступили от начальника службы безопасности. Грейсон не был уверен, имеет ли какое-нибудь значение, что в последний раз с ним пытался связаться другой человек.

«Быть может, Джиро сдал меня? И теперь они готовят ловушку? Выманивают?»

Больше тянуть было нельзя — надо было позвонить. И в этот раз следовало включить и видеоканал. Грейсон быстро оглядел комнату, чтобы убедиться: в поле зрения не попадет ни игла, ни мешочек с красным песком. Затем он посмотрелся в зеркало и увидел там усталого, небритого мужчину с воспаленными глазами. Что ж, если сесть в кресло возле стены, это не

будет заметно. Во всяком случае, Грейсон очень на это надеялся.

Удостоверившись, что готов к предстоящему разговору, агент опустился в кресло и набрал номер. Уже пару секунд спустя перед ним возникло изображение Невидимки. Этот человек был просто рожден для экрана: коротко подстриженные, серебрящиеся сединой волосы, обрамляющие идеально симметричное лицо с четко очерченным и гладко выбритым мужественным подбородком и красивым носом.

— А, Грейсон, — вместо приветствия произнес Невидимка мягким голосом.

Если его и удивил тот факт, что его собеседник сидит у дальней стены, вместо того чтобы, как обычно, стоять на расстоянии в шесть-десять футов от экрана, он никак этого не выказал.

— Что-то случилось с Джиллиан, — сказал Грейсон, внимательно следя за выражением лица начальника. Будет ли новой эта информация? Удивится Невидимка или и без того уже все знает? Но, как и всегда, глаза сине-стального цвета ничего не выдавали; лицо главы «Цербера» оставалось непричастной ко всему непроницаемой маской.

— Она здорова? — спросил Невидимка, выказывая лишь незначительный намек на беспокойство. Но эта эмоция вполне могла быть искусственной, проявленной специально, чтобы Грейсон чувствовал себя более комфортно. Начальник мог уже давно знать все подробности о происшествии.

— У нее был припадок. Ее организм не смог справиться с новым препаратом.

— Это слова Джиро? — На лице Невидимки проступила четко отмеренная порция беспокойства и заботы, необходимая, чтобы вопрос не прозвучал бестактно. И вновь Грейсон не мог сказать, насколько эти чувства искренни.

— Мне позвонили из Академии. Джиро раскрыт.

Черты Невидимки исказились, но он настолько быстро возвратил себе привычное невозмутимое выражение, что Грейсону оставалось только гадать, что это было... Гнев? Удивление? Разочарование?

— И много он успел разболтать?

— Точно не знаю. Сообщение поступило поздней ночью. Я позвонил вам сразу же, как только сам его увидел.

— Надо играть до конца, — произнес Невидимка, немного поразмыслив. — Действуй, исходя из предположения, что тебя не разоблачили.

Предположение казалось вполне обоснованным. Хотя Джиро и был новичком в «Цербере» — его завербовали лишь пару лет назад, — но уже знал достаточно много о том, как работает эта организация. Как минимум две вещи должны были гарантировать, что еще какое-то время молодой ученый не станет болтать лишнего: во-первых, верность общему делу, а во-вторых, страх перед неизбежным наказанием со стороны Невидимки.

Конечно, рано или поздно он начнет говорить: Альянс умеет развязывать языки. Но чем дольше Джиро сумеет продержаться, тем больше времени окажется у того, кому придется за ним убирать. И если его молчание сохранится в течение достаточно долгого срока, ему не придется опасаться мести «Цербера». Пока Джиро держит рот на замке, у него остается даже надежда, что Невидимка пришлет кого-нибудь на выручку. Такое уже бывало, когда захватывали ключевых оперативников, хотя Грейсон и подозревал, что Джиро наверняка сочтут приемлемой жертвой.

— Свяжись с Академией, — проинструктировал Невидимка. — Скажи им, что забираешь Джиллиан из программы. Мы уже получили от проекта «Восхождение» все, что только могли. Пришло время взять ее обучение под личный контроль.

— Слушаюсь, сэр. — Прежде чем ответить, Грейсон помедлил какую-то долю секунды, но Невидимка все равно обратил на это внимание.

— Случившееся в Академии — несчастный случай. Ошибка, — сказал он, и его лицо приняло выражение искренних извинений и сочувствия. — Мы не хотели, чтобы Джиллиан пострадала. Она слишком ценна для нас. Слишком важна. Нам не все равно, что с ней будет.

Агент вновь не смог сразу подобрать нужные слова.

— Да, я понимаю, — наконец сказал он.

— Мы подозревали и опасались, что новое лекарство может вызвать некоторые побочные эффекты, но даже и предположить не могли, что произойдет нечто подобное, — продолжал объяснять Невидимка. — Наблюдение с расстояния, изучение результатов, полученных постфактум, — все это повышало риск ошибки. Как только ты заберешь ее, девочка окажется под постоянным надзором. Мы сможем проводить исследования более аккуратно. Курс лечения станет плавным и равномерным.

Конечно, он говорил сейчас вполне разумные вещи. И Грейсон понимал, что в словах начальника содержится доля правды.

«Да он же говорит только то, что ты хочешь услышать! Он играет с тобой!»

— Обещаю, это больше не повторится, — заверил его Невидимка.

Грейсону хотелось верить. Более того, ему нужно было верить. Иначе что еще ему оставалось? Попробайся он даже забрать Джиллиан и податься в бега, люди «Цербера» все равно найдут их. Ну а если и удастся спрятаться, что тогда?

Джиллиан нуждалась в покое и распорядке, чтобы нормально существовать. Он просто не мог себе представить дочь, ведущую жизнь беглеца, вечно перемещающегося с места на место и старающегося постоянно на шаг опережать своих преследователей. И что делать, если ее силы продолжают расти? Сможет ли она научиться управлять ими? Или же окажется просто биотической бомбой с запущенным таймером?

— Я понимаю, Джиллиан особенная, — добавил Невидимка, словно читая мысли Грейсона. — Не могу обещать, что нам удастся ее вылечить, но чем больше мы узнаем, тем выше шансы. Нельзя поворачиваться к ней спиной. Она слишком много для нас значит. И для меня лично — тоже.

— Я позвоню в Академию, — ответил Грейсон, — и скажу, что уже вылетаю.

Джиллиан нуждалась в профессиональном уходе. И специалисты «Цербера» разбирались в ее болезни куда лучше, чем кто-либо другой. Именно это и было ей сейчас необходимо.

«Ты просто оправдываешься, — возмущенно встрял печальный голос, затаившийся где-то в темных глубинах сознания агента. — Признай же наконец правду. Невидимка всегда получает то, чего пожелает».

Сумка Пэла была тяжелой; он постоянно перекладывал ее из руки в руку, но мышцы все равно вскоре начало саднить. К счастью, до небольшого двухэтажного складского здания, используемого «Цербером» в качестве оперативного штаба на Омеге, оставалось пройти всего какой-то квартал. Их база удобно расположилась на краю небольшого суматошного космодрома, контролируемого Когтями — группировкой наемников, состоявшей в основной своей массе из туриан.

В принципе Пэл не испытывал радости от сотрудничества с какой бы то ни было нечеловеческой организацией, но Когти предлагали одни из лучших условий для частных компаний, пожелавших расположиться на Омеге. К тому же здание склада находилось в очень удобной позиции: благодаря близости к космодрому малые корабли могли взлетать и прилетать, не привлекая к себе лишнего внимания, да и до монорельсовой дороги, ведущей сразу к нескольким важным районам города, легко было добраться пешком. Когти взимали достаточно высокую плату за аренду и защиту, зато никогда не задавали лишних вопросов и не совали свои клювы в чужие дела. Кроме того, они были одной из немногочисленных группировок, сумевших прочно закрепиться на своей территории, благодаря чему в их владениях не вспыхивали беспорядки и мятежи, частые в менее стабильных районах.

Хотя этот округ официально считался турианским, на улицах хватало представителей и других рас. Мимо Пэла прошла пара батариан, окинувших подозрительными взглядами ненавистного человечешку и его сумку. Откуда-то из-за спины неожиданно выплыл ханар, задев агента «Цербера» своими длинными, стелющимися позади щупальцами и тут же умчавшись вперед. Пэл непроизвольно отряхнул плечо, которое показалось ему грязным

после этого неприятного прикосновения.

Встречались по пути и люди, хотя никто из них не работал на «Цербер». Всем пятерым мужчинам и трем женщинам, приписанным к команде Пэла, было приказано не покидать складских помещений; кроме того, им надо было допросить пленника.

Пэл был уже в паре шагов от дверей штаба, когда из тени выскользнул знакомый силуэт.

— Что в сумке, дружище? — поинтересовался Гоуло.

— Как ты нашел это место? — требовательно спросил наемник, кладя сумку на землю и небрежно опуская руку на бедро, к кобуре.

— Проследил за вами, — признался кварианин. — Найти было не так уж и сложно.

Пэл не знал, умеют ли эти существа улыбаться, но ему явственно представилась ехидная усмешка под зеркальной маской.

Наемника не слишком беспокоило, что их обнаружили: чужак не представлял серьезной угрозы их делу. Ему просто не нравилось, что за ним шпионят. И уж тем более когда слежку устраивает инопланетная разновидность цыганского вора.

— Что ты здесь делаешь?

— У меня есть к вам деловое предложение, — ответил Гоуло.

Пэл поморщился.

— С меня вполне хватило и последней сделки, — сказал он. — Пилот, которого мы захватили на корабле квариан, совершенно не собирается выдавать нам необходимые коды.

— Вам следовало бы вначале разобраться в культуре Кочующего Флота, — объяснил Гоуло. — Квариане стали изгоями для всех остальных рас. Чтобы выжить, им приходится полагаться только на своих. Дети с малолетства учатся дорожить семейными и общественными ценностями, и верность родному кораблю ставится превыше всего.

— Теперь ясно, почему тебя выперли.

Трудно было сказать, угодила ли эта подначка в цель, — все эмоции кварианина надежно скрывала маска. Когда чужак заговорил вновь, его голос звучал так, словно он и не заметил оскорбления.

— Удивляюсь, что вам не удалось вытащить из него информацию. Я-то наивно полагал, будто вы знаете, как разговорить пленника.

— От попыток мало толку, когда их применяешь к кому-то, кто бредит от жара, — ответил Пэл, неожиданно для себя услышав в собственном голосе оправдывающиеся нотки.

— Он поймал какой-то вирус или что-то вроде того. А теперь его скрутила лихорадка, — продолжал наемник теперь уже мрачным, угрожающим тоном. — И скорее всего, это из-за того, что ты разбил его маску.

— Примите мои искренние извинения, — невозмутимо отозвался Гоуло. — Но, думаю, от моего нового предложения вы не сможете отказаться. Быть может, пройдем внутрь и поговорим?

— Не выйдет, — отрезал Пэл. — Жди здесь. Вернусь через пять минут.

Он вновь подобрал свою сумку и выжидающе посмотрел на кварианина, чтобы тот отвернулся. Лишь убедившись, что чужак не смотрит, наемник быстро ввел код, открывающий дверь, и вошел внутрь здания.

До того момента, как он вернулся обратно, прошло не менее десяти минут, но Гоуло по-прежнему терпеливо дожидался его на выходе. Пэл отчасти испытывал сожаление, что настырный нелюдь не устал и не предпочел удалиться восвояси.

— Знаете, дружище, — вместо приветствия сказал кварианин, — мне все-таки любопытно: что у вас в сумке-то было?

— Не твое дело. И я тебе не дружище.

Вообще-то ничего особенного в ней и не было.

Обычная еда. Конечно, в штабе хранился солидный запас сухих пайков, но они при всей своей питательности были абсолютно безвкусными. К счастью, Пэлу удалось обнаружить в соседнем районе продуктовый магазинчик, торговавший традиционной

человеческой снедью. Раз в три дня он садился на монорельсовый поезд и по полной затаривался провизией, поддерживая тем самым позитивный настрой своей команды. Цены там кусались, но для него не составило проблемы убедить «Цербер» в необходимости подобных расходов. Люди заслуживали настоящей человеческой еды, а не какой-то изготовленной чужаками мешанины.

Конечно, никакого секрета в том не было, но Пэл предпочитал держать кварианина на расстоянии. Куда лучше, если тот не будет знать, с кем именно имеет дело.

— Ты говорил, что собираешься нам что-то предложить, — сказал наемник.

Гоуло огляделся по сторонам, и в его движениях явственно читалась нервозность.

— Не здесь. Нужно уединенное место.

— Так, может быть, пойдем в то казино? «Логово Фортуны», кажется?

Кварианин покачал головой:

— В том районе сейчас идет передел территории. Батариане пытаются вытеснить волюсов. По мне, так там слишком много стреляют и взрывают.

«Ну да, конечно же», — подумал Пэл.

— Когда представители разных видов живут в соседстве, все неизбежно заканчивается насилием, — сказал он, излагая одну из главных аксиом «Цербера».

«Если бы главам Альянса хватило ума понять эту истину, нам бы не понадобились люди вроде Невидимки».

— Нам представилась удивительная возможность, — заверил Гоуло. — Как только услышите условия сделки, клянусь, вы будете заинтересованы.

Пэл просто сложил руки на груди и выжидательно посмотрел на чужака.

— Это касается Собирателей, — прошептал Гоуло, чуть наклоняясь вперед.

Выдержав долгую паузу, Пэл вздохнул и повернулся к двери склада:

— Ладно. Заходи.

ГЛАВА 13

— Для вас выделен четвертый док. Конец связи.

Грейсон внес незначительные изменения в курс, подчиняясь инструкциям, полученным от диспетчерской, и направил челнок к внешнему стыковочному отсеку Академии Гриссома. На сей раз он летел на куда менее роскошном и чуть меньшем по размерам корабле, чем обычно используемая им корпоративная яхта. Но и причины этого визита вряд ли можно было назвать обычными.

Сегодня он прибыл в одиночестве, надев на себя личину доведенного до предела папаши, торопящегося к своему смертельно больному дитяти. Эту роль несложно было сыграть, учитывая те чувства, которые он испытывал к Джиллиан. Но если Джиро успел разболтать слишком многое, правдоподобие уже не имело никакого значения.

Грейсон с трудом дождался, пока челнок закрепится на стыковочной платформе, а затем стремительным шагом направился в огромный, окруженный стеклянными стенами зал ожидания. Других посетителей сейчас не было, и двое охранников, стоявших у двери пропускного поста, сразу подозвали его к себе.

Агент увидел, что с противоположной стороны прозрачной пуленепробиваемой стены его уже ожидают доктор Сандерс и начальник службы безопасности проекта «Восхождение».

— Проходите, мистер Грейсон, — учтивым тоном произнес один из охранников, даже не попытавшись, как обычно, устроить досмотр вещей.

Грейсон решил, что это добрый знак.

— Ты уверен, что выдержишь? — прошептала Кали, обращаясь к Генделю, пока их посетитель проходил через пропускной пункт. — По-моему, тебя еще пошатывает.

— Все хорошо, — прошептал тот в ответ. — Кроме того, мне хотелось бы лично

увидеть, как он отреагировал на последние новости.

Кали хотела ответить ему нечто вроде «Ты же не думаешь, что Грейсону все равно, что его дочь пытались убить?», но отец Джиллиан уже выходил из двери и мог их услышать. Поэтому она прикусила язык, очень надеясь, что Гендель проявит достаточно здравомыслия и отнесется к гостю с должным уважением.

— Мистер Грейсон... — Начальник службы безопасности отрывисто кивнул.

— Где Джиллиан? — с ходу спросил посетитель. — Я хочу видеть свою дочь.

Неудивительно, что мужчина выглядел куда хуже, чем при прошлой их встрече. Сегодня вместо привычного костюма он был в джинсах и простой рубашке с короткими рукавами, позволявшими увидеть его тощие, жилистые руки. Складывалось впечатление, что щетине на его подбородке уже несколько дней. Глаза его излучали отчаянный блеск, а сам Грейсон источал ауру нервного ожидания, — что тоже было неудивительно, если учесть причины его прибытия.

— Да, конечно, — быстро ответила Кали, не давая Генделю возможности придумать какую-нибудь отговорку.

Она не собиралась держать Грейсона в дверях. У них еще будет полно времени на разговоры после того, как он повидается с дочерью.

Гендель раздраженно покосился на спутницу, но вслух сказал только:

— Следуйте за мной.

На всем пути до больничной палаты никто не проронил ни слова, хотя Кали видела, как Гендель играет желваками, выпячивая челюсть.

Подойдя к двери палаты, Грейсон застыл на месте. Он медленно поднял ладонь к губам, увидев свою юную дочь, лежащую на койке и подключенную проводами к десятку разных аппаратов.

— Ох, Джиджи, — прошептал Грейсон, и боль, прозвучавшая в его голосе, заставила сжаться сердце Кали. — Зачем вся эта техника? — дрожащим голосом спросил он мгновение спустя.

— Обычные мониторы, — пояснила Кали, стараясь придать голосу профессиональные, оптимистичные интонации. — Просто чтобы приглядывать за ней.

Двигаясь медленно, словно под водой, Грейсон вошел в комнату. Он присел возле кровати девочки и протянул руку, опустив ее не на лоб дочери, но на простыню чуть повыше ее плеча.

— Бедная моя Джиджи... что они с тобой сделали? — пробормотал он.

При звуке его голоса веки Джиллиан затрепетали и открылись, а потом девочка повернулась к отцу.

— Папочка, — прошептала она. Ее голос был слаб, но в нем нетрудно было различить подлинную радость.

Гендель и Кали держались в стороне, позволяя Грейсону пообщаться с дочерью.

— Мне рассказали о том, что произошло, — сказал он. — Я так испугался.

— Все хорошо, — заверила девочка, погладив его по руке. — Со мной все в порядке.

Трудно сказать, кого из взрослых больше поразил этот жест. За все те годы, что Джиллиан провела в Академии Гриссома, Кали ни разу не видела, чтобы ее воспитанница добровольно шла на физический контакт с другим человеком. При этом сама девочка как ни в чем не бывало спокойно убрала руку и прикрыла глаза.

— Я устала, — пробормотала она. — Хочу спать.

Уже через несколько секунд Джиллиан тихо посапывала. Грейсон еще некоторое время смотрел на нее, прежде чем подняться и повернуться к остальным. В воздухе повисло неловкое молчание.

Первой его нарушила Кали:

— Врачи говорят, что она скоро полностью оправится. Им нужно последить за ней еще буквально пару дней. Ее состояние пока еще вызывает беспокойство.

— Так, говорите, это сделал доктор Тошива?

Мгновение назад лицо Грейсона еще лучилось радостью от прикосновения дочери, но теперь на нем застыло тяжелое выражение едва сдерживаемой ярости.

Кали кивнула в сторону двери, намекая, что им лучше выйти в коридор, чтобы не потревожить спящую девочку. Оба мужчины поняли ее жест и покинули комнату, отойдя на достаточное расстояние от дверей. Впрочем, Кали отметила, что и отец Джиллиан, и начальник службы безопасности разом остановились, чуть-чуть не дойдя до поворота, из-за которого уже не видна была бы больничная палата.

— Джиро без разрешения проводил над ней какие-то эксперименты, — начал Гендель с того момента, что еще не был известен Грейсону. — Сейчас он находится в карцере.

— Продолжайте, — слегка кивнул отец Джиллиан.

— Он работал на некую организацию «Цербер»! — неожиданно выкрикнул Гендель, выплевывая слова.

Насколько Кали могла судить, он явно рассчитывал спровоцировать их гостя на какую-то реакцию.

— «Цербер»? — вопросительно произнес Грейсон мгновение спустя, чуть склонив голову набок.

— Радикальная террористическая группировка, отстаивающая превосходство человеческой расы, — ответил Гендель. — Кто-то их хорошо финансирует. И Джиро был одним из их агентов. Полагаю, он внедрился в проект «Восхождение» специально, чтобы подобраться к Джиллиан.

— Никогда о них не слышал. Он действовал в одиночку?

Гендель не спешил с ответом, и Кали начала опасаться, что ее товарищ пытается играть с Грейсоном в какую-то игру. К ее облегчению, заговорив вновь, начальник службы безопасности был более вежлив.

— Этого мы пока не выяснили. Допрос займет какое-то время. Но постепенно он начинает сливать информацию. Видимо, считает, что сможет скостить себе срок, если будет торговаться, придерживая какой-то козырь в рукаве.

— Его не допрашивать надо, а на кол сажать.

Тон Грейсона был холодным и ровным, но в нем все равно безошибочно читался гнев — первобытная ярость отца, защищающего свое единственное дитя.

— Альянс отрицает подобные методы, — вставила Кали.

— Не беспокойтесь, скоро мы получим все ответы, — добавил Гендель.

Кали трудно было понять, пытается он успокоить разгневанного отца или же угрожает.

Грейсон принялся мерить шагами узкий больничный коридор, почесывая щетину на подбородке.

— Значит, вы полагаете, что в Академии могут работать и другие сотрудники «Цербера»...

— Это вряд ли, — заверил Гендель. — За время службы в Альянсе я неоднократно сталкивался с этой организацией. И знаком с их методами. Их тайные агенты обычно действуют в одиночку.

— Но вы не можете утверждать этого наверняка, — прорычал Грейсон, неожиданно делая шаг прямо к нему. — Доктор Тошива проработал здесь несколько лет, а вы даже не подозревали, что он один из них.

Начальник службы безопасности не ответил, но стал смущенно переминаться с ноги на ногу.

— Здесь кто угодно может работать на них. Другой ученый. Воспитатель. Сиделка. Даже вы!

Последнее заявление Грейсон подчеркнул, ткнув пальцем в мускулистую грудь Генделя. Огромный вояка сделался пунцовым, но все же смолчал. Кали подошла ближе и, положив ладонь на запястье посетителя, мягко опустила руку Грейсона.

— Гендель спас жизнь Джиллиан, — напомнила доктор.

Пристыженный отец опустил взгляд:

— Я и забыл. Простите.

Затем он вновь вскинул голову и протянул ладонь:

— Спасибо вам, сэр Митра.

Гендель, не произнеся ни слова, ответил на рукопожатие.

— Я ценю все то, что вы оба сделали для моей дочери, — сказал Грейсон, и в его голосе вновь зазвучали деловые нотки. — И не только в этот раз, но и за все годы ее пребывания в Академии. Я очень рад, что ей позволили принять участие в проекте «Восхождение». — Но сейчас, — продолжал он, — я вынужден забрать ее. Она должна быть со мной. Только так я могу быть уверен в ее безопасности.

— Нам будет жаль расставаться с ней, мистер Грейсон, — кивнула Кали, — но мы вас понимаем. Мы выделим вам каюту, где вы сможете пожить, пока она достаточно не оправится.

— Боюсь, вы не понимаете, — покачал головой отец Джиллиан. — Я улетаю сейчас. Немедленно. И забираю дочь с собой.

— Я... прошу прощения, сэр, — возразила Кали, на мгновение выбитая из колеи, — но это невозможно. Девочка нуждается в медицинском уходе. Пока мы не решим, что...

— Вы только что сказали, что физически она в полном порядке, — возмущенно отрезал Грейсон.

— Но у нее все еще слабость после припадка, — повышая голос, вмешался Гендель. — А биотики нуждаются в чрезвычайно калорийном питании, чтобы...

— У меня хватает еды на корабле.

— В этом состоянии ей нужна особая, тщательно сбалансированная диета, — настаивал Гендель.

— Уж лучше она пропустит парочку оптимально питательных обедов, чем останется здесь, с вами! — прокричал Грейсон, наконец давая волю своему раздражению. — В последний раз, когда она оказалась в этой больничке, ее пытались убить!

Кали вскинула руку, затыкая Генделя, прежде чем тот успел ответить.

— Мы выставим круглосуточную охрану возле ее палаты, — заверила она.

— А что, если один из ваших охранников тоже работает на «Цербер»? — процедил Грейсон сквозь зубы. — Или кто-то из медсестер, снимающих показания с мониторов? Или кто-то, работающий на кухне? Вы не сможете меня убедить, что она здесь в безопасности!

— Она нигде не будет в безопасности! — зарычал в ответ Гендель. — Вы хоть сами понимаете, с чем столкнулись? У «Цербера» есть агенты в любой колонии и на любой планете Альянса. Их люди проникли на все уровни правительства и во все слои армии! Даже забрав ее, вы не спрячетесь от них!

— Заткнись, черт бы тебя подрал! — рявкнула Кали, с силой ударив Генделя по плечу.

Тот злобно оглянулся на нее, но умолк, увидев выражение ее лица.

— Можете сказать Джиллиан, что вы улетаєте, — предложила она Грейсону. — Мы пришлем кого-нибудь отключить аппаратуру.

— Благодарю, — едва заметно кивнул отец девочки. Потом он развернулся и направился к палате дочери.

Кали провожала его взглядом, пока мужчина не скрылся за дверью, а затем прокрутилась на пятках, поворачиваясь к Генделю.

— Да что с тобой творится? — требовательным тоном спросила она. — Ты в самом деле думаешь, что он согласится оставить Джиллиан, если его запугать?

— Ему следует бояться, — ответил офицер. — «Цербер» очень опасен. Нельзя их отпускать.

— У нас нет иного выбора, — сказала Кали. — Это не тюрьма, а Джиллиан — не заключенный. Если отец желает ее забрать, мы ничего не можем поделать.

— Хотя бы задержи его, — настаивал Гендель. — Во всяком случае, пока мы не узнаем от Джиро побольше.

— И сколько времени это займет? — со скепсисом в голосе спросила доктор

Сандерс. — Час? Сутки?

— Этот червяк долго не продержится, — заверил Гендель. — Нужно задержать Грейсона, пока мы не выясним, кто отдавал Джиро приказы.

— Ты же не думаешь, что отец Джиллиан к этому причастен? — произнесла Кали, не веря своим ушам.

— У него дурная аура, — отозвался офицер. — Что-то не так с этим парнем. Даже если он и не работает на «Цербер», наркоманом он от этого быть не перестает! И я не собираюсь отдавать ему Джиллиан без боя.

Доктор Сандерс знала своего товарища достаточно хорошо, чтобы понимать: он не шутит. Но было очевидно, что Грейсон и в самом деле обеспокоен судьбой дочери и не позволит себя запугивать. И главное: если не найти решения в ближайшее время, неприятности не заставят себя ждать. Кали напряженно думала, отбрасывая одну идею за другой в поисках выхода из сложившейся ситуации.

В этот самый миг она увидела, как из палаты выходят Грейсон и Джиллиан, все еще облаченная в больничный халат.

Гендель тоже заметил их и решительно направился навстречу.

И вот тогда в уже отчаявшемся сознании Кали родился безумный план.

Сердце Грейсона бешено колотилось, пока он ждал медсестру, которая отключила бы Джиллиан от аппаратуры. До сих пор ему удавалось достаточно хорошо играть свою роль, но он понимал, что рано или поздно дознаватели заставят Джиро назвать имя связного. И в этот момент желательно было оказаться как можно дальше от Академии.

Он принялся нетерпеливо мерить комнату шагами, прохаживаясь мимо кровати дочери. «Медсестра не придет. Начальник охраны тянет время. Он все понял. Время вышло».

Грейсон развернулся на полушаге и стремительно подошел к больничной койке, склонившись над ухом Джиллиан.

— Привет, Джиджи. Проснись, солнышко. Пора ехать.

Девочка потянулась и села на кровати, оглядываясь мутным, заспанным взглядом.

— А куда мы поедем?

Отец ответил не сразу, сосредоточенно изучая аппаратуру. Все казалось достаточно простым.

— Нам надо торопиться, Джиджи, — сказал он, поворачиваясь к дочери. — Вот только вначале мне придется отключить все эти приборчики, ладно?

Джиллиан была напряжена, на ее лице, будто в зеркале, отражалось беспокойство Грейсона. Но все же она кивнула. У агента ушло не более минуты, чтобы отсоединить всю аппаратуру: всего-то и требовалось снять пару электродов, подключенных к ее вискам, расстегнуть браслет на запястье да удалить датчик с солнечного сплетения.

Девочка вздрагивала всякий раз, как пальцы отца касались ее обнаженной кожи, лицо скривила мучительная гримаса. Тот миг, когда Джиллиан добровольно погладила его по руке, казался невыносимо далеким.

— Вот и все, — сказал Грейсон, когда все закончилось.

Он торопливо огляделся и заметил в углу пару тапок. Подняв их, он принес обувь к кровати и поставил на пол.

— Ну-ка, надевай. Пошустрее.

Джиллиан повиновалась, и вскоре они выскользнули в коридор.

Но не успели отец и дочь пройти и десяти футов, как на плечо Грейсона легла тяжелая ладонь. Он поморщился и развернулся, чтобы взглянуть на того, кто решил их остановить. Не было ничего удивительного в том, что перед ним оказался Гендель. Чуть позади огромного начальника службы безопасности нерешительно и смущенно переминалась с ноги на ногу доктор Сандерс.

— Вы должны были дождаться медсестры, — со злобой в голосе произнес Гендель.

Грейсон смахнул его руку.

— Каждую секунду, что Джиллиан остается здесь, ей угрожает опасность. Я не могу ждать.

— Ну и куда вы направитесь? — вызывающе спросил Гендель. — Где, по-вашему, вы сможете спрятаться так, чтобы вас не нашел «Цербер»?

— У меня есть знакомые в Пограничных Системах, — быстро нашелся Грейсон, понимая, что должен дать хоть какое-то оправдание своим действиям. — Люди, которым можно доверять.

— И кто же это? Поставщик «пыли»?

Вместо ответа Грейсон повернулся к ним спиной, но Гендель вновь схватил его за плечо, разворачивая обратно, а затем поймал за рубашку и с силой припечатал к стене. Отец Джиллиан перевел взгляд на дочь, наблюдавшую за этой сценой с неподдельным ужасом в глазах.

— Стойте! — шагнула вперед Кали, пытаясь развести в стороны сцепившихся мужчин. — Что, если мы полетим все вместе?

Оба посмотрели на нее как на сумасшедшую.

— Вы хотите забрать Джиллиан, — поспешила объяснить она. — Мы могли бы отправиться с вами. Я бы проверяла работу имплантатов вашей дочери, а Гендель имеет начальное медицинское образование.

Мужчины молчали, хотя начальник охраны выпустил из рук рубашку Грейсона и сделал шаг назад.

— Раз уж вы решили прятаться от террористической группировки, вам не следует отказываться от чужой помощи, — добавила Кали.

— Но могу ли я вам доверять? — защищающимся тоном спросил Грейсон.

— Гендель уже один раз спас жизнь вашей дочери, — напомнила доктор Сандерс. — А что до меня — тут вам придется довериться своему чутью.

Грейсон кивнул, уже успев проиграть в мыслях этот новый, неожиданный сценарий. Вариант не был идеальным, но каждая лишняя секунда, проведенная на станции, повышала риски. Вначале требовалось убраться из Академии, а там уже можно было и разобраться по-своему с этими двумя.

Но вначале стоило поторговаться.

— Вы хоть понимаете, что это значит? Скорее всего, вы оба потеряете работу.

Кали переглянулась с Генделем. Потом она снова повернулась к Грейсону и решительно кивнула.

— Ладно. Летите со мной, — сказал тот. — Но уходить надо прямо сейчас, и вы никому не должны об этом рассказывать. Если в Академии есть и другие агенты «Цербера», мне не хотелось бы, чтобы они знали, куда мы направляемся.

— Справедливо, — согласилась Кали, оглядываясь на Генделя. — Ты с нами?

Тот не сразу, но ответил:

— Учитывая, что я обязан приглядывать за Джиллиан... и за тобой, особого выбора у меня нет. — Он встретился взглядом с Грейсоном. — Я с вами.

Грейсон повернулся к Джиллиан и присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Девочка все еще казалась сильно напуганной.

— Все хорошо, Джиджи, — ласково произнес он. — Никто больше не сердится. А сейчас мы все вместе отправимся в путешествие, ладно?

Джиллиан понадобилось несколько секунд, чтобы усвоить эту новую информацию, после чего выражение страха покинуло ее личико, сменившись привычным пустым равнодушием, и девочка кивнула.

Вчетвером они покинули госпиталь и зашагали по коридору, ведущему к ангарам. Спустя пять минут они были на месте. Несмотря на то что охрана провожала их удивленными взглядами, чтобы пройти туда, хватило одного только слова Генделя. Еще десять минут, и все были уже на борту отлетающего со станции корабля. Грейсон вновь сел за штурвал, а остальные заняли пассажирские кресла позади.

Джиллиан была с ним, и им удалось вырваться из Академии. Вскоре корабль должен был выйти на сверхсветовую скорость, после чего отследить их стало бы невозможно. Конечно, еще следовало придумать, как поступить с двумя непрошеными спутниками, но Грейсон уже работал над этим.

Физическая конфронтация отметалась сразу. Начальник охраны был не только мощнее и массивнее, он являлся еще и биотиком, да к тому же с пистолетом на поясе. Кроме того, агент как-то раз заглянул в личные дела Митры и Сандерс, где говорилось, что оба прошли специальную боевую подготовку.

«Не будь ты настолько одурманен „пылью“, — сказал себе Грейсон, — мог бы и догадаться заранее припрятать в кабине какое-нибудь оружие».

Отравить их тоже было нечем. Да если бы и было, он крайне сомневался, что Гендель окажется настолько беспечным, чтобы принять предложенную еду или напиток, не удостоверившись, что их не «приправили».

По счастью, Грейсон не был одинок. Он быстро составил короткое шифрованное сообщение и отправил его прежде, чем положить корабль на курс к Омеге.

«Посмотрим, как Гендель управится с Пэлом и ребятами», — подумал он, чувствуя, как ускорение слегка вжимает его в кресло.

Только теперь он позволил себе протяжно, с облегчением вздохнуть.

ГЛАВА 14

Шесть стандартных недель тому назад Лемм'Шал нар-Тесля, так же как и многие молодые и наивные квариане до него, решил посетить Омегу во время своего Паломничества. По глупости романтизируя жизнь, протекающую вне душных пределов Кочующего Флота, он мечтал побывать в многомиллионном городе, населенном представителями многочисленных рас и культур, сосуществующими без всяких законов и запретов.

Что ж, очень скоро он познал суровую реальность: Омега оказалась подлинной клоакой, где властвовали жестокость и несправедливость. Бессмысленная и беспощадная смерть таилась в каждой тени, в каждом проулке. Станция была подлинным раем для работоторговцев, и повсюду Лемм видел рыдающих мужчин, женщин и детей, которых продавали, будто простую скотину. Не прошло и недели, как молодой кварианин окончательно убедился: понятие «свобода» применительно к этой базе было лишено смысла. Без законов и правительства здесь установилось право сильного; злодеи процветали, а слабые были обречены на муки. Но никому не суждено вечно сохранять свою силу, и даже постороннему было ясно: тот, кто сейчас сидит на троне, рано или поздно сам окажется на дне.

Также юноша понял, что обитатели Омеги живут в постоянном страхе и что злоба и ярость просто помогают им скрывать это. Движимые самолюбием и жадностью, они влачили полную жестокости, короткую, бессмысленную жизнь. Лемму было жаль этих морально изувеченных существ, и он возносил хвалу своим предкам за то, что им хватило мудрости воспитать в его народе чувство плеча и долга.

Вскоре он оставил Омегу позади, продолжив свое путешествие по полудюжине миров Пограничных Систем.

Теперь он явственно осознавал, что подлинной целью Паломничества была необходимость демонстрации молодому поколению истинного значения ценностей, заложенных в основы кварианской культуры, — альтруизма и готовности к самопожертвованию. Покидая Кочующий Флот, они были словно дети: неопытные, томимые мятежным духом... Но, увидев, как живут другие сообщества, большинство стремительно взрослело, становясь мудрее и начиная дорожить священными идеалами квариан. Конечно, были и такие, кто не возвращался, отвергая коллективизм родной цивилизации ради соблазнов и мороков самостоятельного, одинокого существования.

Не имея ни малейшего желания становиться одним из таких отступников, Лемм все же не мог пока вернуться. Пусть он и выучил важный урок, Паломничество было далеко от завершения. Прежде чем взойти на борт родного корабля, требовалось найти что-то полезное для всех квариан и преподнести это в дар капитану. И если подношение будет принято, Лемм станет уже не нар-Теслея, но обретет к своему имени приставку «вас», сопровождаемую названием корабля.

Поэтому он все-таки вернулся на Омегу, сколь ни омерзительна была ему эта идея. Вот почему он рыскал по улицам в поисках кварианина по имени Гоуло.

Этот тип имел в Кочующем Флоте дурную славу. В отличие от тех, кто добровольно отказался возвращаться или просто без вести пропал во время Паломничества, Гоуло был изгнан по решению Адмиралтейства. Заклейменный за предательство собственного народа, он решил осесть именно в том месте, чьи нравы и устои словно бы высмеивали все, во что верили квариане. Каким-то чудом в изгнании ему удалось не только выжить, но даже и добиться процветания, что, впрочем, лишь укрепляло Лемма в мысли, что решение выслать его было вполне оправданным. Любой, кто добивался успеха в жестоком мире Омеги, по умолчанию был подл, безжалостен и не заслуживал доверия.

Юноша путешествовал налегке. Он носил простой армированный скафандр, оборудованный кинетическими щитами стандартной модели, а за плечом у него болталась походная сумка с припасами. Самым дорогим, что у него было с собой, оказалось ружье, подаренное капитаном «Теслея», когда Лемм отправлялся в Паломничество. Это была крупнокалиберная модель, изготовленная турианской корпорацией «Армакс Арсенал» и оборудованная модулями самонаведения и снижения отдачи.

Тем не менее вооружение Лемма не ограничивалось одним лишь ружьем. Прежде чем отправиться в Паломничество, все квариане проходили суровые шестимесячные тренировки, призванные подготовить их к неделям, месяцам, а то и годам автономного существования.

В ходе этого курса они упражнялись во владении всевозможными видами оружия, изучали историю, биологию, основы различных культур, осваивали первую медицинскую помощь, приобретали базовые навыки летного мастерства и навигации, а также овладевали познаниями в областях электроники, компьютерного взлома и дешифровки.

Каждый, кто покидал Кочующий Флот, был хорошо подготовлен к встрече с опасностями окружающего мира. И что важнее, в первую очередь их заставляли усвоить: лучший способ выжить — избегать неприятностей всеми возможными путями. Посему, услышав звуки пальбы, доносившиеся из соседнего квартала, Лемм инстинктивно сбросил ружье с плеча и постарался найти укрытие.

Присев в чернеющем дверном проеме здания, казавшегося заброшенным, он решил, что больше ноги его в этом мире не будет. Обычно, несмотря на постоянную угрозу грабежей, драк и убийств, улицы Омеги были полны народом. Но сейчас район, превратившийся в зону кровавых разборок двух враждующих группировок, совершенно обезлюдел. Лемм только один раз заметил небольшую группку местных обитателей, торопливо перебежавших от одного здания к другому. Все они низко пригибались и старались не попадаться никому на глаза.

Их поведение было вполне понятным. Лемм и сам уже дважды попал под огонь снайперов, укрывавшихся на верхних этажах. Первая пуля прошла мимо, зарывшись в землю под его ногами. А вот вторая прошла бы ему череп, не отрази ее кинетический барьер брони. В обоих случаях молодой кварианин поступал единственно разумным в данной ситуации образом — нырнул за ближайший угол и пытался найти другой путь к намеченной цели.

Бега по петляющим, хаотично застроенным кварталам Омеги, он сильно рисковал заблудиться: здесь проще простого было свернуть не в тот переулок и уже никогда не вернуться обратно.

По счастью, Лемм, как и большинство квариан, обладал превосходным чутьем направления. Бездумная планировка веками разраставшегося города изрядно напоминала

привычное окружение родного судна. Многие корабли Кочующего Флота со временем превратились в запутанные лабиринты, где ценился и использовался каждый клочок свободного места.

Временно возводимые перегородки позволяли превращать приемные в коридоры и комнаты, и облик корабля непрестанно менялся в ходе осуществлявшихся подручными средствами ремонтов.

Пальба все не прекращалась, но, к великому облегчению Лемма, сражение выплеснулось на улицу, расположенную в противоположном нужном ему направлении. Он осторожно покинул свое укрытие и, все еще не убирая оружия, продолжил свой путь. Еще через три минуты он был на месте.

Фасад «Логова Фортуны» носил следы нескольких недавних перестрелок. Вывеска над дверью обгорела и висела криво, будто кто-то на скорую руку ставил ее на место после взрыва или меткого выстрела. Сама же усиленная стальная дверь уже не закрывалась. Испещренная следами пуль, она была искорежена и перекручена, по всей видимости, тем же взрывом, что сорвал вывеску.

Так она и стояла — наполовину распахнутая, намертво заклиненная на перекошенных петлях. Сделав глубокий вдох и все так же сжимая в руках ружье, Лемм шагнул в готовый обрушиться дверной проем. Внутри обнаружились пятеро батариан — один стоял за стойкой бара, а еще четверо играли в карты. Сразу же бросалось в глаза, что у каждого из присутствующих есть оружие — у кого-то оно было прицеплено к поясу, у других лежало на столе, в непосредственной близости. К дальней стене кто-то подвесил головы крогана и волюса. Выглядело так, словно отрезали их буквально только что.

Каждый батарианин повернулся, чтобы посмотреть на кварианина, но никто даже не попытался потянуться к оружию. Небрежно помахивая ружьем, Лемм пересек зал, направляясь к стойке бара и не обращая внимания на два десятка уставившихся на него глаз.

— Я бы хотел поговорить с владельцем этого заведения. Ольфаром.

Бармен сверкнул зубами в кривой ухмылке, а после кивнул на головы, висящие на стене:

— Управляющий сменился.

Остальные батариане за спиной Лемма разразились хохотом.

— Я ищу кварианина по имени Гоуло, — ни капли не смутившись, произнес он, будто и не заметив жестокой шутки. Юноша уложил ружье на стол перед собой, держа расслабленный палец буквально в дюйме от спускового крючка.

Еще во время своего прошлого визита Лемм заметил, что обитатели Омеги несколько раз подумают, прежде чем ввязываться в драку с кем-то, кто проявляет холодную самоуверенность и несокрушимое спокойствие. К сожалению, этот трюк срабатывал не всегда, так что ружье носить с собой тоже стоило.

— Гоуло сюда больше не заходит.

— Дам две сотни, если скажете, где его можно найти, — предложил кварианин.

Батарианин чуть склонил голову вправо, что у этой расы символизировало презрение. Верхняя пара глаз бармена медленно моргнула, в то время как вторая продолжала буравить посетителя взглядом.

— У тебя молодой голос, — заметил батарианин. — Ты что же, хочешь, чтобы Гоуло помог тебе в Паломничестве?

Лемм предпочел не отвечать на этот вопрос. Несмотря на всю выучку и длительную подготовку, молодых квариан, отправлявшихся в Паломничество, представители других рас считали неопытными и беззащитными. Сейчас же не время было демонстрировать слабость.

— Так тебе нужны кредиты или нет?

— А что, если мы сейчас, вместо того чтобы помогать тебе в поисках Гоуло, просто заберем твои денежки и эту забавную пушку, а головенку твою подвесим рядышком с Ольфаром и его зверушкой?

Сзади снова рассмеялись, и Лемм услышал стук сдвигаемых стульев... Батариане

поднимались из-за стола. Молодой кварианин даже не пошевелился: перестрелка в баре закончилась бы для него печально. Конечно, ни на ком из чужаков не было брони, но все равно — их было пятеро против одного. Кинетические щиты продержались бы пару секунд, но под шквальным огнем он не успел бы добежать до двери. Чтобы выжить, следовало проявить смекалку.

К счастью, с батарианами всегда можно было договориться. Эти существа были прирожденными торговцами, но никак не воинами.

Окажись на их месте кроганы, он был бы мертв, не успев войти.

— Конечно, вы можете убить меня, — признал Лемм, глядя прямо в немигающую пару глаз бармена и ласково поглаживая приклад лежащего рядом ружья. — Но уж будьте уверены, хотя бы одного я за собой утащу. Так что, — продолжал он, — выбирать вам. Либо вы сдаете мне Гоуло, и я тихо удаляюсь, либо мы начинаем палить во все стороны, и тогда у меня появляется возможность проверить, сумеет ли батарианин выжить, если разрядить ему ружье прямо в лицо. И заметь, при любом исходе вы не получаете ничего, кроме двух сотен кредитов.

Обе пары глаз бармена вначале посмотрели на ружье, а затем снова на Лемма.

— Тебе стоит проверить рынок в районе Каррд.

Юный кварианин сунул руку в один из внешних карманов своего герметичного комбинезона, двигаясь достаточно медленно, чтобы никто не подумал, будто он тянется к спрятанному оружию. Через секунду он извлек две сотенные бумажки. Бросив их на стойку, Лемм подхватил ружье и спиной вперед вышел за дверь, не сводя взгляда с чужаков.

Вновь оказавшись на улице, он подобрал сумку и отправился в обратный путь, направляясь к монорельсовой дороге, которая — если все еще не была разрушена — должна была его доставить куда нужно.

Гоуло был не слишком удивлен, обнаружив, что на рынке в районе Каррд кипит куда большая активность, чем обычно. Благодаря войне, разразившейся между волюсами и батарианами буквально по соседству, многие торговцы перенесли свой бизнес на территорию, контролируемую элькором.

Конечно, усилившаяся толчея создавала массу неудобств, но особого выбора у Гоуло не было. Кварианская пища являлась редкостью на Омеге. С одной стороны, он мог без опаски потреблять почти любой продукт, изготовленный турианами, — в конце концов, основу их биологии составляли одни и те же декстроаминокислоты. С другой — отравление все равно было вполне возможным. Бактерии и грибки, совершенно безвредные для туриан, могли оказаться смертельными для его практически отмершей иммунной системы.

Те квариане, что покидали на время флотилию, снабжались походным пайком — контейнерами с концентрированной питательной пастой, которые герметично подключались к небольшому клапану на нижней стороне шлема. Смесь была пресной и безвкусной, но зато можно было носить с собой в сумке многомесячный запас пищи. Кроме того, ее легко можно было приобрести как в Пограничных Системах, так и в Пространстве Совета.

Но Гоуло — изгнанник, лишенный всякой надежды на возвращение домой, — был не в восторге от мысли о том, чтобы весь остаток своей жизни питаться пастой из тубиков. По счастливому стечению обстоятельств ему удалось заключить долгосрочную сделку с элькорским торговцем, поставлявшим стерилизованные турианские продукты.

Изгою пришлось несколько минут проталкиваться сквозь толпу, чтобы суметь войти в магазин. Оказавшись внутри, он был поражен, увидев там еще одного кварианина. Тот носил свою броню поверх гермокостюма — превосходный способ привлечь к себе нежелательное внимание, — а к ней было пристегнуто весьма дорогое ружье. Маска и облачение не позволяли установить возраст незнакомца, но Гоуло подозревал, что сородич, стоявший перед ним, весьма молод. Ему не впервой доводилось сталкиваться с юными кварианами, заглянувшими на Омегу во время Паломничества.

Он кивнул в знак приветствия. Незнакомец ничего не сказал, но кивнул в ответ. Гоуло

же направился к торговцу за своим заказом. А разобравшись с делами, был несколько удивлен, что другой кварианин уже исчез.

Отточенные непрерывной борьбой за выживание инстинкты забили тревогу. Его сородичи были крайне социальными существами. При встрече на поверхности чужого мира с собратом-кварианином они всегда сначала попытались бы завязать разговор и уж точно не стали бы просто так бесследно исчезать.

— Я вернусь за товаром чуть позже, — произнес он, возвращая пакет с едой элькору.

— Искренняя озабоченность: что-то случилось? — поинтересовался элькор глубоким, лишенным интонаций голосом, естественным для его расы.

— Не возражаете, если я воспользуюсь черным ходом?

— Готовность помочь: поступайте так, как полагаете нужным.

Гоуло прошел на склад, а оттуда через пожарный выход выскользнул в проулок позади здания. Но не успел он сделать и пяти шагов, как кто-то, говоривший на кварианском, произнес у него за спиной:

— Стоять, или я отстрелю тебе голову.

Осознав, что виденное пять минут назад ружье с такого расстояния и впрямь способно разорвать его на куски, Гоуло застыл на месте.

— Повернись. Медленно.

Он повиновался. Как и ожидалось, молодой кварианин, встреченный им в магазине, стоял посреди проулка, нацелив ружье точно в грудь изгоя.

— Гоуло?

— Полагаю, не зная, кто я, ты не стал бы держать меня на прицеле, — ответил тот, не видя возможности лгать в подобной ситуации.

— Ты знаешь, зачем я пришел?

— Нет.

Гоуло сказал чистую правду. За последние десять лет он наворотил много такого, что могло бы заставить других квариан искать мести. Было бесполезно гадать, какой из нескольких десятков инцидентов мог настолько разозлить этого юношу.

— На прошлой неделе на Омеге приземлилось исследовательское судно с «Иденны». «Циниад». Они исчезли. Полагаю, тебе известно, что с ними случилось.

— А ты кто такой? Кто-то из экипажа «Иденны»? — спросил Гоуло, изо всех сил пытаясь придумать хоть какой-нибудь план.

— Меня зовут Лемм'Шал нар-Теслея, — представился его собеседник.

Гоуло не был удивлен, мгновенно получив этот ответ. Даже находясь на борту родного корабля, квариане предпочитали не снимать безликих гермокомбинезонов, служивших дополнительной защитой от протечек корпуса и прочих неприятностей, что регулярно обрушивались на их ветхие суда. В конечном счете у них выработалась стойкая привычка представляться по первому же требованию. На это изгой и рассчитывал, надеясь, что, узнав имя юноши, сумеет хоть что-нибудь придумать.

С кланом Шал ему прежде сталкиваться не доводилось, зато приставка «нар» во втором имени Лемма указывала, что технически тот еще ребенок, а значит, скорее всего, находится в Паломничестве. Кроме того, приписан он был к «Теслее», но не к «Иденне» и не знал пропавший экипаж лично. Вероятно, об их исчезновении он знал из вторых рук, получил эту информацию от кого-нибудь из случайно встреченных квариан.

У Гоуло моментально созрел план.

Кто-то поведал молодому путешественнику о пропаже «Циниада». И теперь Лемм наверняка рассчитывал, что если сумеет найти исследовательское судно или хотя бы выяснит его судьбу, то сможет преподнести свою находку в качестве дара капитану «Идейны». Взамен его могли бы включить в состав экипажа, и Паломничество было бы окончено.

— И что же заставляет тебя полагать, будто я что-то знаю о «Циниаде»? — спросил Гоуло, надеясь, что самоуверенный тон поможет ему немного смутить юнца.

— Кочующий Флот не ведет дел с Омегой, — ответил Лемм, даже не думая опускать

оружие. — Значит, кто-то должен был связаться с «Циниадом», чтобы предложить сделку. Только другой кварианин знает, как это сделать. А ты — кварианин с самой поганой репутацией на этой станции.

Гоуло нахмурился под своей маской. Малец действовал по одному лишь наитию, только слепая удача привела его по нужному адресу. Изгой решил было все отрицать, но потом нашел более удачный вариант.

— Похоже, слава летит впереди меня, — признал он. — Да, я выходил на связь с «Циниадом», но был только посредником. Встречу им назначал человек.

— Человек?

— Он сказал, что его зовут Пэл, — безразлично пожал плечами Гоуло. — Предложил заплатить мне, если я помогу ему связаться с «Циниадом», и я с радостью принял его деньги. По правде говоря, мне было все равно, зачем ему это понадобилось.

— А тебе не приходило в голову, что он может представлять опасность для экипажа «Циниада»? Что он просто заманивал их в ловушку?

— Парень, Флот повернулся ко мне спиной. Почему же я должен беспокоиться об их судьбе, если мне предлагают хорошие деньги?

Лучший способ обмануть противника — скормить ему тщательно отмеренную дозу горькой правды. Честно признавшись в подлости и жадности, Гоуло придал веса своему отрицанию личной причастности к пропаже исследовательского корабля.

— Меня тошнит от тебя, — произнес Лемм. Гоуло подозревал, что юнец хотел бы сейчас сплюнуть на землю и только шлем мешал ему это сделать. — Мне стоило бы пристрелить тебя!

— Я понятия не имею, что случилось с экипажем «Циниада», — поспешил добавить Гоуло, пока ненависть Лемма не заставила того и в самом деле нажать на спусковой крючок, — зато знаю, у кого ты сможешь это выяснить.

Он выдержал паузу, прежде чем продолжить:

— За пятьсот кредитов я готов поделиться с тобой информацией.

Лемм поднял ружье выше и стал медленно приближаться, пока ствол не уперся в лицевой щиток изгоя.

— А как насчет того, чтобы рассказать мне все бесплатно?

— Пэл арендует склад в районе Когтей, — затараторил Гоуло, и Лемм отступил на полшага, опуская ружье.

— Веди меня. Живо.

— Не глупи, — отрезал Гоуло, несколько приободренный тем, что оружие больше не смотрит прямо на него. — А что, если он выставил охрану? Как думаешь, что они сделают, увидев, как парочка квариан ломится в их укрытие? Если хочешь попасть туда, — продолжал изгой, вновь вернув своему голосу интонации профессионального торговца, — все надо делать по уму. Я-то скажу тебе, где найти их склад, это проще всего. Но чтобы проникнуть внутрь, потребуется предварительная разведка. Тебе нужен план, и я могу в этом помочь.

— Мне казалось, ты говорил, будто тебе безразлична судьба Кочующего Флота. С чего это вдруг такая готовность помогать? — подозрительным тоном поинтересовался Лемм.

— Проще всего было бы сделать вид, что мне неожиданно стало стыдно за то, что я помог заманить «Циниад» в ловушку, — изрек Гоуло очередную полуправду. — Но, честно говоря, мне просто кажется, что это чуть ли не единственный способ уговорить тебя больше не наставлять на меня пушку.

— Уговорил. Пусть будет по-твоему.

Судя по всему, объяснение вполне устроило молодого кварианина.

— Тогда предлагаю продолжить разговор не на улице, — предложил изгой. — Давай найдем более уединенное место. Например, отправимся ко мне домой.

— Веди, — отозвался Лемм, убирая ружье в крепление за спиной.

Усмехнувшись под своей маской, Гоуло направился к выходу из проулка.

«Пэл и его ребята порвут тебя на лоскуты, сопляк. Тем более что я обязательно

предупрежу их о твоём визите».

ГЛАВА 15

— Может, все-таки расскажете, куда мы летим? — спросила Кали, вырывая Грейсона из дремоты.

Как только начал выветриваться адреналин, агент почувствовал себя абсолютно разбитым и провалился в сон, не успев даже выбраться из кресла пилота. Он мог себе это позволить совершенно спокойно, поскольку с момента ввода курса во время путешествия на сверхсветовых скоростях от него уже ничего не зависело. Грейсон знал, что его разбудит звуковой сигнал, оповещающий о приближении к ретранслятору массы, способному перебросить их из Пространства Совета в Пограничные Системы.

— Простите, — пробормотал он. Его язык словно распух, а во рту пересохло. — Похоже, я отрубился.

Кали присела в соседнее кресло, и ее нос сморщился, словно от неприятного запаха. Тогда Грейсон посмотрел на свою рубашку и увидел, что та насквозь промокла от пота. Первый признак приближающейся ломки из-за резкого отказа от красного песка. Мужчина постарался как можно незаметнее отодвинуться от мисс Сандерс подальше.

— Я просто хотела узнать, куда мы направляемся. — Кали дипломатично старалась делать вид, будто не замечает запаха.

— И не ты одна, — добавил Гендель откуда-то из-за спины.

Изогнувшись в кресле, Грейсон увидел, что начальник охраны стоит в дверях, почти полностью перекрывая широкими плечами проход к пассажирскому отсеку.

— Мне казалось, ты должен был присматривать за Джиллиан, — многозначительным тоном произнесла Кали.

— Она спит, — угрюмо отозвался Гендель. — Все с ней хорошо.

— У меня есть знакомый на Омеге, — сказал Грейсон, снова поворачиваясь к Сандерс.

— Омега? — В голосе женщины прозвучала смесь тревоги и удивления.

— Иного выбора я не вижу, — нахмурился агент.

— Зато его можем видеть мы. У меня же есть друзья, способные помочь, — сказала Кали. — Например, я лично знакома с капитаном Дэвидом Андерсоном. И готова доверить ему собственную жизнь. Более чем уверена, что он возьмет под свою защиту и вас, и вашу дочь.

К великому облегчению Грейсона, эту идею Гендель незамедлительно отверг:

— Это не выход. У «Цербера» есть свои люди в Альянсе. Даже предположив, что Андерсону можно доверять, мы должны с ним вначале как-то связаться. Теперь он стал большим человеком, и вряд ли у нас получится просто приземлиться в Цитадели и заявиться в его кабинет.

— Скорее всего, люди «Цербера» следят за каждым шагом таких, как капитан, — продолжал начальник службы безопасности. — Отправь ему письмо, и организация узнает о нашем прибытии чуть ли не раньше, чем он сам. Нам не добраться до него.

— Никогда бы не подумал, что мы можем сойтись во мнениях, — произнес Грейсон, сосредоточенно разглядывая мужчину и пытаясь понять, в какую игру тот играет.

— Я просто стараюсь защитить Джиллиан. И сейчас ей действительно лучше будет покинуть Пространство Совета. Впрочем, Омега не кажется мне подходящим местом. В Пограничных Системах полно мест, где можно спрятаться.

— Нам нельзя показываться в человеческих колониях, — настаивал Грейсон. — Альянс держит там посты, регистрирующие каждое прибывающее судно. А в поселениях чужаков мы будем слишком выделяться. Только на Омеге мы сумеем слиться с толпой.

Гендель взвесил эти аргументы и только потом ответил:

— Мне все-таки хотелось бы знать, что это за знакомый, к которому мы летим.

Грейсону вряд ли стоило ожидать более прямого признания своей правоты.

— Это один из моих покупателей. Его зовут Пэл, — солгал агент. — За последние двадцать лет я продал ему почти две дюжины кораблей.

— И чем же он занимается? — поинтересовалась Кали.

— Импорт, экспорт и все такое, — уклончиво ответил тот.

— Наркоторговец, — проворчал Гендель. — Я же говорил, что он потащит нас к своему поставщику.

— А откуда нам знать, что он не сдаст нас «Церберу»? — продолжала допытываться Кали.

— Он просто не только не знает, что Джиллиан — биотик, но даже и не догадывается о подлинной причине моего появления, — объяснил Грейсон. — Я сказал ему, будто у меня нашли пакет с красным песком во время посещения Цитадели. Он считает, что я скрываюсь от закона.

— Хорошо. Но как вы собираетесь объяснить наше появление? — спросил Гендель.

— Ему известно, что у меня есть дочь. Кали сойдет за мою подружку, ну а вам выпала роль коррумпированного офицера службы безопасности Цитадели, который помог мне бежать.

— Значит, он ждет нас?

— Да, — кивнул Грейсон. — Я написал ему после отлета из Академии. Как только мы доберемся до ретранслятора массы, я проверю, не прислал ли он ответ.

— Я тоже должен увидеть его письмо.

— Гендель! — воскликнула Кали, возмущенная подобным вторжением в личные дела отца Джиллиан.

— Я не желаю рисковать, — возразил офицер. — Мы собираемся доверить ему свои жизни. И мне хотелось бы знать, с кем придется иметь дело.

— Почему бы и нет, — сказал Грейсон. — Без проблем. — Он бросил быстрый взгляд на приборную панель, чтобы прикинуть, какой путь успел проделать корабль. — Будем на месте примерно через час.

— Что ж, значит, у вас еще есть время принять душ, — произнес Гендель. — Постарайтесь смыть с себя вонь наркотиков, пока дочь не проснулась.

На это возразить было нечего. Грейсон понимал, что начальник охраны прав.

Шестьдесят минут спустя он вернулся в кресло пилота, искупавшись и переодевшись в чистое. Потеть он перестал, зато его руки едва заметно тряслись, щелкая тумблерами. Агент понимал, что, если не принять дозу, симптомы будут только усиливаться.

Кали так и сидела рядом, а Гендель вновь встал в дверях, подпирая плечом переборку. Джиллиан безмятежно дремала в пассажирском отсеке, Грейсон заглянул к ней после того, как принял душ.

За секунду до того, как корабль начал снижать скорость, навигационная панель издала тихий электронный звонок, оповещая пилота. Люди ощутили едва заметную перегрузку, свидетельствующую о торможении, и на экранах стали возникать силуэты других кораблей, небольших астероидов и иных объектов, оказавшихся достаточно крупными, чтобы их могли засечь сенсоры.

Огромный ретранслятор массы был отмечен синим кружком, пульсировавшим в самом центре навигационного экрана. Несмотря на дрожь в мышцах, руки Грейсона быстро и уверенно порхали над системами управления, выводя челнок на нужный курс.

— Почту проверить не забыли? — спросил Гендель, весьма грубо напоминая о своих подозрениях.

— Сейчас, надо только найти коммуникационный буй... Вот, вижу его. Подключаюсь.

Что-то пискнуло, и на одном из экранов возникло оповещение о новом сообщении, полученном при помощи общей галактической сети. Ее существование поддерживали многочисленные спутники связи, раскиданные по всем населенным системам.

— Показывайте, — приказал Гендель.

Грейсон нажал на кнопку, и на экране появилось изображение Пэла, а кокпит затопил

голос:

«Получил твое письмо. Жаль, что все так вышло, но я же предупреждал, чем все может закончиться, — произнес наемник, чуть выгибая бровь. — К счастью, я могу помочь. Высылаю тебе координаты космодрома, расположенного поблизости от моего склада на Омеге. Я с парой своих ребят буду ждать тебя там».

Пэл выдержал небольшую паузу, а после рассмеялся:

«Надеюсь, ты понимаешь, что я ничего не делаю бесплатно? Сам знаешь, терпеть не могу убирать чужое дерьмо».

Снова раздался писк, и изображение застыло — запись кончилась. Грейсон внутренне вздохнул от облегчения, хотя внешне никак этого не выразил. С одной стороны, он не сомневался, что послание Пэла будет достаточно нейтральным: все оперативники «Цербера» были хорошо обучены искусству двусмысленной речи, использовавшейся в переговорах на открытой частоте. Но Гендель, нависавший над ним, заставил Грейсона испытать укол страха при нажатии на кнопку воспроизведения.

— Его ответ был довольно расплывчатым, — проворчал начальник охраны.

— Это публичный канал связи, — прорычал в ответ Грейсон, чьи нервы были уже на пределе и требовали доброй порции красного песка. — Не думаете же вы, что он во всеуслышание признает себя наркобароном?

— Полагаю, мы получили затребованное подтверждение, — повернулась Кали к своему партнеру.

Гендель помедлил несколько долгих секунд, прежде чем кивнуть:

— Мне все равно не нравится эта затея. Ладно, летим к ретранслятору массы.

Грейсон поморщился, услышав приказные нотки, — в конце концов, это был его корабль. Но все-таки ему оставалось только подчиниться и направить судно на заранее просчитанный курс.

— У тебя усталый вид, — сказала Кали, обращаясь к начальнику службы безопасности. — Тебе стоит прилечь. Я пригляжу за Джиллиан.

«И за мной тоже», — мысленно продолжил за ней Грейсон. Впрочем, он все равно не собирался пока что-либо предпринимать. Проще было дожидаться прибытия на Омегу и позволить Пэлу позаботиться обо всем остальном.

Как только их корабль прыгнул вперед, превратившись для стороннего наблюдателя в пылающий сгусток энергии, вырвавшийся из ретранслятора массы, агент не смог сдержать улыбки при мысли о том, насколько удачно все складывается. При этом Кали улыбнулась ему в ответ, даже не подозревая, о чем на самом деле думает их пилот.

Лемм наблюдал в бинокль за безликим зданием склада. Он разглядывал его уже несколько часов, лежа на крыше высокого четырехэтажного строения в соседнем квартале. До сих пор ему не удалось заметить ничего необычного, хотя, конечно, окна склада были сделаны из тонированного стекла, не позволявшего заглянуть внутрь.

— Я не вижу никакой охраны, — проворчал он.

— И все же они там, — заверил Гоуло. — Хорошо вооруженные. Пэл не доверяет тем, кто не принадлежит к его расе.

Лемм решил не спрашивать, с чего это завязтому ксенофобу вести дела на Омеге, — как ни крути, а жадность способна победить любые предрассудки.

Склад, как и все окружавшие его здания, представлял собой приземистую квадратную конструкцию и имел в высоту только два этажа.

— Если удастся незаметно подкрасться, я смогу взобраться по стене и проникнуть внутрь через одно из окон, — произнес молодой кварианин, словно размышляя вслух.

— Улица просматривается камерами наблюдения, — предупредил Гоуло. — Легче подобраться сверху.

Подумав над этими словами, Лемм понял, что его спутник прав. С занятой им позиции можно было перепрыгнуть на трехэтажное здание: разница в высоте была не такой уж и

большой. А учитывая застройку района, он вполне мог проделать весь остальной путь до склада, перепрыгивая с одной крыши на другую.

— Неплохая мысль, — признал Лемм.

Ему не нравился Гоуло; тот оставался в его глазах просто презренным предателем. И тем не менее нельзя было отрицать, что изгой оказался удивительно полезен, помогая Лемму продумать план проникновения на склад. Юноша был уже почти готов начать доверять ему; почти... но не совсем.

При этом Гоуло проявлял удивительное рвение. Он даже сумел где-то раздобыть план внутренних помещений склада: безумное переплетение петляющих коридоров и причудливым образом размещенные лестницы, казалось, создавались специально, чтобы сбить с толку любого посетителя. Но какой бы сложной ни была планировка здания, Лемм быстро выучил ее наизусть.

Если по-простому, то фронтальная половина строения была разделена на два этажа. На нижнем располагались офисные помещения и бараки. Второй этаж отводился под малые хранилища. А всю заднюю половину здания занимал огромный ангар, способный вместить сотни ящиков, а с ними и несколько грузовиков.

Неожиданно молодой кварианин увидел, что дверь ангара поднялась, выпуская два вездехода, направлявшиеся к близлежащему космодрому. Лемм даже не попытался спрятаться: его, лежащего на крыше в нескольких сотнях ярдов от склада, просто не могли заметить.

— Куда это они?

— Быть может, им прислали какой-то товар? — предположил Гоуло.

Лемм быстро прикинул, не будут ли выше его шансы, если попытаться проникнуть внутрь здания и осмотреться там прежде, чем люди вернутся. Гоуло утверждал, что на Пэла работают пять мужчин и три женщины, — значит, всего девять человек. Трудно было сказать, скольких из них уносили сейчас вездеходы, но в любом случае количество охранников сократилось. И если, как подозревал Лемм, экипаж «Циниада» удерживается в качестве пленников, это была лучшая возможность их освободить.

— Я отправляюсь.

— Не глупи! — прошипел Гоуло, хватая его за плечо и снова прижимая к крыше. — Не среди же белого дня! Тебя сразу заметят!

— Скорее всего, там осталось только два или три человека. По мне, так это лучше, чем девять на одного.

— Но машины могут вернуться в любой момент, — напомнил изгой. — И тогда, кроме численного перевеса, на их стороне будет еще и неожиданность.

Лемм задумался. Его внутреннее чутье призывало действовать прямо сейчас, хотя слова второго кварианина и были весьма логичны.

— Придерживайся изначального плана. Идти туда надо ночью. Так у тебя окажется больше времени на подготовку. К тому же будет темно и некоторые из них лягут спать.

Вздыхнув, Лемм заставил себя успокоиться и вернулся к наблюдению. Его раздражала необходимость проводить время в бездействии, но Гоуло был прав. Следовало проявить терпение.

Машины вернулись менее чем через полчаса, и тяжелая стальная дверь ангара скрыла их от посторонних глаз.

— Что ж, полагаю, ничего нового мы уже не увидим, — сказал Гоуло. — Пойдем. Тебе надо отдохнуть перед ночной вылазкой. Можешь поспать у меня.

Заметив, что юный кварианин явно колеблется, он добавил:

— Понимаю. Ты все еще не доверяешь мне. Ну так можешь положить ружье под подушку, чтобы было спокойнее.

Грейсон заводил челнок на посадку по плавной, пологой траектории. Сенсоры его корабля обнаружили пару машин, припарковавшихся у стены, что отделяла космодром от

основной станции. Скорее всего, они принадлежали Пэлу и его людям.

Челнок едва заметно подпрыгнул, коснувшись посадочной полосы, и остановился. Грейсон отключил все системы управления, заглушил двигатели и вышел из кокпита к уже ожидавшим спутникам.

Гендель и Кали стояли по обе стороны от Джиллиан возле воздушного шлюза. Девочка сменила больничную робу на один из своих старых свитеров и столь же старые брюки, обнаружившиеся в трюме корабля. Она изрядно подросла с того момента, как надевала эти вещи в последний раз, — рукава заканчивались в районе локтей, а штанины на несколько дюймов не доходили до лодыжек. На ногах у нее по-прежнему были больничные тапочки.

Джиллиан улыбнулась при виде отца, и Грейсон приблизился, намеренно вклиниваясь между ней и начальником службы безопасности, заставив того заскрежетать зубами.

— Говорить буду я, — предупредил агент, заходя в шлюз.

Люк захлопнулся за их спинами, и беглецы ощутили легкий сквозняк — системы челнока выравнивали давление между внутренним помещением и окружающей средой. Наконец внешние двери распахнулись на крытую посадочную площадку, надежно защищенную от космического вакуума.

Грейсон и Джиллиан сошли с корабля первыми. За ними последовали Кали и Гендель. Они медленно сошли по трапу, впервые ступив на поверхность Омеги, где их уже ожидали Пэл и еще пять незнакомых Грейсону человек: трое мужчин и две женщины; и каждый был вооружен и носил броню. Но, несмотря на устрашающий вид, все они казались расслабленными и излучали миролюбие. Некоторые даже улыбались.

— Как дела, Убийца? — произнес огромный наемник, подходя ближе.

— Убийца? — услышал Грейсон бормотание Генделя, но решил не обращать внимания и направился навстречу Пэлу, чтобы обменяться рукопожатием.

— Это все? — спросил тот, обнажая в усмешке зубы. С радостью приняв ладонь бывшего напарника, он едва не переломал ему все пальцы. — На корабле никого не осталось? Можем ехать?

— Да, нас только четверо, — подтвердил Грейсон и слегка поморщился, высвобождая руку и отходя на шаг назад. — Позволь представить тебе...

Не успели эти слова слететь с его языка, как Пэл и остальные наемники одновременно вскинули оружие, беря прибывших на прицел. Их лица приобрели крайне враждебное выражение, расслабленность движений исчезла бесследно, и теперь солдаты «Цербера» производили впечатление опасных и жестоких людей.

Грейсон выругался себе под нос; он же говорил Пэлу действовать как можно мягче, чтобы не напугать Джиллиан. Он даже собирался уже сделать наемнику замечание, когда осознал, что винтовка в руках одной из женщин смотрит прямо на него.

— Ты что творишь, Пэл?

— Сохраняйте спокойствие, и никто не пострадает, — предупредил его бывший напарник, прежде чем повернуться к одному из своих бойцов. — Рослый мужчина и девчонка. Оба биотики. Их в первую очередь.

Тот, с кем он говорил, убрал оружие и извлек нечто казавшееся многозарядной машинкой для подкожных инъекций. Пэл направился к Генделю, всей своей манерой двигаться выдавая многолетние военные тренировки.

— Протяни руку вперед, — приказал он.

В ответ Гендель прожег его взглядом.

— Протяни руку, или я пристрелю эту бабу, — пригрозил огромный наемник, нацеливая пистолет в лицо Кали.

Гендель нехотя повиновался, протягивая руку ладонью кверху.

Приблизившийся к нему мужчина чуть отогнул вниз кончики его пальцев и прижал машинку к запястью. Раздался щелчок спускаемой пружины, и офицер едва слышно ойкнул, когда его кожу пробила игла, впрыскивая в вены неизвестный препарат. Не прошло и секунды, как начальник службы безопасности застонал и, теряя сознание, начал валиться на

землю.

— Гендель! — закричала Кали, подхватывая своего товарища и не давая ему удариться головой.

Женщина зашаталась под его весом и вместе с ним упала под ноги человеку с инъекционной машинкой. Тот наклонился и прижал аппарат к шее доктора Сандерс. Снова щелкнула пружинка, и Кали безвольно распласталась на земле.

— Папа? — позвала Джиллиан, и голос ее задрожал. Глаза ребенка округлились от страха и непонимания.

— Девчонку! — рявкнул Пэл. — Живо!

— Прошу, не надо, — умоляюще произнес Грейсон, но бывший напарник даже не посмотрел в его сторону.

Женщина, державшая Убийцу на прицеле, покачала головой, предупреждая не дергаться. Боец Пэла схватил Джиллиан за запястье и грубо потянул на себя. Лицо девочки исказилось, будто от невыносимой боли, и она испустила протяжный вой. Не обращая на это ни малейшего внимания, наемник вколол и ей дозу быстродействующего наркотика. Вопль Джиллиан неожиданно оборвался, и она безвольно упала на руки своего мучителя.

Тот небрежно, но ловко уложил ее на землю и повернулся к последнему из беглецов.

— Он хоть сказал почему? — спросил Грейсон, спокойно наблюдая за тем, как наемник поднимает машинку и прикладывает к его шее.

— Мы больше не подчиняемся Невидимке, — ответил Пэл.

Прозвучал уже знакомый щелчок, и не успел Грейсон спросить, что же значат эти слова, как мир перед его глазами начал растворяться.

Он не мог точно сказать, сколько времени прошло до момента его пробуждения, но по ощущениям — не меньше нескольких часов. И едва он очнулся, ему до боли захотелось сразу же «припудрить ноздри», но жажда эта была следствием скорее психологической зависимости, нежели физической. Красный песок достаточно быстро выводился из организма; синдром ломки начинал спадать уже через двенадцать-шестнадцать часов.

Грейсон мог только порадоваться этому факту, поскольку пришел в себя, лежа на полу в некоторой подобии тюремного карцера. Дверь в дальней стене, скорее всего, была заперта, а помещение освещалось единственной светодиодной лампой под потолком. Здесь не было абсолютно никакой мебели, вообще ничего, если не считать, конечно, крошечной камеры наблюдения в углу.

Заставив себя принять сидячее положение, Грейсон несколько минут смотрел по сторонам все еще мутным взглядом, прежде чем понял, что находится здесь не один. Кали полулежала у стены, прислонившись к ней спиной.

— Похоже, ваш приятель все-таки собирается сдать нас «Церберу», — произнесла женщина.

Реплика на секунду смутила его, но потом Грейсон сообразил, что доктор Сандерс не могла слышать их последнего разговора с Пэлом. Она думала, что тот — простой наркоторговец, и понятия не имела, на кого на самом деле работает ее нынешний собеседник.

— Вряд ли он работает на «Цербер», — сказал Грейсон, решив, что некоторая доля откровенности вряд ли повредит. — Вы не знаете, что случилось с Джиллиан?

Женщина покачала головой:

— Я не видела ни ее, ни Генделя.

Грейсон пожевал губу, сосредоточенно размышляя.

— Пэлу известно, что они биотики, — пробормотал он. — Должно быть, решил подстраховаться и держит их отдельно. Вполне возможно, что им не дадут прийти в себя, пока...

Тут Убийца замолчал, внезапно поняв, что не может даже предположить, какую судьбу им уготовил его бывший товарищ.

— Дверь уже проверяли? — спросил Грейсон.

— Они отключили управляющий блок. Открыть ее можно только снаружи. — Кали поменяла позу, закинув ногу на ногу и пытаясь устроиться поудобнее на жестком полу. — Есть какие-нибудь предложения, как нам выбраться?

В ответ Грейсон смог только покачать головой. Сказать тут было нечего, и они так и сидели в молчании добрых десять минут, пока их не напугал громкий скрежет открывающейся двери.

В камеру вошел Пэл, сопровождаемый двумя вооруженными телохранителями. Он поставил посреди комнаты маленький деревянный стульчик и опустился на него. Охранники встали по обе стороны открытого прохода.

— Полагаю, — произнес наемник, — мне все-таки следует объясниться.

— Где моя дочь? — гневно спросил Грейсон, не желая выслушивать никаких оправданий.

— Не волнуйся, она в безопасности. Мы не собираемся причинять ей вред. Слишком уж она ценна. Как, кстати, и твой приятель, — взглянул Пэл на Кали.

— Сколько «Цербер» тебе заплатил? — спросила та.

Пэл расхохотался, и Грейсон почувствовал, как его сердце проваливается в пятки.

— О да, «Цербер» отлично платит за работу, — признал великан. — Верно ведь, Убийца?

Доктор Сандерс посмотрела на отца Джиллиан, но тот старался не встречаться с ней взглядом.

— Так, значит, Гендель был прав, — произнесла женщина, и в ее голосе прозвучала не столько злость, сколько безысходность и тяжесть обрушившейся на нее неприглядной правды. — Вы с Джиро действовали заодно. Как кто-то мог так поступить с собственной дочерью?

Грейсону даже в голову не пришло оправдываться тем, что он не был настоящим отцом Джиллиан. Их не связывали узы родства, но зато он воспитывал ее с младенчества, заботился о ней долгих десять лет, воспитывая и защищая до тех пор, пока девочку не пришлось отдать в проект «Восхождение». Для него в целом мире не было никого и ничего важнее ее. Грейсон и в самом деле стал относиться к ней как к собственной дочери... а иначе все было бы куда проще.

— Этого не должно было произойти, — тихо произнес он. — Джиллиан — особенная. Мы лишь пытались помочь ей развить биотические способности. Желали, чтобы она достигла пика своих возможностей.

— Согласись, это мало чем отличается от того, чем вы занимались в проекте «Восхождение», — усмехнулся Пэл, разглядывая Кали.

— Но мы никогда не подвергали опасности жизни своих учеников! — крикнула в ответ доктор, давая волю своему гневу. — Ничто не может оправдать подобного риска!

— А что, если бы это спасло десятки, тысячи других жизней? — все так же тихо спросил Грейсон. — Что, если твой ребенок может стать спасителем всего человечества? Это оправдывает риск? Как по-вашему?

— Иными словами, — все так же ухмыляясь, добавил Пэл, — нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц.

— Но это не яйца! — заорала Кали. — Это — дети!

— Невозможно спасти всех, — повторил Грейсон слова Невидимки, хотя и глядя при этом в пол. — Выживание человечества требует жертв, принесенных ради общего блага. Альянс не понимает этого, в отличие от «Цербера».

— Так, значит, мы для вас, — презрительно бросила Кали, — просто фигуры, которыми можно пожертвовать?

— Ближе к тому, — все столь же жизнерадостно откликнулся Пэл. — Но, понимаешь, «Цербер» хорошо платит, только вот Собиратели — еще лучше.

— Мне казалось, это только миф, — прошептала Кали, явно рассчитывая услышать,

что ее разыгрывают.

— О, они вполне реальны. И предлагают весьма кругленькую сумму за здоровых людей-биотиков. Благодаря девчонке и твоему приятелю остаток своих дней мы проживем как короли.

— Но зачем они понадобились Собирателям? — спросила доктор Сандерс.

— Если честно, я не особо стремлюсь портить себе настроение выяснением неприятных подробностей. Еще кошмары сниться начнут. Вот Убийца знает, чем это заканчивается, верно?

— Ты предал наше дело! Предал всю человеческую расу.

— Ого, похоже, «Цербер» крепко подцепил тебя на крючок, — засмеялся Пэл. — Знаешь, будь все их люди настолько же самоотверженны, у Невидимки, глядишь, что-нибудь бы и вышло. Вот только такова уж природа человеческая — всегда стремиться занять первое место. Жаль, ты так и не сумел этого понять.

— А что будет с нами? — спросила Кали.

— Ну, мы надеемся, что Собиратели выплатят за тебя небольшую премию. Ведь ты, моя сладенькая, в некотором роде эксперт в области биотики. Что же касается моего старого приятеля, его мы отдадим за так. Мне не хотелось бы, чтобы «Цербер» слишком скоро узнал о том, что здесь произошло.

— Невидимка будет отстреливать вас, словно бешеных собак, — прорычал Грейсон.

— Учитывая, сколько нам заплатят, — Пэл поднялся со стула, — я готов рискнуть.

Затем наемник кивнул в сторону Кали:

— Бросьте ее к остальным. Боюсь, если оставим этих двоих вместе, она выцарапает ему глаза.

Один из охранников шагнул к Сандерс и легко вздернул ее с пола, чтобы потом вытолкать из камеры.

Пэл вышел последним, держа в руке стул, но на секунду остановился, прежде чем захлопнуть за собой дверь:

— Ничего личного, Убийца, — сказал он, как всегда оставляя за собой последнее слово.

ГЛАВА 16

Вместе с охранником, конвоирующим Кали, Пэл прошел по коридору и открыл перед ними еще одну дверь. Женщина судорожно вздохнула, увидев лежащие на полу две неподвижные фигуры.

— Расслабься, сахарная, — подмигнул Пэл. — Они просто спят.

Охранник втолкнул ее внутрь и захлопнул дверь прежде, чем доктор успела хоть что-нибудь сказать.

— Не спускайте с них глаз, — предупредил Пэл двух своих людей, следивших за мониторами, демонстрировавшими все происходившее в камере. — Если кто-нибудь из биотиков хотя бы шелохнется во сне, вы должны тут же обеспечить его свежей порцией сладких грез. Мы не можем позволить себе рисковать.

Те кивнули, показывая, что все поняли, и Пэл оставил их, направившись в спальню, расположенную на нижнем этаже. Для этого требовалось вначале пройти безумным лабиринтом внутренних коридоров и лестниц. К себе в комнату наемник мог попасть, только спустившись ниже, миновав несколько петляющих проходов, затем поднявшись на небольшой карниз, выходящий на гараж, и, наконец, воспользовавшись еще одной лестницей, чтобы оказаться в просторном помещении, переоборудованном под общую спальню.

— Недавно звонил Гоуло, — доложила Шела, его неофициальный заместитель, как только Пэл добрался до места.

Она сидела на краю койки, стягивая сапоги и готовясь забраться под одеяло. Если не

считать двух человек, оставленных сторожить пленников, и еще одного, патрулировавшего гараж, все остальные члены команды уже спали.

— У него появилось что-то новое касательно Собирателей?

Женщина покачала головой:

— Когда я спросила его об этом, он ответил только, что они появятся тогда, когда будут готовы. И попросил проявить терпение.

Пэл присел и устало вздохнул:

— Тогда что ему понадобилось?

— Он хотел предупредить нас. Говорит, завтра ночью к нам попытается пролезть другой кварианин. Гоуло рассказал нам об этой затее во всех подробностях.

Командир наемников удивленно вскинул брови. Чертов чужак, конечно, был труслив, подл и думал только о своей выгоде, но при этом оказался удивительно полезен.

— Хорошо. Но об этом мы успеем позаботиться и завтра.

— А что делать с тем, в подвале? — поинтересовалась Шела.

Появление Грейсона заставило Пэла совершенно забыть о кварианском пилоте, которого они захватили на «Циниаде». Им наконец удалось выдавить из него некоторую долю необходимой информации, но лидер наемников сомневался, что сумеет узнать от своего пленника хоть что-то еще. Пытки и лихорадка, охватившая чужака после того, как Гоуло проломил его шлем, превратили пилота в слабоумное, постоянно что-то бормочущее существо. Конечно, люди Пэла полностью порвали с «Цербером» и у них не было ни малейшей нужды возиться с этой тварью, но Шела захотела продемонстрировать своему командиру и товарищу новые методы допроса.

— От него теперь никакой пользы. Утром пристрелим, — сказал Пэл.

— Он выглядел весьма скверно, когда я видела его в последний раз, — заметила женщина. — Сомневаюсь, что он протянет до утра.

— Хочешь сделать ставку?

— Двадцать кредитов, что парень не увидит рассвет.

— Принято.

Пэл уже собрался откинуться на подушку, когда по зданию прокатился грохот ружейных выстрелов. Звуки доносились со второго этажа.

Лемм был молод, но далеко не глуп. И вовсе не собирался доверять Гоуло свою жизнь. Так что, едва тот уснул, юный кварианин выскользнул из дома и вернулся на крышу в районе, контролируемом Когтями. Лемм понимал: существует весьма серьезная вероятность того, что Гоуло куда более тесно связан с людьми, чем признает, а значит, чужаки могли устроить засаду. И проще всего было избежать этого, появившись на день раньше. Если изгой говорил правду, разница была невелика. Зато если он успел предупредить людей, то те должны были ожидать нападения только завтра.

Кварианин бежал, перепрыгивая с крыши на крышу, направляясь к приземистому двухэтажному зданию, и в его крови играл адреналин. По счастью, свободное пространство было на Омеге великой ценностью, так что дома здесь в крайнем случае разделяло пятнадцать или двадцать футов. Даже в полной нагрузке и с рюкзаком за спиной Лемму вряд ли грозило погибнуть, сорвавшись. Куда выше был риск наткнуться на местных обитателей, вышедших на крышу своего дома подышать ночным воздухом и передохнуть от вечной вони улиц. Подобная встреча наверняка закончилась бы перестрелкой.

Но ему повезло, и вскоре юноша беспрепятственно перескочил с трехэтажного здания на крышу склада, приземлившись в перекате, чтобы приглушить звук падения с десятифутовой высоты.

Поднявшись на ноги, Лемм огляделся, настороженно прислушиваясь, чтобы понять, не засекли ли его. Но все было тихо, поэтому кварианин подошел к краю крыши и посмотрел на одно из больших окон второго этажа.

Зеркальное стекло не позволяло ничего разглядеть, но юношу и не интересовало то, что

находилось внутри, — во всяком случае, сейчас. Он снял с пояса омни-инструмент и включил его в режиме фонаря. Узкий луч света позволял обнаружить крошечные инфракрасные датчики, установленные на оконной раме. Поиграв настройками прибора, Лемм сумел засечь сигнал беспроводной охранной сети и отключить сигнализацию.

Снаружи на окне не было никаких ручек, а значит, проход предстояло создавать самостоятельно. Кварианин скинул рюкзак с плеч и опустил его на крышу, чтобы достать резак. Лазерный луч с едва слышимым шипением легко проплавил стекло. Лемм ограничился небольшим отверстием, как раз достаточным, чтобы просунуть туда крошечную видеокамеру, закрепленную на жесткой проволоке. Изображение с камеры подавалось на омни-инструмент, позволяя юноше заглянуть внутрь склада. Окно, как выяснилось, вело в коридор, по обе стороны которого тянулись двери малых хранилищ. В дальнем конце стоял небольшой столик, за которым перекидывались в карты два вооруженных охранника, изредка поглядывавших на стойку с мониторами наблюдения.

Увеличив изображение, Лемм смог и сам взглянуть на экраны. Всего их было шесть: четыре показывали пустые комнаты, на пятом можно было видеть одинокую фигуру, сгорбившуюся в углу, а на последнем — сразу три: две лежали на полу, а еще одна сидела между ними.

Лемм торопливо убрал камеру; было очевидно, что наемники переоборудовали складские помещения в некое подобие тюремных камер. И поскольку на Омеге не существовало не только полиции, но и законов, то объяснение могло быть лишь одно: работорговля. И молодой кварианин был уверен, что знает, кто сейчас томится здесь в плену.

Взбешенный самой мыслью о том, что его сородичи заперты в клетках подобно животным, Лемм спрятал видеокамеру, забросил на плечи рюкзак и снял ружье с предохранителя, после чего повис на краю крыши, спускаясь на узкий оконный карниз.

На сей раз он не стал возиться с резак, а просто всем телом подался вперед, надеясь на то, что прочная ткань комбинезона защитит его от осколков стекла.

Лемм влетел в коридор, перекатился по полу и вскочил, открывая огонь. Охранники оказались совершенно не готовы к этому нападению и не смогли вовремя отреагировать. Кинетические щиты уберегли их от первых двух выстрелов, дав время вскочить на ноги. Но кварианин и в третий, и в четвертый раз нажал на спусковой крючок, прикончив обоих чужаков прежде, чем те успели схватиться за оружие. Уже мертвые тела людей отлетели назад, опрокинув стол и обрушив на пол мониторы.

Понимая, что действовать надо быстро, Лемм бросился к дверям. Четыре из них стояли открытыми и вели в пустые помещения. Он ударил кулаком по пульта управления возле ближайшей запертой камеры, молясь о том, чтобы замок не требовал секретного кода. К великому облегчению юноши, дверь скользнула в сторону, открыв его взгляду комнату с тремя узниками. И только тогда Лемм понял, что совершил ужасную ошибку.

Среди пленников не оказалось ни одного кварианина... Все они были людьми! Мужчина и две женщины. Точнее, подсказала память, мужчина, девочка и взрослая женщина. Последняя при его появлении вскочила на ноги, но двое других не двигались. К удивлению Лемма, она показалась ему знакомой.

— Кали Сандерс?

Женщина поспешно кивнула:

— Да. А ты кто?

— Сейчас не время, — отозвался кварианин, воскрешая в памяти план здания. — Через минуту к ним прибудет подкрепление. Уходим.

— Я не могу бросить остальных, — кивнула Кали в сторону лежащих на полу людей.

Девочка оказалась достаточно мала, чтобы ее можно было унести на себе, но вот мужчина выглядел куда массивнее и Лемма, и женщины. Кварианин подбежал к нему, припал на колено и быстро провел омни-инструментом.

— Думаю, я смогу его разбудить, — сказал кварианин. — Забери оружие у охранников и выпусти своего товарища из второй камеры.

— Забудь про него. — Голос женщины сочился ядом. — Он один из них.

Как только Кали скрылась в коридоре, Лемм извлек из рюкзака шприц со стимулятором и ввел его мужчине. К тому времени, как доктор Сандерс вернулась, неся на себе две штурмовые винтовки, тот уже постанывал, пытаясь подняться.

— Помоги поставить его на ноги.

Кали положила оружие и подбежала ближе. Вместе они смогли помочь великану подняться с пола. К радости Лемма, мужчина даже оказался в состоянии стоять без посторонней помощи.

— Как его зовут?

— Гендель.

— Гендель! — закричал кварианин, пытаясь пробиться сквозь наркотический туман, окутавший сознание человека. — Меня зовут Лемм! Мы собираемся вытащить вас отсюда! Вы понимаете?

Рослый мужчина кивнул, хотя и зашатался при этом. Лемм понял, что девочка, даже если ее и удастся разбудить, ходить сможет не раньше чем минут через двадцать.

— Будет быстрее, если я просто понесу ребенка на себе, — сказал он.

Дождавшись кивка Сандерс, кварианин поправил рюкзак, присел и взвалил девочку на левое плечо, словно мешок с мукой. Маленький человек оказался тяжелее, чем выглядел, и молодому путешественнику пришлось признать, что даже с рюкзаком в качестве противовеса и свободной правой рукой он не сможет одновременно тащить свою ношу и успешно отстреливаться.

— Скажи, тебя научили в Альянсе тому, как управляться вот с этим? — спросил он у Кали, поворачиваясь к лежавшим на полу винтовкам.

Женщина кивнула и наклонилась, чтобы подобрать оружие.

— Откуда ты знаешь, что я служила в Альянсе?

— Позже, — ответил он. — Надо уходить.

Кали протянула одну из винтовок Генделю, но та выскользнула из его рук и с лязгом ударилась об пол.

— Бесполезно, — сказал Лемм. — В таком состоянии этот человек не смог бы и в дом с двух шагов попасть. За мной! — добавил кварианин, надеясь, что одурманенный наркотиками мужчина отреагирует на его крик.

Лемм повел спасенных им людей по петляющим коридорам, понимая, что их единственный шанс выбраться отсюда — угнать одну из машин, припаркованных в ангаре. К сожалению, враги, скорее всего, тоже понимали это.

Приблизившись к лестнице, ведущей на первый этаж, кварианин оглянулся. Гендель хромал следом, во многом благодаря Кали, которая разве что не волокла его на себе. Они с трудом спустились по ступеням, миновали небольшой карниз и оказались в ангаре. Повсюду в полном беспорядке громоздились контейнеры и ящики всех мастей и размеров — идеальное укрытие для засевших в засаде охранников.

— Туда, — прошептала Кали, указывая на груды металлических ящиков в углу возле дальней стены. — Вы втроем бегите туда, а я прикрою вас огнем.

Лемм кивнул и сорвался с места, стараясь перемещаться настолько быстро, насколько позволяла его ноша. В какой-то момент он хотел оглянуться и проверить, что Гендель следует за ним, но его внимание отвлекло неожиданное движение в противоположной стороне зала.

Из-за пирамиды коробок выскочила женщина, вскидывая на ходу оружие. Лемм вдруг с ужасом понял, что если его самого спасут кинетические щиты, то девочке и Генделю рассчитывать не на что. Впрочем, им повезло, и прежде чем наемница успела выстрелить, Кали окатила ее градом пуль, заставив снова нырнуть в укрытие.

Краем глаза Лемм заметил мужчину, наполовину высунувшегося из-за ящика справа. Этот человек был вооружен пистолетом и находился менее чем в дюжине футов от беглецов, но сосредоточил огонь не на Генделе или девочке, а на кварианине. Тот ответил парой

неприцельных выстрелов, прогремевших гулками раскатами грома в похожем на пещеру ангаре.

На таком незначительном расстоянии меткость практически не играла никакой роли, к тому же оружие что у наемника, что у кварианина было снабжено системами автоматического наведения. Кинетические щиты Лемма смогли отразить все пули, выпущенные вражеским пистолетом, если не считать той, что бессильно скользнула по бронированному наплечнику, и другой — проделавшей дырку в рюкзаке. Противнику же юноши повезло меньше. Два плотных облака шрапнели подавили его щиты и прорвались к цели, содрав плоть с не прикрытых броней лица и рук. Наемник безжизненно рухнул на пол.

Скользнув в безопасное укрытие позади контейнеров, Лемм поспешил скинуть рюкзак и осторожно уложил девочку рядом, а затем припал на колени, приготовившись прикрывать Кали. Увидев это, женщина помчалась через ангар, низко пригнув голову.

Дробовик не слишком годился, чтобы вести огонь на подавление. В отличие от штурмовой винтовки, он не мог стрелять практически бесконечными очередями. Но Лемм запомнил то место, где спряталась наемница. Окажись она достаточно глупой, чтобы вновь выскочить, не сменив позиции, кварианин быстро бы с ней покончил.

К счастью, именно так она и поступила, а Лемм нажал на спусковой крючок в ту же секунду, как наемница показалась из-за ящиков. По ангару вновь прокатилось эхо ружейного выстрела, и коробка, за которой стояла женщина, разлетелась на куски. Щиты спасли жизнь наемницы, рассеяв облако картечи, и она вновь спряталась.

Лемм очень сомневался, что она повторит свою ошибку и рискнет высунуться в том же месте в третий раз.

Рядом остановилась Кали, пытаясь отдышаться. Почти в то же мгновение в ту же дверь, через которую беглецы прошли минуту назад, вбежали еще двое наемников: мужчина и женщина. Объединенная мощь дробовика и штурмовой винтовки заставила их заметаться в поисках укрытия.

— Они попытаются зайти с другой стороны, — предупредил Лемм, вспомнив, что в ангар ведут еще два входа, если не считать подвесных мостков и главных дверей, — чтобы атаковать нас со спины.

— Думаешь, мы можем захватить вездеход? — спросила Кали, разглядывая машины, стоящие посреди просторного помещения.

— Спрятаться будет негде. Мне придется идти в обход. Сможешь здесь продержаться?

— Какое-то время — да. Как думаешь, много их там?

— Насколько мне известно, вначале их было девять. Двоих я прикончил наверху, еще одного — здесь.

— Итого шестеро против двоих, — проворчала Кали. — Если не захватить машину, шансов у нас немного.

Тут что-то забормотал Гендель, но ни доктор, ни кварианин не смогли разобрать ни слова. Начальник службы безопасности явно начинал приходить в себя, но в его крови по-прежнему шла битва между снотворным и стимулятором.

— Ты останешься со мной и Джиллиан, — сказала Кали, хватая его за руку. — И постарайся не высовываться.

Выглянув в узкую щель между ящиками, защищавшими их от вражеского огня, Лемм попытался прикинуть, существует ли возможность добраться до вездехода короткими перебежками от укрытия к укрытию. Это казалось вполне реальным, вот только останавливаться было нельзя ни на минуту. И Кали должна была постоянно оставаться начеку.

Кварианин как раз раздумывал над тем, готова ли освобожденная им женщина к подобной задаче, когда в дверях появился еще один работороговец. Доктор Сандерс срезала его короткой прицельной очередью.

Двое против пятерых.

— Ладно, я готов, — произнес Лемм и сделал глубокий вдох.

— Удачи, — откликнулась Кали.

Она даже не оглянулась на него, не спуская глаз с поля боя. Едва кварианин сорвался с места, она начала стрелять.

Грейсон услышал звуки пальбы, раздавшиеся в коридоре, и теперь ломал голову, кто бы это мог быть. Спустя несколько минут грохот выстрелов раздался снова, и хотя теперь они доносились с куда большего расстояния, пленнику показалось, что бой по-прежнему идет внутри здания.

«Кто-то штурмует базу. Это мой шанс».

Его держали в обычном хранилище, а не в настоящей тюремной камере, и стены ее были сделаны из некоего турианского подобия гипсокартона. Поднявшись, Грейсон подошел к одной из них и изо всех сил ударил ногой.

Будь охранники на месте, они бы тут же увидели все на своих экранах. Но Убийца готов был поспорить, что их внимание сейчас занято совсем другими вещами.

Хватило буквально пары сильных ударов, чтобы проломить перегородку. Грейсон заглянул в проделанное отверстие и увидел точно такую же камеру. Только в отличие от той, где сидел он, она была пуста, а ее дверь приоткрыта.

Грейсон продолжил крушить стену и уже через пять минут сумел создать для себя достаточно широкий лаз. За все это время на производимый им шум никто не прибежал, из чего мужчина сделал вывод, что никого из наемников поблизости нет. Учитывая, что звуки перестрелки все не прекращались, он предположил, что охранники покинули свой пост, чтобы помочь отразить нападение. Но, выйдя в коридор и увидев два трупа, Грейсон понял — он ошибался.

Ему хватило одного взгляда, чтобы все понять. Все остальные камеры стояли открытыми. Джиллиан исчезла. Очевидно, кто-то выпустил их, хотя агент совершенно не представлял, кто бы это мог быть.

«Главное, они оказались достаточно любезны, чтобы оставить мне штурмовую винтовку», — подумал Убийца, подбирая оружие, валявшееся на полу одной из камер.

Грейсон плохо представлял, где сейчас находится, но четко знал, куда хочет попасть: к Джиллиан. Самым логичным в этой ситуации казалось идти на звуки перестрелки. Но уже вскоре он понял, что задача далеко не так проста и что он безнадежно заблудился в безумном лабиринте коридоров.

Лемм метался между контейнерами, постоянно меняя направление движения, то замирая на долю секунды, то вновь неожиданно бросаясь вперед и нигде не задерживаясь слишком долго. Его руки крепко сжимали дробовик, но юноша даже и не помышлял стрелять из него: сейчас важнее всего было прорваться к машине.

Кали делала все возможное, чтобы прикрыть его, но ей противостояло слишком много противников. Единственный раз осмелившись оглянуться, кварианин увидел, что сразу двое работоторговцев стреляют по ней, укрывшись за грудой ящиков, а еще двое — новоприбывшие — залегли на подвесных мостках.

Обе группы четко координировали свои действия, не давая Кали ни секунды передышки. Но доктор Сандерс бесстрашно раз за разом высывалась из укрытия, открывая ответный огонь.

Весьма отважный поступок, если учесть, что на женщине не было брони.

Поскольку доктор отвлекала на себя сразу четверых противников, Лемму оставалось справиться только с одним. К сожалению, он понятия не имел, где тот может прятаться. Всякий раз, выбегая на открытое пространство, кварианин рисковал попасть под смертоносный огонь автоматической винтовки.

«Не думай об этом. Машина. Ты почти уже на месте».

От вездеходов его отделяла лишь одна короткая перебежка; оставалось еще раз метнуться вперед, и все закончится... так или иначе.

Он вылетел из укрытия и со всех ног помчался к машине. И пятый работорговец — женщина — уже поджидала его, засев за ящиком буквально в двадцати футах от того места, где пробегал кварианин. Дождавшись, пока он проскочит мимо, она дала длинную очередь; из-под ног Лемма взметнулось бетонное крошево, и он понял, что противник специально берет низкий прицел — стреляет туда, где защитное поле уязвимее всего.

Вжимая голову в плечи, Лемм продолжал прорываться вперед, поскольку лишь так у него сохранялся хоть какой-то шанс выжить. Он был уже буквально в полушаге от укрытия, когда разрывная пуля пробила его левую голень. При ударе заряд раскололся на множество мелких осколков, превратив в лохмотья мышцы и сухожилия. Закричав от дикой боли, кварианин начал заваливаться и выронил ружье. Набранная инерция позволила сделать еще только пару неуклюжих шагов, но этого как раз хватило, чтобы укрыться от работорговца за стальным бортом вездехода.

Лемм перевернулся на спину, сжимая руками окровавленную плоть чуть ниже колена. Услышав приближающиеся шаги, он вдруг осознал, что его ружье осталось валяться где-то позади.

Через секунду из-за носовой части машины появилась наемница. Она улыбалась, наводя на него оружие. А в следующее мгновение женщину подбросило в воздух.

Лемм удивленно наблюдал за тем, как она прочерчивает в полете высокую дугу и врежется в стену. Упав, его противница неподвижно замерла, ее шея была выгнута под неестественным углом.

— В машину! Живо!

Только услышав этот крик Генделя, кварианин понял, что произошло: спасенный им мужчина оказался биотиком.

Насколько было известно Лемму, должно было пройти от тридцати до сорока секунд, прежде чем Гендель вновь сможет воспользоваться своими способностями...

А вот времени у них как раз и не было. Стискивая зубы и стараясь не потерять сознание, кварианин облокотился на бампер машины и начал подниматься. Встав на здоровую ногу, он открыл дверь водительской кабины и заполз внутрь. Превозмогая боль, он еще полминуты потратил на то, чтобы взломать пароль к пульту управления и запустить мотор.

Вездеход был лишен лобового стекла; эта машина скорее напоминала бронетранспортер, и информацию об окружающей обстановке можно было получить лишь благодаря навигационному экрану. Органические существа, замеченные инфракрасными и ультрафиолетовыми сенсорами, отображались на нем в виде небольших светящихся кругов, что позволило кварианину увидеть расположение как друзей, так и врагов.

С одной стороны, на вездеходе не было установлено никакого оружия. С другой — в распоряжении Лемма оказались четыре тонны пуленепробиваемой стали. Машина с визгом сорвалась с места, оставляя на бетоне черные полосы паленой резины. Кварианин заложил резкий поворот, сражаясь с управлением.

Он врезался в пирамиду тяжелых металлических ящиков, разметав их по сторонам. Затем Лемм вдавил в пол педаль газа и вновь налег на руль, не обращая внимания на боль в ударившейся о дверь искалеченной ноге. Он спешил к Кали и остальным.

Попутно молодой кварианин проехал прямо по ящикам, служившим укрытием еще для двух противников, намотав работорговцев на колеса. Мгновение спустя машина затормозила буквально в нескольких дюймах от бежавшего навстречу Генделя.

Лемм распахнул двери, и биотик забрался на заднее сиденье, бережно сжимая все еще не пришедшую в себя девочку. Кали вела перестрелку с двумя последними наемниками, засевшими на подвесных мостках. Внутри вездехода звенело стаккато барабанивших по броне пуль.

— Они заряжают ракетницу! — закричала Кали, забрасывая в машину сумку Лемма. — Вытаскивай нас отсюда!

— Возьми руль, — процедил кварианин сквозь стиснутые зубы, начиная неуклюже

перебираться на пассажирское сиденье.

Женщина взглянула на его изувеченную ногу и довольно грубо сдвинула Лемма в сторону, принимая управление. Юноша закричал от боли.

— Прости! — сказала доктор Сандерс, захлопывая дверь и включая задний ход.

Она до отказа вдавила педаль, и машина рванулась назад. На навигационном дисплее возникла стремительно приближающаяся точка: по ним выпустили ракету. Лемм уже приготовился встретить смерть, но Кали резко вывернула руль вправо, с точностью до секунды рассчитав время.

Вместо того чтобы уничтожить вездеход, снаряд зарылся в бетон. Раздался оглушительный грохот, и машина содрогнулась от ударной волны. Колеса с ближайшей к взрыву стороны на мгновение зависли в воздухе, а затем вновь коснулись земли.

Каким-то чудом Кали удалось сохранить управление, и изображение на навигационном экране начало все стремительнее изменяться — они набирали скорость. Лемм с ужасом осознал, что доктор собирается протаранить тяжелую железную дверь ангара.

— Держитесь! — предупредила Кали. — Будет больно!

Они врзались в дверь с такой силой, что одна из ее створок практически полностью вылетела из направляющих, а задняя часть бронированного вездехода смялась от удара. Всех, кто сидел в кабине, вжало в кресла, когда машина резко остановилась.

Лемм вновь зашелся криком и чуть не потерял сознание. Он посмотрел на Кали и увидел, что она безвольно обмякла в кресле, оглушенная ударом.

— Кали! — закричал кварианин. — Надо уезжать!

Его голос сумел вернуть ее к жизни. Доктор распрямилась и потрясла головой, а затем вновь вжала в пол педаль газа. Машина рванула с места, все так же двигаясь задним ходом, и еще раз врзалась в дверь ангара. Мотор нутужно ревел, пока вездеход пытался проложить себе путь сквозь прогнутый металлический занавес.

— Давай же, мать твою! — выругалась доктор. — Покажи, на что способен!

Дверь сминалась и выгибалась под неустанным натиском вездехода, от всех шести колес которого уже поднимался дым. Но вырваться из ангара все равно не позволяла, превращая беглецов в неподвижную мишень, только и ждущую следующего, неминуемого выстрела ракетницы.

«Этого просто НЕ МОЖЕТ быть!»

Одна и та же мысль раз за разом крутилась в голове Пэла с той самой секунды, как он услышал первые выстрелы. Он кричал своим людям, чтобы те выпрыгивали из постелей и бежали к ангару, отрезая противнику путь к отступлению. Вместе с Шелой — единственной, кто не успел уснуть, — они грохотали сапогами по лестнице, сжимая в руках оружие. Добравшись до камер, Пэл обнаружил, что оба охранника мертвы, а биотики бежали.

Тогда он и сам устремился к ангару и занял позицию на подвесных мостках, возвышавшихся над залом, откуда увидел укрывшуюся за ящиками Кали. На площадке стояла почти собранная ракетная установка — совсем недавняя обнова в их системе обороны. Он подумывал сразу же ею и воспользоваться, но потом отказался от этой затеи. Ему все же хотелось взять живым хотя бы одного биотика, чтобы продать Собирателям. Со своего места Пэл наблюдал за тем, как его люди гибнут один за другим от пуль Кали, от сверхспособностей Генделя и колес одного из их же собственных вездеходов.

— Этого не может быть, — вновь пробормотал наемник. — Заставь установку работать! — закричал он Шеле. — Уничтожь эту машину!

Пока она возилась с оборудованием, сам Пэл продолжал обстреливать беглецов, пытаясь не позволить им забраться в вездеход. Но все оказалось тщетно, и вскоре все они скрылись под защитой брони. Теперь остановить их можно было только одним способом — не предполагавшим выживания кого бы то ни было из пленников.

— Заряжено и нацелено! — крикнула Шела в тот самый миг, когда вездеход покотился задним ходом.

— Так стреляй, черт возьми!

Ракета устремилась к машине, но та в последнюю секунду успела вильнуть в сторону, и снаряд лишь попортил пол ангара. Вездеход продолжал набирать скорость, пока с оглушительным звоном не врезался в прочный стальной занавес, преграждавший выезд из склада. Дверь прогнулась, но устояла.

— Прикончи их! — закричал Пэл, и Шела вновь нацелила установку, готовясь ко второму — и последнему — выстрелу.

Грейсон уже добрых десять минут беспомощно петлял по незнакомым коридорам.

«Похоже, злоупотребление красным песком окончательно угробило мое чувство направления», — подумал он.

Только две вещи не давали ему остановиться: звуки стрельбы явно становились ближе, а тот, кто освободил остальных, увел с собой и Джиллиан.

В отчаянии он уже начал подумывать о том, чтобы проложить себе путь прямо сквозь еще одну стену, когда до него донесся оглушительный грохот. Звук был такой, словно взорвалась граната или ракета. За ним последовал чудовищный металлический лязг, и раздался он совсем близко. Стараясь двигаться быстро, но тихо, Грейсон свернул за угол и вышел на подвесные мостки над огромным, поднимавшимся на два этажа ангаром.

Под собой он увидел беспорядочно разбросанные ящики и контейнеры, среди которых лежало несколько тел. А у дальней стены стоял вездеход, явно только что пытавшийся протаранить железную дверь. На самих же мостках, повернувшись спинами к Грейсону, стояли Пэл и еще какая-то незнакомая женщина. Наемница держала на плече ракетницу.

Машина, завывая двигателями, пыталась выдавить дверь. Учитывая обстоятельства, Грейсон был готов побиться об заклад, что внутри вездехода находится Джиллиан.

— Прикончи их! — закричал Пэл, и наемница начала прицеливаться.

Грейсон дал очередь из своей винтовки, не испытывая никаких моральных терзаний оттого, что нападает на женщину и со спины. Поток пуль подавил ее щиты, изрешетил броню и превратил плоть от лопаток и до поясницы в кровавый фарш. Наемница выронила ракетницу и рухнула на ограждение мостков. Вторая очередь подтолкнула ее и сбросила вниз.

Пэл уже разворачивался, пытаясь вскинуть собственную винтовку, когда Грейсон снова нажал на спусковой крючок. Он сосредоточил огонь на правой руке бывшего напарника и практически отрезал ее в районе плеча. Оружие Пэла упало и, прокатившись под заграждением, полетело вниз.

Огромный наемник упал на колени, ошалелым взглядом наблюдая за струей артериальной крови, вырывающейся из искаленной руки. Он собирался было что-то сказать, но еще одна очередь, выпущенная Убийцей, заставила его замолчать навсегда. Впервые за почти двадцать лет последнее слово осталось не за Пэлом.

Отвратительный скрежет рвущегося металла, донесшийся с другого конца зала, привлек внимание Грейсона. Оглянувшись, он увидел, что вездеходу все-таки удалось отогнуть один из краев стального занавеса. Молча и неподвижно агент «Цербера» наблюдал за тем, как машина протискивается в узкий проем, словно младенец, выползающий из чрева матери.

Еще целую минуту после этого Грейсон сохранял неподвижность, настороженно прислушиваясь к окружающим звукам, чтобы понять, нет ли других выживших. Но слышал он только затихающий вдали гул двигателей растворявшегося в ночи вездехода.

ГЛАВА 17

Сидя в кабине, Кали прислушивалась к скрежету, с которым бронированный вездеход выползал из ангара на темные улицы Омеги. Все еще двигаясь задним ходом, они проехали половину квартала, и только тогда доктор притормозила и заставила машину сделать

разворот в пятьсот сорок градусов. Теперь они ехали в том же направлении, что и раньше, но уже носом вперед.

Им удалось вырваться со склада, но полностью успешным их побег мог считаться только после того, как они покинут Омегу.

— У тебя есть корабль? — спросила Кали, обращаясь к кварианину на пассажирском сиденье.

— Едем к космодрому, — ответил тот. — В соседнем квартале. Третий поворот налево, затем направо.

Хотя Кали и не могла видеть под маской лица чужака, но голос его звучал устало и глухо. Она позволила себе на секунду отвлечься от навигационного экрана, чтобы бросить взгляд на поврежденную ногу своего спасителя. Рана была скверной, но жизни вроде бы не угрожала.

— Гендель, — окликнула она своего товарища, сидевшего позади, — проверь, нет ли у них аптечки.

— Медигель... в моем... рюкзаке, — простонал кварианин, задыхаясь от боли.

Кали не осмеливалась останавливаться, чтобы заняться ранами чужака, но, к счастью, Гендель тоже обладал базовыми познаниями в области полевой медицины. Перевязка раненой ноги, даже с учетом того, что вездеход постоянно подпрыгивал на ухабах, не должна была создать для него особых проблем.

Следуя указаниям кварианина, доктор свернула в узкий проезд между двумя зданиями, и машина выкатилась к краю взлетно-посадочного поля. На навигационном экране высветились сразу три силуэта небольших космических челноков, стоявших у дальнего края космодрома.

— Ну и какой из них твой? — спросила Кали.

— Тот, что тебе больше нравится.

В голосе кварианина снова появилась сила. Гендель уже успел обработать его раны и закрыть их стерильными бинтами, постаравшись как можно надежнее оградить чужака от контакта с внешней средой, — меди-гель обладал одновременно обезболивающим, заживляющим и дезинфицирующим свойствами.

Кали притормозила в дюжине футов от ближайшего воздушного шлюза, выпрыгнула наружу и повернулась, чтобы помочь выбраться раненому кварианину. Тот подполз к двери, оперся на плечо доктора и осторожно встал на здоровую ногу. Спустя несколько секунд из машины вышел Гендель, одной рукой волоча так и не пришедшую в себя Джиллиан, а в другой неся рюкзак Лемма.

— Будь я проклят, — пробормотал начальник службы безопасности, глядя через иллюминатор станции на стоявший перед ними корабль. Кали тоже с трудом сдержала улыбку, когда поняла, что они собираются угнать челнок Грейсона.

Кварианин приступил к взлому систем безопасности. Прошло не больше минуты, как замки щелкнули и с корабля с тихим шипением гидравлики выдвинулись сходни.

Поднявшись на борт, Гендель усадил Джиллиан в одно из пассажирских кресел. Затем он опустил спинку сиденья, придавая девочке лежачее положение, и пристегнул ее. Тем временем Кали помогла Лемму допрыгать до кабины пилота.

— Сможешь вести эту штуку? — спросила доктор.

Кварианин изучил панель управления и кивнул:

— Думаю, да. Система вполне стандартная.

Он опустился в кресло и коснулся панели скрытой под перчаткой трехпалой рукой. Ее вид напомнил Кали, что хотя издавна представители этой расы и были весьма похожи на людей, но под их глухими шлемами и гермокомбинезонами все-таки скрывались совершенно чуждые существа. И все же этот чужак рисковал своей жизнью, спасая людей.

— Спасибо, — сказала доктор Сандерс. — Мы бы погибли, если бы не ты.

Лемм никак не отреагировал на ее благодарность, а только спросил:

— Почему вас держали в плену?

— Нас хотели продать Собирателям.

Кварианин вздрогнул, но комментировать эти слова не стал.

— Непохоже, чтобы нас преследовали, — произнес он минуту спустя.

— «Цербер» нас просто так не отпустит, — предупредил Гендель, заходя в кокпит.

— Они работали не на «Цербер», — объяснила Кали, вспоминая, что ее друг не мог слышать их разговор с Грейсоном. — Уже нет. Полагаю, они решили, что заработают больше на вольных хлебах.

Только сейчас до нее дошло, что Гендель даже не поинтересовался, почему они бросили Грейсона.

«Должно быть, он ненавидит его куда сильнее, чем мне казалось», — подумала доктор. Впрочем, учитывая, как все обернулось, она не могла винить друга.

— Ты оказался прав насчет Грейсона, — сказала Кали. — Он был агентом «Цербера». Скорее всего, все это время они с Джиро были заодно.

Челнок слегка вздрогнул, и пассажиры услышали тихий гул включившихся двигателей.

Известие о подлинной сути Грейсона, казалось, совершенно не удивило Генделя. К его чести, начальник службы безопасности не сказал ничего вроде «Ну я же тебе говорил?». Вместо этого он спросил:

— Ты его убила?

— Насколько мне известно, он все еще жив, — признала Кали. — Его тоже держали в камере, как и нас. Во всяком случае, так было, когда я видела его в последний раз.

— Если его отдадут Собирателям, он и сам будет не рад, что ты его не пристрелила, — встрял в разговор Лемм.

Кали даже и не задумывалась над этим, но мысль явно понравилась Генделю, поскольку его губы скривились в усмешке.

Кварианин закончил последние предстартовые проверки и включил турбины, заставляя челнок оторваться от палубы.

— Куда летим? — спросил Лемм.

«Хороший вопрос», — подумала Кали.

— По сути, ничего не изменилось, — выразил их общую тревогу Гендель. — «Цербер» и в самом деле пытается заполучить Джиллиан, и мы не можем рисковать и связываться с Альянсом. Пусть Грейсон и его бывшие дружки и сошли со сцены, но у этой организации хватает людей. И не важно, куда мы направимся, рано или поздно нас найдут.

— Значит, нам остается только постоянно перелетать с места на место, — сказала Кали. — Всегда на шаг опережать погоню.

— Это может плохо сказаться на Джиллиан, — предупредил Гендель.

— Выбора все равно нет. И наши познания исчерпываются тем, что у них есть свои люди на каждой планете, в колонии или на космической станции в этой галактике.

— А я знаю одно место, где «Цербер» вас не достанет, — вступил в диалог Лемм, разворачиваясь в кресле. — Кочующий Флот.

Когда все стихло, Грейсон обшарил здание склада сверху донизу. Вначале он подумывал воспользоваться вторым вездеходом и попытаться догнать Джиллиан, но вскоре понял, что пока разберется в управлении, его дочь будет уже далеко. Если он собирался вернуть ее, действовать предстояло рассудительно и спокойно.

Обследовав ангар, он нашел только несколько трупов, включая тело той женщины, которую сам прикончил выстрелом в спину. От пуль погибли еще двое, столько же раздавил вездеход, а вторая женщина со свернутой шеей лежала у стены. На взгляд Грейсона, этого не мог сделать никто, кроме биотика, и, скорее всего, это было делом рук Генделя, но не Джиллиан.

Также на полу валялся дробовик. Изготовили его, видимо, туриане, но при этом оружие носило следы многочисленных хитроумных доработок, свидетельствовавших, что оно побывало в руках квариан.

Зная цену подобным вещам, Грейсон подобрал дробовик и отправился исследовать остальную базу. Он несколько раз чуть не заблудился в причудливых переплетениях коридоров, но вскоре сумел найти путь к помещению, переоборудованному наемниками в казармы.

Всего там стояло двенадцать кроватей, но использовались явно только девять из них. Семеро предателей погибли в ангаре, а если прибавить к ним еще двоих, лежавших в коридоре возле камер, становилось понятно, почему Грейсон так ни с кем и не встретился за все время своего блуждания по зданию. И раз все обитатели здания оказались мертвы, можно было немного расслабиться.

Происходи это на какой-нибудь другой базе или планете, Грейсону следовало бы опасаться полиции, обязательно появившейся бы на месте побоища. Но на Омеге силы правопорядка отсутствовали, а звуки выстрелов и грохот взрывов разве что заставляли местных обитателей вспомнить, что у них есть дела совсем в другой стороне. Конечно, со временем кто-нибудь обязательно решил бы узнать, что здесь произошло, — и, скорее всего, этот кто-нибудь оказался бы владельцем территории, арендованной Пэлом. Но Грейсон сомневался, что это случится раньше чем через пару дней.

От казарм отходил небольшой коридор, ведущий к офисным помещениям, где наемники разместили свои архивы и командный пункт. Покопавшись в стоявших там компьютерах и столах, Грейсон нашел несколько документов, связанных с первоначальным заданием Пэла. Все они, конечно же, были зашифрованы, но наемники не стали утруждать себя и воспользовались стандартным протоколом кодирования, использовавшимся в «Цербере».

Как выяснилось, эту группу отправили на Омегу, чтобы найти способ проникнуть на борт одного из кварианских кораблей.

К сожалению, отчеты были неполными. В них упоминалось о том, что предателям удалось захватить судно, называемое «Циниад», и пленить одного из членов экипажа, которого они собирались допросить. Но результаты нигде не были отражены. По всей видимости, Пэл перестал вести документацию, как только его банда связалась с загадочными Собирателями. Он не был настолько глуп, чтобы оставить хоть какие-то доказательства того, что собирается предать Невидимку.

Но упоминание о кварианском судне и пленнике-чужаке вместе с найденным ружьем позволяло догадаться, кто же помог сбежать остальным. Должно быть, за пленным явился спасательный отряд, который по каким-то своим причинам решил заодно помочь Джиллиан, Кали и Генделю вырваться на свободу.

Убедившись, что ничего нового из записей он не узнает, агент продолжил тщательно и неторопливо искать какие бы то ни было улики. В другом кабинете, расположенном, по его оценке, практически в центре здания, Грейсон обнаружил в полу небольшой люк. Конструкция оказалась удивительно примитивной: вместо того чтобы автоматически сдвигаться в сторону, крышка крепилась на металлических петлях и запиралась на обычный шпингалет.

Грейсон нацелил на люк свое новоприобретенное ружье и носом ботинка осторожно сдвинул засов в сторону. Подождав несколько секунд и убедившись, что все тихо, мужчина наклонился и откинул крышку, готовясь пристрелить любого, кто попытается выскочить.

В подвале было темно. Вереница ветхих деревянных ступеней уходила в непроницаемую черноту. Грейсон включил фонарь, закрепленный на стволе ружья, и, когда ослепительный луч света разорвал мрак, начал медленно спускаться.

Оказавшись внизу, он быстро повел стволом вокруг, поочередно осветив каждый темный угол.

Помещение было квадратным в сечении, со стороной примерно в двадцать футов. Стены оказались выложены кирпичом, но пол был бетонным. Если не считать одинокой неподвижной фигуры в углу, подвал был абсолютно пуст.

Наведя на распластавшееся на полу тело луч фонаря — а вместе с ним и ствол

ружья, — Грейсон приблизился. И только когда расстояние сократилось буквально до пары шагов, мужчина понял, на что именно он смотрит. Ему удалось найти пленного кварианина.

Неторопливо обведя узника лучом, агент увидел, что чужак связан по рукам и ногам, да еще к тому же раздет донага. Конечно, Грейсону прежде не доводилось наблюдать, чтобы квариане снимали с себя гермокостюмы, но он крайне сомневался, что лежащий перед ним представитель этой расы пребывает в нормальном для них состоянии. Лицо чужака превратилось в сплошное месиво из кровоподтеков, ссадин, порезов и ожогов — явное свидетельство того, что пленника пытали. Кто-то выбил ему все зубы и раздробил скулу. Вторая щека кварианина была вспорота ото рта до некоего нароста, который вполне мог заменять этим существам уши. Один глаз чужака полностью заплыл, а на другом были удалены и верхнее, и нижнее веко, а оставшиеся от них узкие полоски плоти вынуждали предположить, что их рвали при помощи щипцов. Грейсона передернуло от омерзения, когда он вспомнил, насколько любил Пэл применять именно эту пытку: помимо чудовищной боли, испытываемой жертвой во время истязания, искалеченный глаз постепенно начинал слепнуть от пересыхания.

Не в лучшем виде пребывало и остальное тело. Чужаку переломали пальцы и на руках, и на ногах, а некоторые еще и вывернули из суставов. Каждый дюйм обнаженной кожи носил следы избиений, порезов, ожогов и оставленных кислотой язв. Но внимание Грейсона привлекло нечто необычное: в ранах узника пенилось и расплзалось по коже нечто вроде серой ваты. У агента ушло несколько секунд на то, чтобы понять ее происхождение, — это разрастался какой-то грибок. Кварианин не только побывал в руках садистов, но еще и подцепил неведомое заболевание.

Грейсон отошел от тела, борясь с тошнотой. И тут, к его удивлению, кварианин испуганно всхлипнул, реагируя на звук.

«Боже Иисусе, этот засранец еще жив!»

Больше того, чужак пытался говорить, раз за разом дрожащим хриплым голосом произнося одну и ту же фразу:

— Частота 43223... тело мое улетает к звездам, душа же никогда не покинет Флот... Частота 43223... тело мое улетает к звездам, душа же никогда не покинет Флот...

Он произносил это снова и снова. Его голос то возвышался, то вновь срывался на испуганный щебет. Осторожно, стараясь не коснуться пораженной грибком плоти, Грейсон присел рядом.

— Все хорошо, — сказал он, стараясь успокоить бредящего узника. — Все уже кончилось.

Но его слова, казалось, произвели совершенно противоположный эффект, поскольку кварианин испуганно заметался в своих оковах. Он испустил истошный вопль отчаяния, после чего зашелся в кашле. С его губ и из разорванной щеки брызнул дурно пахнущий черный иxor, и Грейсон отпрыгнул назад, чтобы капли не попали ему на одежду.

Кашель сменился серией судорожных влажных хрипов, а потом кварианин затих. Из всех сил стараясь не обращать внимания на повисшую в воздухе вонь, исходившую от чужака, Грейсон вновь приблизился, чтобы убедиться, что тот и в самом деле перестал дышать.

Агент оставил труп валяться в черноте подвала, а сам поднялся по ступеням на первый этаж. Заперев люк на засов, он обшарил офисы в поисках любых ценных вещей, какие только мог унести на себе. Уже через пятнадцать минут он ехал по незнакомым улицам Омеги на втором вездеходе. Багажник был полон припасов, а на коленях Грейсона покоилось трофейное ружье.

Он старался сосредоточиться на настоящей задаче и не обращать внимания на поселившийся в его голове тихий шепот, умолявший о дозе «пыли». Сейчас надо было добраться до ближайшего пункта связи и отправить Невидимке полный отчет о последних событиях.

Пусть Пэл и отвернулся от «Цербера», но Грейсон был по-прежнему верен делу

организации, к тому же он понимал, что только с ее помощью сможет отыскать Джиллиан.

ГЛАВА 18

С того момента, как Кали и ее спутники бежали со склада на Омеге, прошло уже шесть часов. За это время Лемм успел подключиться к сети и установить текущее местоположение домашних кораблей квариан. Сейчас Кочующий Флот проходил через контролируемую волюсами систему на краю Пространства Совета. В новостных сводках мелькала информация, что несколько местных дипломатов отправили в Цитадель петицию с требованием ускорить депортацию чужаков.

Кали крайне сомневалась, что обращение политиков произведет хоть сколько-нибудь заметный эффект. Цитадель до сих пор не оправилась от последствий столкновения с армией Сэрена. Сейчас все усилия направлялись на подавление последних, разбросанных по всей галактике очагов сопротивления гетов. Это стало главной целью объединенной армии, возглавляемой Альянсом и человечеством. К тому же, как догадывалась Кали, изгнав гетов обратно за пределы Вуали Персея, галактическое сообщество первым делом принялось бы восстанавливать Совет, что тоже дело не быстрое и связанное с серьезными политическими процессами. Последнее, о чем сейчас думали в Цитадели, так это о Кочующем Флоте.

К тому же, насколько помнила Кали, даже во времена стабильности и мира, установившиеся задолго до появления человечества на межзвездной арене, подавляющее большинство народов галактики рассматривало квариан как крайне малозначительную неприятность — конечно, до тех пор, пока те не появлялись в одной из их систем. Проще всего было избавиться от непрошенных гостей, предложив им какие-нибудь ненужные ресурсы: списанные космические корабли, бракованные материалы или запасные части.

Адмиралтейство квариан было легко подкупить подобными подарками, поскольку кочевники и сами понимали, насколько быстро их флотилия превращается в занозу в заднице невольных хозяев. А Кали, хоть и не любила навешивать ярлыки, видела в поведении этого народа банальное попрошайничество, раздутое до космических масштабов.

И вот через каких-то сорок часов она сама должна была примкнуть к Кочующему Флоту. Доктор Сандерс покачала головой, понимая, что, случись события последних дней не с ней, а с кем-нибудь другим, она сама бы не поверила, что такое возможно.

Задав курс на навигационной панели, Лемм отправился в спальный отсек, чтобы отдохнуть во время полета. У Кали было к нему полно вопросов — например, откуда чужак мог ее знать, — но, учитывая все то, что кварианин уже сделал для них, Кали была готова проявить терпение. Прежде чем бомбить юношу вопросами, надо было дать ему отдохнуть хотя бы несколько часов и убедиться, что его раны начали заживать. К тому же у доктора сейчас и без того хватало дел, поскольку проснулась Джиллиан.

Первыми же словами пришедшей в себя девочки были:

— Кушать хочу.

Гендель быстро решил эту проблему, приготовив для ребенка обильный обед из корабельных запасов.

Поскольку курс уже был задан, корабль не нуждался в присутствии пилота. Поэтому все трое — Кали, Джиллиан и Гендель — собрались в пассажирском отсеке, и двое взрослых, усевшись по бокам от девочки, наблюдали за тем, как она поглощает пищу с пластикового подноса, стоящего у нее на коленях.

Джиллиан быстро разделалась с обедом. Как и прежде, в Академии, она сосредоточенно пережевывала еду в каком-то странном, ровном ритме. Но Кали обратила внимание, что девочка больше не чередует лежащие перед ней блюда. Более того, она даже не притронулась к яблочному десерту, пока не съела все остальное.

Закончив, Джиллиан осторожно поставила поднос на соседнее кресло и произнесла вторую фразу с момента своего пробуждения:

— А где папа?

Голос ее по-прежнему был лишен эмоций; он звучал ровно и монотонно, будто его воспроизводил какой-нибудь примитивный синтезатор речи, изготовленный еще в двадцатом веке.

На этот вопрос ответить было непросто. К счастью, доктор и Гендель успели обсудить стоящую перед ними проблему, пока девочка еще не очнулась от наркотического сна.

— У него возникли кое-какие дела, — солгала Кали, понимая, что истина может оказаться слишком тяжелой для ее воспитанницы. — Он постарается нас догнать, но пока здесь только ты, я и Гендель.

— А как он нас найдет, если мы забрали его корабль?

— Он сядет на другой, — заверила доктор Сандерс.

Джиллиан посмотрела на нее, чуть щуря глаза, словно ощутила какую-то фальшь и пыталась докопаться до истины. Наконец по прошествии нескольких секунд она кивнула, принимая сложившуюся ситуацию.

— Мы возвращаемся в школу?

— Еще нет, — сказал Гендель. — Мы собираемся посетить другие корабли. Кварианские. Ты помнишь, мы изучали их историю в прошлом году?

— Они создали гетов, — непринужденно проинформировала девочка.

— Именно, — подтвердила Кали, надеясь, что для Джиллиан это не единственная ассоциация, связанная с племенем их спасителя. — А что еще ты помнишь о них?

— Изгнанные гетами из родной системы почти три века тому назад, квариане в основном живут в Кочующем Флоте, состоящем примерно из пятидесяти тысяч кораблей, чьи размеры варьируются от пассажирских яхт до подвижных космических баз, — ответила Джиллиан, и Кали поняла, что та только что дословно процитировала целый абзац из электронного учебника по истории. — Служащая домом для семнадцати миллионов квариан, флотилия постоянно испытывает суровую нехватку ресурсов, — продолжала девочка. — По этой причине каждый представитель их народа, достигая определенного возраста, обязан пройти через ритуал взросления, известный нам под названием Паломничество. В это время они покидают Флот и возвращаются, лишь найдя что-либо ценное для...

— Спасибо, Джиллиан. Этого достаточно, — мягко остановил ее Гендель, чтобы она не процитировала разом всю главу.

— А как мы попадем на их корабль?

Кали не была уверена, что Джиллиан сумела запомнить то, насколько негостеприимно их встретили на Омеге, поэтому ее ответ был достаточно уклончивым:

— Пока ты спала, мы познакомились с одним кварианином. Его зовут Лемм. И он согласился помочь нам спрятаться от плохих людей.

— От «Цербера», — кивнула девочка, и взрослые нервно переглянулись, не слишком понимая, когда она успела услышать это слово.

— Все верно, — подтвердил Гендель спустя мгновение. — Они хотели причинить тебе боль, но мы этого не допустим.

Джиллиан нахмурилась и прикусила губку. В течение нескольких долгих секунд она сохраняла молчание, прежде чем озвучить тот самый вопрос, который волновал Кали:

— Почему Лемм нам помогает?

На это ответить не мог никто.

— Думаю, об этом мы спросим, когда он проснется, — наконец призналась доктор Сандерс.

Долго ждать не пришлось. Менее чем через полчаса в коридоре раздались медленные шаркающие шаги Лемма. Его травмированная нога была закрыта герметичным и жестким медицинским сапогом, защищавшим и поддерживавшим все, от кончиков пальцев до коленного сустава. При этом ни шлема, ни комбинезона кварианин, конечно же, не снимал; Кали догадывалась, что эти существа вообще не раздеваются, пока не вернутся в родную флотилию.

— Лемм, — сказала доктор, когда их спаситель вошел в пассажирский отсек и

остановился в дверях, — познакомься с Джиллиан. Джиллиан, это Лемм.

Кварианин шагнул вперед и едва заметно поклонился, протягивая ладонь в общем для обоих видов приветственном жесте. К изумлению Кали, девочка ответила ему рукопожатием.

— Приятно познакомиться, — сказала она.

— Взаимно. Рад, что ты пришла в себя, — произнес Лемм, выпуская ее ладошку и осторожно опускаясь в соседнее кресло, напротив Кали и Генделя.

— Почему ты нам помогаешь? — спросила Джиллиан.

Доктор Сандерс поморщилась. Они не успели предупредить чужака о болезни ребенка, и тот мог счесть ее отсутствие такта оскорбительным. Но, к счастью, кварианин воспринял ее слова с юмором.

— Не любишь откладывать дела в долгий ящик, да? — послышался из-под шлема смех.

— Я — аутист, — ответила Джиллиан лишенным эмоций голосом.

Трудно было сказать, знаком ли Лемм с этим определением, впрочем, он все-таки оказался достаточно умен, чтобы уловить общую суть, и смех оборвался. Но прежде чем кварианин успел хоть что-то сказать, Джиллиан повторила свой вопрос:

— Почему ты нам помогаешь?

— Признаться, это несколько пробуждает и мое любопытство, — добавил Гендель, откидываясь на спинку кресла и закидывая ногу на ногу.

— Я сейчас в Паломничестве, — начал рассказывать кварианин. — На планете Кену к я встретил двух сородичей из экипажа «Бавеи», разведывательного корабля, приписанного к крейсеру «Иденна». Они рассказали мне, что еще одно такое же малое судно, «Циниад», отправилось к Омеге для заключения какой-то сделки, но так и не вернулось. Вот я и отправился сюда, — продолжал он, — на поиски в надежде спасти пропавший экипаж или хотя бы выяснить постигшую их судьбу. На Омеге мне довелось познакомиться еще с одним кварианином. Его звали Гоуло. И именно от него я узнал, что «Циниад» связывался с той группой людей. Вот я и пролез на склад, собираясь вытащить своих, но вместо этого нашел вас.

— Но зачем рисковать, чтобы помочь чужакам? — спросил Гендель.

— У меня были основания подозревать, что вас удерживала банда работоторговцев. А ни одно разумное существо не заслуживает того, чтобы его продавали и обращались с ним как со скотом. Ваше спасение стало моим моральным долгом.

Несмотря на явную искренность молодого кварианина, Кали была уверена, что тот рассказал далеко не все.

— Но ты узнал меня, — напомнила она. — Тебе даже известно мое имя.

— О, имя Кали Сандерс в последние месяцы часто звучит в коридорах наших кораблей, — поведал Лемм. — А твой облик мне известен по старой фотографии, найденной в Экстранете. За восемнадцать лет ты практически не изменилась.

Наконец-то кусочки мозаики в сознании Кали начали складываться в целостную картину. Как раз восемнадцать лет тому назад она была вовлечена в проводимый Альянсом нелегальный проект по изучению искусственного интеллекта. Возглавлял исследования человек по имени Шу Киан. Но ученый оказался предателем, и Кали пришлось спасаться бегством. Тогда она и познакомилась с капитаном Андерсоном, а заодно и с турианским Спектром — Сэреном Артериусом.

— Это из-за моей связи с Сэреном, — сказала она, надеясь, что все дело только в этом.

— Из-за нее... а еще из-за его связи с гетами, — кивнул Лемм. — Восстание гетов стало самым значительным событием в истории моего народа. Из-за них мы отправились в изгнание... из-за армии машин — безжалостных, неутомимых, не способных на переговоры. И все же, — продолжал кварианин, — Сэрэн каким-то образом сумел возглавить их и отправить в крестовый поход против Цитадели. Ему удалось заставить гетов повиноваться. Он знал, как управлять ими, как подчинить их своей воле. Так что удивительного в том, что нас настолько интересует и он сам, и все те, кто хоть как-то был с ним связан?

— Кали, — Гендель неожиданно распрямился и напряг мускулы, — к чему это он ведет?

— В те времена, когда я еще служила в Альянсе, Сэрэн был Спектром, расследовавшим деятельность моего института.

Прежде она делилась этими воспоминаниями только с Андерсоном и не испытывала особого желания что-то менять сейчас.

— Но откуда это знать кварианам? — требовательным тоном спросила Кали, повышая голос. Направление, которое принимал разговор, начинало ее пугать. А это, в свою очередь, пробуждало в ней гнев. — Данная информация была засекречена.

— Любые сведения можно получить, если предложить подходящую цену, — напомнил Лемм. Маска не позволяла увидеть выражение его лица, но голос был спокоен. — Как я уже говорил, у нас имеются все основания не любить гетов. Так что когда мы узнали, что Сэрэн стал их вожаком, мы принялись собирать о нем всю возможную информацию: личное дело, послужной список и так далее. И когда были получены сведения, что этот турианин контактировал с человеком, работавшим над нелегальным проектом по изучению искусственного интеллекта, мы, что вполне естественно, решили изучить и его досье тоже.

— Нелегальный искин? — пробормотал Гендель, покачивая головой так, словно не мог поверить собственным ушам.

— Я порвала с этим очень давно, — сказала Кали, обращаясь к кварианину.

— Но капитан «Иденны» был бы счастлив поговорить с тобой.

— Ничем не могу помочь, — отрезала доктор Сандерс. — Я не имею ничего общего ни с Сэреном, ни с гетами.

— Полагаю, ты можешь знать куда больше, чем тебе кажется, — ответил Лемм.

— Звучит так, будто у нас нет права выбора, — мрачняя, произнес Гендель.

— Вы ни в коем случае не мои пленники, — заверил кварианин. — Кочующий Флот встретит вас как почетных гостей. Но если вы откажетесь от нашего приглашения, я готов хоть сейчас задать новый курс. Доставлю туда, куда пожелаете. Однако, — признал он, — если вы отправитесь со мной, вполне вероятно, что вас уже не отпустят. Мой народ очень осторожен, когда речь заходит о безопасности кораблей.

Бывший начальник службы безопасности оглянулся на Кали:

— Тебе решать. Ты же у нас сегодня звезда.

— Буду ли я права, если предположу, что на этом твое Паломничество завершится? — спросила доктор. — Мы станем твоим подарком капитану.

Кварианин кивнул, но ничего не сказал.

— А если мы откажемся, то ты не сможешь вернуться?

— Мне просто придется продолжить свое путешествие, чтобы найти нечто действительно ценное для моего народа. Но принуждать вас я не стану. Приношение не может быть добыто за счет насилия или причинения кому бы то ни было страданий... к какой бы расе он ни принадлежал.

— Хорошо, — произнесла Кали, немного подумав. — Я поговорю с капитаном. В конце концов, мы обязаны тебе жизнями, а ты просишь не так уж и много. К тому же, — добавила она, — у вас нам, скорее всего, будет безопаснее.

Сорок часов спустя их сверхсветовое путешествие завершилось менее чем в пятистах тысячах километров от Кочующего Флота. Лемм вновь занял кресло пилота, а Кали села рядом. Гендель же, как обычно, стоял, подпирая дверную раму на входе в пассажирский отсек. Но в этот раз к ним в тесную кабину забралась и Джиллиан, вставшая сразу за креслом кварианина.

Похоже, Лемм понравился девочке. Она то ходила за ним повсюду, то просто разглядывала, когда он присаживался отдохнуть или ложился спать. Первой разговора она никогда не начинала, зато тут же откликалась на любой его вопрос. Подобное поведение было для нее необычным, но остальных настолько воодушевила эта перемена, что ни Кали,

ни Гендель даже и не пытались ей помешать, когда Джиллиан решила присоединиться к их компании.

Кочующий Флот, состоящий из многих и многих тысяч кораблей, идущих плотным строем, на навигационном дисплее выглядел сплошным красным пятном.

Лемм включил обычные ускорители и направил челнок к армаде квариан.

Когда расстояние сократилось до ста пятидесяти тысяч километров, от основного скопления отделились несколько малых кораблей и направились на перехват.

— Патрули обязательно проверяют любое судно, приближающееся к Флоту, — сообщил Лемм. — Они хорошо вооружены и откроют огонь по любому, кто откажется представиться или не подчинится требованию повернуть назад.

Если учесть все то, что было известно Кали о социуме квариан, подобное поведение было вполне оправданно. В глубине Кочующего Флота плыли три неимоверно огромных Корабля Жизни — гигантские космические фермы, служившие основным источником пищи для семнадцати миллионов обитателей флотилии. Гибель или хотя бы серьезные повреждения любой из этих машин стали бы катастрофой, грозящей голодной смертью нескольким миллионам квариан.

Лемм поспешил принять сигнал, поступавший от стремительно приближавшегося патруля, нажав на одну из кнопок панели управления. Минуту спустя в динамиках раздался голос, говоривший на кварианском, но крошечный автоматический переводчик, выглядевший будто драгоценный камень, встроенный в ожерелье Кали, преобразовал все сказанное в слова ее родного языка.

— Вы входите в запретную зону. Идентифицируйте себя.

— На связи Лемм'Шал нар-Теслея. Прошу разрешения присоединиться к Флоту.

— Подтвердите свою личность.

Лемм уже успел объяснить своим спутникам, что квариане, покинувшие Кочующий Флот, достаточно часто возвращаются на новых кораблях и что единственным способом установить личность того, кто находится на борту, является использование особого вербального шифра. Прежде чем позволить ему улететь, капитан «Теслеи», родного корабля Лемма, заставил его запомнить две фразы. Одна из них должна была предупредить Флот в критической ситуации, например, если кто-то попытается проникнуть к ним, взяв пилота в плен. Вторая использовалась только в том случае, если все было чисто, и позволяла спокойно миновать патруль и присоединиться к плотному скоплению боевых кораблей, яхт и крейсеров.

— В поисках знаний народ свой покинул, но, мудрость постигши, назад возвращаюсь.

На несколько долгих мгновений воцарилось молчание. Патруль запрашивал подтверждения у «Теслеи», идущей сейчас где-то в глубине общего построения. Кали вдруг поняла, что у нее вспотели ладони, а во рту пересохло. Она тяжело сглотнула и затаила дыхание. Яхта Грейсона была быстрой и предназначалась для дальних путешествий, но на ней не было ни оружия, ни защитной системы «Страж», ни даже сколько-нибудь серьезной брони. Если бы Лемм вместо нормального пароля подал сигнал тревоги или еще что-нибудь пошло не так, патруль в доли секунды разнес бы их на куски.

— «Теслея» рада твоему возвращению домой, Лемм, — пришел ответ, и Кали испустила протяжный вздох облегчения.

— Передайте, что мне и самому приятно вернуться, — ответил молодой кварианин, а после добавил: — Мне надо связаться с «Идейной».

На некоторое время вновь воцарилась тишина, но Кали больше не испытывала того невыносимого напряжения.

— Высылаем координаты и код частоты для переговоров с «Идейной», — наконец передал патруль.

Лемм подтвердил получение данных и прервал разговор. Челнок продолжил сближаться с флотилией, и огромное красное пятно на навигационном дисплее распалось на бесчисленное множество красных точек, настолько близко жавшихся друг к другу, что

доктор Сандере поневоле задумалась: как же кораблям квариан удастся избежать столкновений?

Но действия их кварианского пилота были уверенными и четкими, когда яхта нырнула в общую толчею и медленно полетела по направлению к «Иденне». Еще минут двадцать спустя он вновь включил переговорное устройство и отправил сигнал вызова.

— Лемм'Шал нар-Теслея запрашивает разрешения пристыковаться к «Иденне».

— Говорит «Идейна». Ваша просьба удовлетворена. Направляйтесь к третьему стыковочному отсеку.

Трехпалые руки кварианина заплесали над панелью управления, внося необходимые изменения в курс полета. Спустя две минуты пассажиры ощутили легкий толчок, когда стыковочные зажимы обхватили челнок, а после послышался металлический лязг — универсальные воздушные шлюзы двух звездолетов соединились.

— Запрашиваю группу безопасности и карантинную бригаду, — сказал Лемм. — Пусть не забудут гермокостюмы. Корабль нестерилен.

— Вас поняли. Высылаем.

Об этом кварианин тоже предупреждал заранее. Осмотр карантинной бригадой являлся обязательным условием включения нового судна в состав флотилии. Нельзя было допустить, чтобы на крейсер попали бактерии, вирусы или еще какие-нибудь неприятные сюрпризы, оставленные прежними владельцами.

Просьба же о том, чтобы твой корабль досмотрела охрана, была простым знаком вежливости при первой встрече. Демонстрацией того, что тебе нечего скрывать. Как правило, отряд службы безопасности просто поднимался на борт, обменивался с пилотом приветствиями и даже не помышлял о каком бы то ни было обыске.

Но на сей раз ситуация была далеко не обычной. За все три столетия, проведенных этим народом в изгнании, ни один чужак не ступал на палубу входившего в состав флотилии корабля. Каким бы сильным ни было желание Лемма сразу представить Кали капитану «Идейны», это было попросту не в его власти. То, что люди смогли незамеченными проскользнуть на крейсер, пройдя мимо патрулей, могло и шокировать, и напугать местных обитателей.

Для столь беспрецедентной ситуации не существовало стандартного протокола, но, как уже объяснял Лемм, определенная линия поведения могла снизить до минимума риск как для людей, так и для экипажа «Иденны».

— Пойдем встретим гостей, — произнес молодой кварианин, неуклюже ступая на поврежденную ногу.

Вчетвером они прошли в пассажирский отсек, и люди уселись в кресла. Лемм же направился к шлюзу, чтобы поприветствовать охрану и медиков.

И вновь ожидание показалось Кали невыносимым. Что, если Лемм ошибался насчет того, как другие квариане отреагируют на появление чужаков? Что, если кто-то поддастся панике, увидев людей? Сейчас жизни беглецов оказались в руках того, кто формально не был даже взрослым в глазах своего народа.

«Вообще-то, после всего, что Лемм уже сделал для нас, он заслуживает большего доверия».

С этим безупречно логичным доводом собственного разума Кали поспорить не могла, но это нисколько не притупляло чувства тревоги. Со стороны шлюза донеслись голоса, но с такого расстояния Кали не удалось ничего разобрать. Один из говорящих повышал тон — то ли в гневе, то ли от страха. Спустя некоторое время раздались приближающиеся шаги.

Еще пару секунд спустя в пассажирский отсек вошли четверо вооруженных штурмовыми винтовками квариан — трое мужчин и женщина. Последняя, идущая впереди, чуть не отпрыгнула назад, увидев людей. Смерив их взглядом, она через плечо посмотрела на Лемма.

— Я думала, ты шутишь, — сказала кварианка. — Я и в самом деле полагала, что это только розыгрыш.

— Немыслимо, — пробормотал один из мужчин.

— О чем ты вообще думал? — требовательно спросила женщина, явно выступавшая здесь за главного. — Они могут оказаться шпионами!

— Это не шпионы, — хладнокровно ответил Лемм. — Разве ты не узнаешь ее? Посмотри же.

Трое людей сидели неподвижно и молча, когда кварианка подошла ближе, чтобы внимательно их разглядеть.

— Нет... этого не может быть. Как зовут тебя, человек?

— Кали Сандерс.

Со стороны остального отряда, оставшегося в дверях, донеслись непроизвольные вздохи, и доктору показалось, что она услышала тихий смешок Лемма.

— Я — Айли'Фейа вас-Иденна, — представилась кварианка, склоняя голову в знак почтения. — Для меня честь познакомиться с вами. А это мои сослуживцы: Уго'Кваар вас-Иденна, Эрдра'Зендо вас-Иденна и Сеето'Ходда нар-Иденна.

Кали тоже склонила голову.

— Позвольте тогда представить и моих друзей. Это Гендель Митра и Джиллиан Грейсон. Для нас честь оказаться здесь.

— Я привез Кали, чтобы она могла поговорить с капитаном, — прервал Лемм их обмен любезностями. — Это мой дар «Иденне».

Айли оглянулась на него, но потом вновь повернулась к доктору:

— Прошу простить меня, Кали Сандерс, но я не смогу допустить вас на борт «Иденны». Подобное решение может принять только капитан, и он наверняка захочет прежде собрать гражданский совет.

— И что теперь делать? — спросил Гендель, решив, что все достаточно успокоились, чтобы можно было включиться в диалог. — Нам придется улететь?

— Боюсь, отпустить мы вас также не сможем, — немного подумав, ответила Айли. — Без разрешения капитана. Ваша яхта останется в доке, а вам придется посидеть на борту, пока мы не разрешим сложившуюся ситуацию.

— И как много времени это займет? — спросила Кали.

— Думаю, пару дней, — ответила Айли.

— Но нам кое-что понадобится, — произнес Гендель. — В первую очередь — еда. Человеческая.

— И еще надо раздобыть для них подходящие гермокостюмы, чтобы поговорить с капитаном, когда тот пропустит их на «Иденну», — решил добавить оптимизма Лемм.

— Я посмотрю, что мы можем сделать, — сказала Айли. — На борту нашего крейсера нет запасов некварианской пищи, но мы свяжемся с другими кораблями и постараемся что-нибудь найти.

Она посмотрела на Лемма:

— А тебе придется пройти со мной. Думаю, капитан захочет поговорить с тобой лично. — Айли повернулась к людям спиной. — И запомните, вам запрещено покидать пределы этого судна. Снаружи у люка будет постоянно дежурить Уго или Сеето. Если что-нибудь понадобится, просто обратитесь к ним.

С этими словами все квариане, включая Лемма, покинули людей. Минуту спустя раздался лязг захлопнувшегося внешнего люка «Иденны».

— Хм... — произнес Гендель. — Ну разве так обращаются со знаменитостью?

ГЛАВА 19

Невзирая на все заслуги перед «Цербером», на сотни успешно выполненных заданий и почти шестнадцать лет службы, Грейсон мог по пальцам пересчитать случаи, когда Невидимка назначал ему личную встречу.

Обаятельный и эффектный на экране, он производил еще более внушительное

впечатление при живом общении. Этот человек всегда был серьезен, спокоен и излучал вокруг себя ауру власти. Свойственная ему холодная уверенность в собственных силах заставляла его выглядеть так, словно он держит в своих руках нити всех разворачивающихся вокруг событий. Стальной взгляд был отмечен печатью грандиозного интеллекта, что, вкупе с сединой и одухотворенным лицом, создавало впечатление, будто перед вами стоит мудрейший из людей.

И общее ощущение только усиливалось благодаря интерьеру кабинета, где Невидимка устраивал встречи. Стены помещения были обшиты панелями из лакированного дерева, что создавало обстановку, располагавшую одновременно к серьезности и комфорту. Свет ламп был мягким и даже чуть приглушенным, и в углах кабинета поселились тени. Шесть черных кожаных кресел, позволявших собираться достаточно большим группам, были расставлены вокруг стола, стеклянная поверхность которого была украшена морозным узором.

Но на сей раз Невидимка предпочел поговорить наедине. Грейсон сидел в центре комнаты в одном из огромных кресел, стоявшем прямо напротив места его шефа. Снаружи, сразу за дверью, дежурили два охранника, но внутри кабинета больше никого не было.

— К сожалению, мы пока не находим достаточных доказательств, способных подтвердить твой рассказ, — произнес Невидимка. При этом он подался в своем кресле вперед, уперся локтями в колени и сцепил руки.

Его лицо выражало симпатию, а голос звучал сочувственно, но проскальзывали в нем и твердые нотки. Грейсону опять показалось, будто его пытаются поддержать, приободрить, но одновременно с тем допрашивают. Перед этим человеком хотелось исповедоваться. Но его глаза словно говорили: «Я пойму, если ты совершь, и последствия будут очень неприятными».

К счастью для Грейсона, сегодня правда была на его стороне.

— Все было именно так, как я написал в отчете. Как вы и приказывали, я забрал Джиллиан из проекта «Восхождение». При выполнении задания в план пришлось вносить коррективы из-за вмешательства Кали Сандерс и Генделя Митры, потребовавших взять их с собой. Я связался с Пэлом, чтобы тот разобрался с ними, но, когда мы прибыли на Омегу, он взял всех нас в плен, впоследствии намереваясь продать Собирателям.

Невидимка кивал, будто соглашаясь с каждым словом.

— Да, все так. Но вот мне не совсем понятно, что же произошло потом.

Вопрос прозвучал вполне невинно, но Грейсон понимал, что эти слова могут оказаться ловушкой.

Спустя два дня после получения его сообщения «Цербер» прислал группу, в задачу которой входила переправка агента с Омеги на Землю для встречи с лидером организации. Учитывая, что Пэл, как и вся его команда, был мертв — да еще к тому же погиб от его руки, — Грейсон не мог позволить себе отказаться от этого приглашения.

Сразу же по приземлении агента запихали в поджидавшую его машину и повезли прямо к безликому офисному зданию, занятому корпорацией «Корд-Хислоп Аэроспейс», которая являлась легитимным прикрытием «Цербера». Тут всегда было полно самых обычных мужчин и женщин, заключавших сделки по постройке или продаже кораблей. И никто из них даже не догадывался, что на самом деле работает на некоего человека, живущего в надежно охраняемом пентхаусе на самом верхнем этаже, над личными квартирами куда более известных директоров корпорации.

Подъем на лифте показался бесконечным. Грейсону нестерпимо хотелось принять порцию красного песка, но было бы невероятной глупостью являться под действием наркотика на встречу с настолько важной — и опасной — личностью. Сегодня ему предстояло убедить Невидимку, что Пэл был предателем. В случае неудачи Грейсон не только больше никогда не увидел бы дочь, но и вряд ли бы покинул офис «Корд-Хислоп» живым.

— Я уже рассказал все, что знал. Неизвестный — или группа неизвестных, — предположительно кварианин, проник на склад. Скорее всего, именно он и помог бежать

остальным. В результате этого нападения большая часть команды Пэла была уничтожена. Пока шло сражение, мне удалось выбраться из камеры. Я лично застрелил Пэла и последнего из наемников. После чего сразу же связался с вами.

Невидимка снова кивнул и медленно поднялся из кресла. Ростом чуть более шести футов, он возвышался теперь над все еще сидящим Грейсоном.

— Поль, — тихо произнес он, взирая свысока, — это правда, что ты подсел на красный песок?

«Не лги. Он бы не стал спрашивать, не будь ему все известно».

— Я не употреблял его во время этого задания. Не был под наркотой, убивая Пэла, и не расправлялся с его командой, чтобы скрыть какую-то ошибку.

Невидимка повернулся к нему спиной, раздумывая над этими словами. Затем, так и не глядя на Грейсона, спросил:

— Ты волнуешься за Джиллиан?

— Да, — признал тот. — Так же как и любой отец беспокоился бы за свое дитя. Вы приказали мне растить ее, словно родную дочь, и так я и поступил. Только так можно было заслужить ее доверие. Впрочем, это вам тоже уже известно.

Невидимка вновь повернулся к нему, но остался стоять.

— Скажи, Поль, тебя хоть раз посещали сомнения насчет того, чем занимается «Цербер»? Не вступала ли любовь к Джиллиан в конфликт с нашими целями?

Грейсон молчал еще несколько секунд, стараясь сформулировать ответ. Поскольку ему так и не удалось подобрать слова, позволившие бы уклониться от неудобного вопроса, он решил сказать все как есть.

— Меня постоянно словно раздирало на части, — признался агент. — Но я понимал, зачем все это нужно. Понимал, что это все ради общего блага. Я верю в дело «Цербера».

Его начальник удивленно вскинул бровь и чуть склонил голову, разглядывая сидящего перед ним — и под ним — человека.

— Твой бывший напарник ни за что бы не дал настолько же искреннего ответа.

Грейсон не мог с уверенностью сказать, стоит ли воспринимать слова Невидимки как комплимент или же как оскорбление.

— Так ведь я и не Пэл. Он связался с Собирателями. Предал человечество. Предал «Цербер». И вас лично.

Он испытал некоторое облегчение, увидев, что начальник снова садится в кресло.

— Мы не получали никакой информации о том, куда направилась твоя яхта, покинув Омегу, — произнес Невидимка. — Она не была замечена ни на одной космической станции или же планете ни в Пространстве Совета, ни в Пограничных Системах.

— И кажется, я знаю почему, — на одном выдохе выложил Грейсон свой козырь. Только теперь агент понял, что задерживал дыхание. — Полагаю, они прячутся в кварианской флотилии.

На лице Невидимки вновь возникло удивленное выражение.

— Очень интересно. И что же привело тебя к столь неожиданным выводам?

Серьезных аргументов у Грейсона не было. Вся его теория строилась на косвенных уликах: ружье, подобранное в ангаре, сидящий в подвале чужак и... непогрешимый зов, ведущий его к Джиллиан.

— Чутье, — наконец произнес он. — Я практически уверен в том, что именно квариане забрали мою дочь.

— Если это так, — сказал Невидимка, — мы уже ничего не сможем поделать.

Грейсон покачал головой, высказывая молчаливое несогласие со словами собеседника.

— На складе я нашел отчеты Пэла, и мне известно, что они были заняты сбором информации, необходимой для проникновения на корабли Кочующего Флота. Полагаю, именно это и привело к ним кварианский отряд. Но чужаки так и не смогли найти одного из своих, пленника, которого совершенно сломили пытки. Он выдал мне номер частоты вызова и нечто вроде кодовой фразы. В записях Пэла, — продолжал агент, — упоминалось, что

пленник был взят во время захвата кварианского разведывательного судна «Циниад». Полагаю, мы можем погрузиться на этот корабль и воспользоваться номером частоты и паролем, чтобы проникнуть к чужакам и отобрать у них Джиллиан.

Невидимка не стал отрицать, что именно этим занимался Пэл. Он просто взвесил предложение Грейсона, сопоставляя возможные риски и выгоды.

— Может и сработать... если, конечно, ты прав насчет того, что Джиллиан похитили квариане.

Глава «Цербера» вновь поднялся, но на сей раз это означало окончание встречи. По всей видимости, он уже услышал от своего подчиненного все, что хотел узнать.

— Мы свяжемся с нашими оперативниками в Пограничных Системах, чтобы они попытались найти какие-либо подтверждения твоим догадкам. Если у них получится, за Джиллиан будет отправлена штурмовая группа. Кроме того, — добавил Невидимка, — на Омеге у нас есть информатор... кварианин. Мы покажем ему записанную тобой фразу, быть может, чужак сможет сказать, настоящий ли это пароль.

Грейсону удалось добиться уже половины своих целей: «Цербер» посылал за Джиллиан солдат. Но этого было мало; Поль и без того слишком часто стоял в стороне, позволяя другим решать судьбу своей дочери.

— Включите меня в состав спасательной группы.

Невидимка покачал головой:

— Эта операция потребует предельной собранности и идеальной точности действий. Малейшая ошибка способна погубить весь отряд. И боюсь, те чувства, что ты испытываешь к Джиллиан, могут помешать тебе мыслить ясно.

— Но я должен быть там, — продолжал настаивать Грейсон. — Я обязан сам спасти свою дочь.

— Клянусь, мы не причиним ей никакого вреда, — заверил Невидимка. Голос его звучал тихо и мягко. — Будет сделано все возможное, чтобы обеспечить ее безопасность. Ты же знаешь, насколько она важна для нас.

Примерно на такой ответ агент и рассчитывал.

Для «Цербера» Джиллиан означала десять лет напряженных исследований. В надежде, что однажды девочка станет ключом к новым рубежам человеческой биотики, в нее были вложены десятки тысяч часов работы и миллиардные суммы. Невидимка и в самом деле не меньше Грейсона желал ее вернуть, хотя и по другой причине. А это давало отцу то, что редко кто имел в разговоре с главой «Цербера», — превосходство.

— У вас нет выбора, — предупредил Грейсон, ровным, твердым голосом предъявляя свой ультиматум. — Я просто не отдам вам код, пока не окажусь на корабле, летящем к Кочующему Флоту. Хотите получить Джиллиан — возьмите и меня.

Он вел опасную игру. Невидимка всегда мог прибегнуть к пыткам, и методы его людей были таковы, что судьба замученного Пэлом кварианина еще показалась бы Грейсону желанной. Но Поль знал, что пока остается полезным, и особенно в том, что касается Джиллиан. «Церберу» было известно о состоянии его дочери и о том, насколько она невосприимчива к незнакомым людям. И это пока не позволяло избавиться от ее отца, — во всяком случае, тот очень надеялся, что так оно и есть.

— Ты очень к ней привязан, — произнес Невидимка, и его улыбка не могла до конца скрыть гнев. — Не хотелось бы, чтобы это стало проблемой.

— Ну так что?

Глава «Цербера» кивнул:

— Я назначу тебе встречу с Гоуло — нашим кварианским информатором с Омеги.

Он махнул рукой, и Грейсон поднялся, тщательно скрывая свою бурную радость. Конечно, сегодняшняя победа еще отольется ему когда-нибудь потом, ведь Невидимка никогда и ничего не забывал. Но сейчас все это не имело никакого значения. Поль готов был заплатить любую цену, только бы вернуть дочь.

ГЛАВА 20

— Джиллиан, вспомни, что я тебе говорил, — сказал Гендель. — Создай мысленный образ, сожми кулак и сосредоточься.

Девочка выполнила инструкцию своего тренера, и ее личико скривилось от напряжения, когда она направила все свое внимание на подушку, лежавшую возле кровати, на которой они и сидели вдвоем, скрестив ноги. Кали с интересом наблюдала за происходящим с другого конца каюты, опираясь на дверную раму.

Хотя сама доктор Сандерс и не являлась биотиком, ей были знакомы техники, которые сейчас применял Гендель. В проекте «Восхождение» использовались такие примитивные уловки, как взмах руки или сжатый кулак, чтобы вызвать биомеханический отклик, пробуждающий дар к жизни. Связь, существующая между простым движением мышц и мыслительными процессами, позволяла вырабатывать механизмы активации конкретных биотических трюков. Благодаря постоянным тренировкам движения тела становились катализатором особых ментальных процессов, что повышало скорость и мощь проявления желаемого биотического эффекта.

— Ты сможешь, Джиллиан, — продолжал Гендель. — Мы с тобой это уже отработывали.

Девочка стиснула зубы, а ее кулак задрожал от напряжения.

— Умничка, — подбодрил ее тренер. — А теперь выброси руку вперед и представь, что подушка летит через всю комнату.

Кали показалось, будто она заметила в воздухе легкую дрожь, какая бывает над раскаленным под солнцем асфальтом. Подушка вдруг взлетела и, описав дугу, ударила доктора точно в лицо. Больно не было, но происшедшее застало женщину врасплох.

Джиллиан разразилась немного нервным смехом от восторга и удивления. Даже Гендель позволил себе слегка усмехнуться. Кали поглядела на них, притворно насупилась.

— Надо бы тебе поработать над своей реакцией, — прокомментировал Гендель.

— Думаю, лучше оставлю-ка я вас одних, а то в следующий раз это будет лампа, и мне выбьет зубы, — произнесла доктор Сандерс и направилась по коридору к пассажирскому отсеку.

Прошло уже три дня с тех пор, как их яхта пристыковалась к «Иденне», а они по-прежнему ждали, чтобы капитан позволил им ступить на борт его корабля. Все это время с ними обращались очень любезно, но Кали начинала опасаться, что у нее разовьется клаустрофобия.

Джиллиан и Гендель боролись со скукой, бросив все свои силы на развитие биотических талантов девочки. Она в удивительно короткие сроки добилась ошеломляющих успехов. То ли дело было в том, что Гендель теперь мог сосредоточиться на ней одной, то ли тот приступ ярости, охватившей ее в кафетерии, сумел разрушить некий ментальный барьер. Но какую бы радость ни испытывала доктор оттого, что в состоянии ее воспитанницы наметился прогресс, сама Кали ничем сейчас помочь не могла.

Удивляло только то, насколько легко Джиллиан приспособилась к новой обстановке. Прежде у нее всегда случались хорошие и плохие дни; заболевание было достаточно тяжелым и сопровождалось непрогнозируемыми спадами и подъемами. Конечно, и в последние дни было несколько случаев, когда девочка словно отключалась от мира, но в целом она стала куда более бодрой и восприимчивой. И опять Кали не могла найти объяснения. Быть может, этому способствовало то, что сейчас ребенку уделялось куда больше личного внимания, чем в Академии. Или то, что все это время они не покидали тесной яхты, а Джиллиан здесь был знаком каждый закуток. Она наверняка чувствовала себя защищенной, находясь на борту этого корабля, а многочисленные кабинеты и коридоры Академии Гриссома могли пугать ее и сбивать с толку. Или же просто теперь ей приходилось иметь дело с куда меньшим количеством людей, ведь, помимо Генделя и Кали, на яхте появлялся разве что Лемм.

Он заглядывал к ним раз или два в день, чтобы держать в курсе происходящего на борту «Идейны», а заодно рассказывал все важные новости, поступившие с других кораблей Кочующего Флота.

Поскольку тот состоял почти из пятидесяти тысяч кораблей — в основном фрегатов, яхт и малых одноместных машин, — поток информации никогда не иссякал.

Людям повезло. Квариане в своих непрерывных стараниях найти хоть какие-нибудь полезные товары ежедневно наносили визиты на все ближайшие планеты. Как и было обещано, капитан «Иденны» потребовал доставить для своих гостей и нормальную еду, и скафандры. Припасы прибыли уже на следующий день, и теперь трюм яхты был забит до отказа.

Неудивительно, что одна только эта просьба породила массу слухов и подозрений, быстро распространившихся по всему Флоту. Что, как объяснял Лемм, во многом и послужило причиной задержки. Капитан обладал непререкаемым авторитетом на борту своего корабля, но только до тех пор, пока его действия не ставили под угрозу и не оскорбляли всю остальную флотилию. Очевидно, появление неквариан выходило за все мыслимые границы.

Едва получив с «Идейны» странный запрос на провизию для людей, и Конклав, и Адмиралтейство — то есть все гражданские и военные лидеры Кочующего Флота — не замедлили вступить в обсуждение происходящего. Без сомнения, утверждал Лемм, последнее слово должно было остаться за капитаном принимающего судна, но тот предпочтет прежде взвесить все за и против, посоветовавшись с прочими представителями своего народа.

Чтобы скоротать время между визитами Лемма, Кали пыталась общаться с кварианами, охранявшими шлюз. Уго, старший из двух, был вежлив, но держался отчужденно. Его ответы всегда были короткими — разве что не рублеными, и вскоре она перестала тревожить его. Сеето же был полной противоположностью своего товарища.

Насколько могла догадываться Кали, второй охранник был практически сверстником Лемма, хотя маска и комбинезон сильно скрывали возраст и разве что приставка «нар» была действительно серьезным основанием для подобных выводов. Но по какой-то причине этот кварианин казался более наивным и юным, чем тот, что спас доктора Сандерс и ее друзей. Впрочем, долгие месяцы Паломничества, проведенные вдали от родной флотилии не могли не повлиять на Лемма. В то же время в Сеето были некая непосредственность и любознательность, выдававшие в нем растущую, многообещающую личность.

Кали быстро поняла, что он любит поговорить. Хватало одного-двух вопросов, и слова из него начинали изливаться бурной рекой. Но доктор не возражала. Это позволяло скоротать время, да к тому же так она узнала массу нового о кварианах в целом и об «Иденне» в частности.

Как рассказал Сеето, хотя ее и приняли в состав флота уже около тридцати лет тому назад, «Идейна» все еще считалась новым кораблем. Что было вполне объяснимо, если учесть, что иные их суда порой насчитывали уже более трех веков и были построены еще до того, как квариане потерпели поражение от рук гетов. Из разговора также стало известно, что их яхта пристыковалась к средних размеров крейсеру, обладавшему достаточным количеством свободного пространства, чтобы вместить Конклав — гражданское правительство, помогавшее Адмиралтейству в принятии решений и законов, касавшихся обыденной жизни флотилии. Насколько поняла Кали, «Иденна» стала домом для шестисот девяноста трех мужчин, женщин и детей, а точнее — если капитан этого корабля согласится принять дар и завершить тем самым Паломничество Лемма — для шестисот девяноста четырех.

Это число поразило доктора Сандерс. В Альянсе подобный корабль нес на себе экипаж численностью от семидесяти до восьмидесяти человек. И с ее точки зрения, обитатели «Иденны» влачили свое существование в чудовищной тесноте.

И все же чем больше они разговаривали с Сеето, тем уютнее становилось Кали. Юноша

рассказал ей и о Ясине'Мале вас-Иденна, капитане своего судна. В основном остальные капитаны были скованы традициями, но Ясин, как шепотом поведал Сеето, стремился вперед. Он даже пытался добиться того, чтобы крейсера отправлялись в ранее не изведанные участки космоса на поиски пригодных для обитания квариан необжитых миров.

Однажды его взгляды на мир привели к конфликту с остальными капитанами и Конклавом, полагавшими, что Кочующий Флот нельзя разделять, поскольку это необходимо для выживания. Насколько понимала Кали, ее юный собеседник целиком и полностью поддерживал в этом споре своего капитана.

Подойдя к шлюзу, она очень надеялась встретить там общительного Сеето, а не холодно-любезного Уго. Все еще не получив разрешения покинуть яхту, она собиралась воспользоваться терминалом связи, чтобы поговорить с охранником и пригласить его на борт, когда двери неожиданно распахнулись.

Она удивленно попятилась, увидев группу из семи квариан.

На какую-то секунду доктор испугалась, но затем успокоилась, увидев, что ни один из них не держит в руках оружия. Среди прочих она узнала Сеето и Уго, и во главе отряда, судя по всему, опять стояла Айли — кварианка, встречавшая их в первый день. Остальные четверо были незнакомыми.

— Капитан изволил встретиться с вами, — вместо приветствия произнесла Айли, разрешив сомнения касательно своей личности.

«Давно бы пора», — подумала доктор. Но вслух сказала лишь:

— Когда?

— Сейчас, — ответила кварианка. — Мы сопроводим вас на мостик. Но, конечно же, прежде вы должны переодеться в гермокостюмы.

— Договорились. Предупрежу только Генделя и Джиллиан.

— Им тоже придется пойти, — не терпящим возражений тоном произнесла Айли. — Капитан желает увидеть вас всех. Кстати, Лемм уже там.

Кали не слишком нравилась мысль о том, что Джиллиан придется покинуть яхту и тащиться через переполненные народом коридоры «Иденны», но в сложившихся обстоятельствах отказаться не получалось.

Гендель, когда доктор рассказала ему об этом, тоже начал волноваться, но их воспитанница не выказала и тени беспокойства.

Уже пять минут спустя они все натянули на себя гермокостюмы и направились к шлюзу. Айли, Уго и Сеето вызвались сопровождать их, в то время как четверо других остались возле входа на яхту.

— Они должны простерилизовать ваш корабль, — сказала Айли. — И это проще сделать, если вас не будет на борту.

Кали задумалась над тем, собираются ли квариане и в самом деле заняться уборкой или же просто пытаются обыскать судно, не оскорбляя своих гостей. Но даже если и так, скрывать людям было нечего.

Айли с молчаливо следовавшим сразу за ней Уго вела людей по кораблю. Сеето же держался поблизости, чтобы своевременно объяснить гостям, что именно те видят.

— Это торговая палуба «Иденны», — произнес он, когда они проходили через помещение, которое на крейсере Альянса служило бы в качестве летного ангара.

Тут было полно квариан, как обычно скрывавшихся под своими гермокостюмами. Каждый чужак нес на себе мешок или рюкзак. Вдоль стен выстроились ряды ящиков. В основном они были открыты и содержали в себе всяческие бытовые мелочи и кухонную утварь. Также вокруг громоздились пирамиды наполненных товарами стальных бочек и огромных контейнеров, между которыми оставались лишь узкие извилистые проходы.

Квариане сновали от одной лавки к другой, от ящика к ящику, рассматривая выставленный товар и укладывая вещи, и опять возобновляли поиски.

— Каждый, у кого появляются излишки вещей, приносит их сюда, — пояснил Сеето. — И тот, кто в них нуждается, может их забрать.

— Хочешь сказать, что любой здесь имеет право взять что пожелает? — удивленно спросил Гендель.

— Если это уже не используется кем-то другим.

Судя по интонациям Сеето, он и не представлял себе, что может быть иначе.

— Значит, если тебе что-то не нужно, ты несешь это сюда и просто оставляешь?

— А как еще? — спросил молодой кварианин.

Понятие торговли между своими явно было чуждо для его народа.

— Но вдруг кто-то решит не расставаться со своими вещами? — спросил Гендель. — Ну, понимаешь, сберечь все для себя...

— Да кому это нужно? — рассмеялся Сеето. — Вскоре твоё жильё окажется настолько захламленным, что тебе придется спать стоя. И все это ради того, чтобы сохранить бесполезный хлам?

Кварианин покачал головой, все еще мягко посмеиваясь над глупостью, высказанной Генделем.

Продолжая идти вперед, Кали бросила взгляд на Джиллиан. Гермокостюм мешал прочесть эмоции девочки, но, судя по всему, с ней все было хорошо. Удовлетворившись этим, доктор вернулась к разглядыванию квариан, изучавших содержимое коробок и ящиков.

На первый взгляд эта территория ничем не отличалась от обычного рынка на любом из населенных миров. Но при более пристальном рассмотрении обнаруживалась масса отличий. Здесь не было привычной агрессивной и бойкой базарной торговли. Несмотря на толчею — сейчас, по прикидкам Кали, в ангаре присутствовало от тридцати до пятидесяти квариан, — никто не толкался, не ругался и не пытался спорить из-за вещей. Время от времени встречались группки из двух-трех чужаков, остановившихся, чтобы поговорить, но всякий раз те старались встать так, чтобы не загромождать проход и не мешать сородичам.

У Кали ушло несколько минут на то, чтобы понять, что смущает ее куда больше: отсутствие шума. Ведь здесь не было торговцев, крикливо расхваливающих свои товары. Не было и возмущенных воплей покупателей и перекупщиков, пытающихся сбить цену. Услышать можно было лишь тихое перешептывание тех, кто копался в содержимом ящиков и бочек, а еще спокойную, доброжелательную болтовню пришедших сюда друзей и соседей.

Путешественники уже подошли к огромному грузовому лифту, который должен был поднять их на следующий уровень корабля, когда Кали заметила кое-что еще. Возле какой-то двери стоял явно привозной стол с компьютером, за которым восседала кварианка. Перед ней выстроилась очередь из пяти или шести местных обитателей. Первыми были двое мужчин.

Один из них что-то объяснял женщине, а та стучала по клавиатуре. Затем кварианин протянул пустую сумку, которую принял один из охранников, стоявших позади. Тот скрылся за дверью, но вскоре вернулся, и сумка уже была полной.

— Расскажешь, что здесь происходит? — поинтересовалась Кали.

— Особо важные предметы, такие как пища или медикаменты, хранятся отдельно, — объяснил Сеето. — Их потребление необходимо контролировать, чтобы хватило всем.

— А что, если не хватит? — спросил Гендель.

— Если расходовать экономно, этого не случится, — ответил молодой кварианин. — Еженедельные поставки с Кораблей Жизни способны обеспечить основные потребности наших граждан, а предметы роскоши нам привозят разведчики, исследующие окружающие миры, или же мы вымениваем их на других кораблях Флота.

Они погрузились в лифт и начали подниматься, оставляя торговую палубу позади. Но когда двери открылись, Кали с трудом сдержала вздох удивления при виде того, как жили большинство квариан.

Перед людьми простиралось помещение, в Альянсе служившее бы основной палубой. Но вместо столовой, спального отсека, лазарета и комнаты отдыха Кали увидела огромный зал, где все внутренние переборки были удалены, чтобы максимально расширить пространство.

Их заменяли плоскости узких перегородок, делящих пространство на некое подобие комнат. Каждая комната в лучшем случае имела дюжину футов в ширину. От остального зала комнаты отделяли только три невысокие стальные стены, а с четвертой, обращенной к проходу стороны все они были открыты, хотя многие жильцы и предпочитали отгородиться занавесами из яркой разноцветной ткани. Шум, который люди ожидали услышать на рынке, перекочевал сюда. Отовсюду неслись голоса и какофония звуков.

— На этой палубе я и живу, — с гордостью произнес Сеето, в то время как Айли повела группу по одному из проходов.

Как и в торговом зале, здесь было полно квариан. Но, в отличие от праздно шатавшихся «покупателей», эти двигались с куда большей целеустремленностью, хотя и продолжали удивлять своей предельной вежливостью и вниманием к окружающим.

Проходя мимо комнат, Кали начала задумываться, имеет ли хоть какое-то значение расцветка пестрых занавесов, служащих здесь дверями. Быть может, они означали принадлежность к кланам или семьям? Она пыталась найти повторяющиеся узоры, но если те и существовали, то ускользали от ее внимания.

Зачастую ткань была слегка отдернута в сторону, и доктор не могла ничего поделать со своим желанием глазеть по сторонам и наблюдать за обыденной жизнью простых квариан. Кто-то готовил себе обед на крошечных электроплитках, кто-то делал уборку. Иные играли в карты, болтали или сидели перед видеоэкранами. Порой можно было заметить небольшие группки сидящих на полу друзей или родственников. Некоторые спали. И все без исключения носили гермокостюмы.

— Они не снимают их из-за нас? — спросил Гендель.

— Мы, — покачал головой Сеето, — редко снимаем их. Исключением служат лишь интимные встречи и особо безопасные места.

— Делается все возможное, чтобы поддерживать корабли в порядке, — подхватила Айли. — Но всегда существует риск протечки или нарушения работы двигателей. И как бы ничтожен он ни был, мы должны всегда быть к нему готовы.

Несмотря на то что это объяснение имело смысл, Кали подозревала, что все несколько сложнее. Подобные проблемы должны были являться невероятной редкостью даже на самых старых, обветшавших кораблях. Достаточно было простейших сенсоров качества воздуха и анализаторов присутствия в атмосфере элемента zero, чтобы обитатели Кочующего Флота успели натянуть свои гермокостюмы задолго до того, как им был бы причинен какой-либо вред.

Скорее всего, постоянное ношение этой одежды стало для квариан глубоко укоренившейся традицией. Обычаем, выросшим из практически полного отсутствия личного пространства на перенаселенных кораблях. Зеркальные шлемы и несколько слоев ткани позволяли хоть в какой-то мере физически и эмоционально отгородиться от окружающих.

— А как вы купаетесь? — к удивлению Кали, спросила Джиллиан.

Доктор ожидала, что девочка уйдет в себя, когда увидит всю эту толпу и непривычную суету.

Возможно, и она чувствовала себя более защищенной благодаря гермокостюму.

— Бани и душевые расположены на нижних палубах, — пояснил Сеето. — Эти помещения герметичны и стерильны. Там мы чувствуем себя достаточно безопасно, чтобы разоблачиться.

— А если вы не на кварианском корабле? — продолжала допытываться Джиллиан.

— Наши гермокостюмы имеют специальное отделение между внутренним и внешним слоями, чтобы хранить отходы жизнедеятельности в течение нескольких дней. Когда приходит время, его можно опустошить в любом подходящем месте — например, в туалете вашей яхты, — не подвергая владельца влиянию внешней среды.

Сеето неожиданно устремился вперед и отдернул занавес одной из комнат.

— Вот тут я и живу, — жизнерадостно произнес он.

Заглянув внутрь, Кали увидела крошечное, но аккуратное жилище. В одном из углов

лежал скатанный матрас. Были здесь небольшая плита, телевизор и даже персональный компьютер. Со стен свисали отрезки ярко-оранжевой ткани — такой же, что была использована для изготовления занавеса.

— Ты живешь один? — спросила Кали, и Сеето вновь рассмеялся над глупостью людей.

— Нет, я делю квартиру с матерью и отцом. С нами жила и сестра, пока не отправилась в Паломничество. Теперь она в составе экипажа «Райи».

— А где сейчас твои родители? — опять заговорила Джиллиан, и доктору Сандерс показалось, что в голосе девочки проступила скука.

— Отец служит навигатором и трудится на одной из верхних палуб. А мама обычно заседает вместе с гражданским советом, но сегодня она вызвалась поработать на Корабле Жизни. Вернется только через пару дней.

— А что насчет ткани на стенах? — спросила Кали, сворачивая разговор с темы отсутствующих родителей. — Ее цвет что-нибудь значит?

— Только то, что моей маме нравится оранжевый, — расхохотался Сеето, задерживая занавеску.

Вскоре они миновали последние квадратные комнаты и подошли еще к одному лифту.

— Дальше людей я поведу одна, — сказала Айли. — Остальные пусть возвращаются к обычной работе.

— Боюсь, здесь нам придется расстаться, — учтиво поклонился Сеето. — Надеюсь на скорую встречу.

Уго кивнул, но промолчал.

Двери лифта открылись, и трое людей вошли внутрь следом за Айли, чтобы стремительно вознестись к мостику. Выйдя же, Кали вновь была поражена, увидев, что в коридоре отгорожено еще несколько крошечных квартир. По всей видимости, кварианам настолько не хватало свободного места, что они стремились максимально полно использовать каждый квадратный дюйм.

— Это капитанская каюта, — ткнула Айли пальцем в сторону одной из комнатушек, принимая на себя роль гида, которую прежде исполнял Сеето.

Сшитый из синих и зеленых лоскутов занавес был задернут и не позволял заглянуть внутрь. Но, прикинув ширину коридора, Кали поняла, что это помещение ничуть не больше по размерам, чем остальные.

К радости доктора Сандерс, на мостике не было уже казавшейся привычной толчеи. Конечно, здесь все равно былолюдно — на небольшом пространстве разместились рулевой, два навигатора, связист и многие другие члены экипажа, — но ровно то же самое можно было увидеть и на любом из кораблей Альянса. Капитан восседал в кресле, установленном в центре зала, а Лемм, чья нога по-прежнему была закована в защитный сапог, стоял рядом. Увидев гостей, хозяин корабля поднялся и направился навстречу.

— Капитан Ясин'Мал вас-Иденна, — произнес Лемм, — позвольте представить вам Кали Сандерс и ее спутников, Генделя Митру и Джиллиан Грейсон.

— Рад приветствовать вас на борту «Идейны», — сказал капитан, поочередно протягивая каждому руку.

И вновь Джиллиан даже не поморщилась от чужого прикосновения, хотя в этот раз и не вступила в разговор.

«Да, скорее всего, все дело в гермокостюме», — подумала Кали.

С точки зрения доктора Сандерс, капитан выглядел в точности так же, как и любой другой встреченный ею кварианин. Впрочем, она понимала, что во многом причина такого восприятия кроется в принадлежности к разным биологическим видам. Даже если бы местные обитатели не носили постоянно безликих комбинезонов, они все равно казались бы ей почти одинаковыми. К тому же различия в росте и телосложении у представителей этой расы были куда менее выражены, чем у людей.

Если не считать Лемма, которого легко было опознать по изувеченной ноге, Кали,

чтобы различать квариан, приходилось высматривать незначительные приметы, касавшиеся их одежды. Например, у Сеето гермокостюм слегка выпвел на левом плече, словно что-то регулярно натирало этот участок.

Вот Генделя и Грейсона, одень их в скафандры, было бы очень просто узнать и без таких ухищрений. Начальник службы безопасности был на полфута выше ростом и на несколько килограммов тяжелее отца Джиллиан. Но в сообществе квариан таких отличий просто не существовало.

Как, впрочем, и у большинства рас. По какой-то причине людям оказалось свойственно куда большее генетическое разнообразие, чем кому бы то ни было еще в галактике. Прежде Кали особо не обращала на это внимания, но здесь, на мостике «Иденны», это бросилось ей в глаза.

«Когда-нибудь и мы станем такими же», — подумала она, глядя, как Гендель пожимает капитану руку. Подобные великаны, родившиеся от смешения норвежских и индийских кровей, становились нормой для Земли, что неизбежно вело к возникновению более однородной популяции. В двадцать втором веке светлые волосы, такие как у самой Кали, превратились в большую редкость, а природного голубого цвета глаз больше не существовало. Но кого это волнует, если есть контактные линзы и краска для волос?

— Простираю на вас тепло и радушие моего корабля и экипажа, — произнес капитан, возвращая Кали к реальности. — Для меня честь приветствовать вас.

— Это честь и для нас, капитан Мал, — ответила доктор. — Вы приютили нас тогда, когда нам уже некуда было податься.

— Мы и сами вечные скитальцы, — сказал кварианин. — Но здесь, в Кочующем Флоте, мы можем чувствовать себя в безопасности, и сегодня мы предлагаем свою защиту и вам.

— Спасибо вам, сэр, — поблагодарила Кали.

Капитан склонил голову, принимая ее благодарность, а потом опустил ладонь ей на плечо и притянул поближе, заговорив настолько тихо, что его голос, раздававшийся из модулятора маски, был едва слышен.

— К моему прискорбию, в Кочующем Флоте не так уж и безопасно, — прошептал он.

Кали оказалась настолько смущена этим неожиданным предупреждением, что даже не сразу нашлась с ответом. Но кварианин и не ждал его. Он убрал руку и отступил, продолжив уже обычным голосом:

— Представители Конклава и Адмиралтейства решили посетить «Иденну», чтобы поговорить с вами. Это великая честь для меня и моего экипажа.

Судя по его интонациям, отказаться от этой «великой чести» их хозяин не мог.

— Сэр, — окликнул их один из дежуривших на мостике, — «Лестиак» запрашивает разрешение на посадку.

— Отправь их в пятый отсек, — отозвался Мал. — Мы встретим их там.

— Пойдемте, — вновь повернулся капитан к Кали и ее спутникам. — Нельзя заставлять ждать столь важных гостей.

ГЛАВА 21

Кали вновь шагала по кораблю в сопровождении трех квариан, но на сей раз эскорт состоял из Айли, Лемма и капитана. Вместе они спустились на один из нижних уровней и прошли к посадочным палубам. Но сейчас целью их путешествия была не яхта Грейсона, а отсек, где их уже дожидался «Лестиак» и лидеры Кочующего Флота.

Учитывая политический статус, которым обладали новоприбывшие, Кали была удивлена, увидев, что капитан Мал даже не удосужился известить о своем появлении, а просто открыл люк и поднялся на борт челнока.

— Похоже, на своем судне капитан имеет право делать все, что ему заблагорассудится, — прошептал Гендель, тоже обратив внимание на странности в

поведении квариан.

Внутри «Лестиака» обнаружилось просторное помещение, которое, судя по обстановке, использовалось для проведения официальных встреч. «Или проведения военно-полевого суда», — подумала Кали. В центре зала стоял полукруглый стол, за которым располагались шесть кресел. Пять из них были заняты кварианами, но шестое — одно из крайних — пустовало. У дальней стены выстроились вооруженные охранники.

Мал прошел со своими спутниками в центр и остановился, чтобы представить всех друг другу. Кали даже не пыталась запомнить имена присутствующих, но обратила внимание на то, что трое из них представляли Конклав, а еще двое были военными из Адмиралтейства. Также от нее не ускользнуло, что их юного спасителя капитан назвал Лемм'Шал вас-Иденна. Значит, Паломничество молодого кварианина завершилось и он был официально принят в состав экипажа.

Как только с ритуалом приветствия было покончено, Мал оставил своих спутников и сел в свободное кресло. Айли заняла позицию у него за спиной, присоединившись к почетному караулу. Лемм же остался вместе с людьми, стоявшими перед столом.

— Кали Сандерс, — начал один из представителей Адмиралтейства, приступая к допросу, — вы понимаете, зачем были приглашены сюда?

— Полагаю, вы надеетесь, что мне известно о Сэрене Артериусе и о том, как ему удавалось контролировать гетов, — ответила женщина.

— В каких отношениях вы состояли с Сэреном? — спросил другой кварианин, на сей раз от лица Конклава.

— Не было у нас никаких отношений, — отрезала Кали. — Мы пересекались лишь два или три раза. И насколько мне известно, тогда он был просто Спектром, расследовавшим деятельность моего бывшего начальника, доктора Шу Киана.

— И чем же конкретно он занимался?

— Киану удалось обнаружить какой-то инопланетный артефакт, — заговорила Кали, осторожно подбирая слова. — Как я понимаю, созданный протеанами или даже до них. Никому из нас ничего об этом не рассказывалось. Но доктор полагал, что его находка может помочь в создании нового типа искусственного разума. К сожалению, он все держал в тайне от своих сотрудников; мы были для него просто подопытными мартышками да еще помогали обрабатывать полученную в ходе опытов информацию. Только Киану были известны все подробности об артефакте: что это такое, где находится и как выглядит. Но затем доктор сбежал, и его так и не смогли найти. Ни его самого, ни его архивы.

— Возможно ли, что их все-таки нашел Сэрэн? — спросил представитель Конклава. — Быть может, он смог заполучить артефакт и через него обрести власть над гетами?

— Вполне возможно, — уклончиво ответила Кали. Эта мысль и ей приходила в голову, но доктору Сандерс было не очень приятно признаваться в том, что она сама сыграла пусть и ничтожную, но роль в событиях, приведших к опустошительному нашествию гетов.

— Известно ли вам о расе существ, именуемой Жнецами? — поинтересовался первый кварианин.

Кали покачала головой:

— Мне доводилось слышать, что «Повелитель», флагман Сэрена, атаковавший Цитадель, на самом деле обладал особым модулем искусственного разума. Что он был живым и относился к расе огромных мыслящих кораблей, называвшихся Жнецами.

— Но это только слухи, — вмешался Гендель. — Подобным домыслам нет никаких подтверждений.

— Зато это могло бы объяснить, почему геты подчинялись Сэрэну, — возразил кварианин. — Продвинутый искин мог обладать способностью переписать их базовую программу.

— Боюсь, я не смогу ответить на этот вопрос, — произнесла Кали. — О гетах мне известно лишь по видеозаписям, и я понятия не имею, почему они следовали за Сэреном.

— Но если «Повелитель» и в самом деле был Жнецом, — продолжал давить посол от

Адмиралтейства, — то могут существовать и другие, подобные ему. Они могут дремать в неизученных областях космоса в ожидании, пока их найдут и пробудят к жизни.

— Может, и так, — безразлично пожала плечами Кали.

— Мне кажется вполне очевидным, что нам хотелось бы избежать этого любой ценой, — с пылом в голосе произнес представитель Конклава. — Даже одного Жнеца хватило, чтобы практически разрушить Цитадель. И следующий вполне может довершить начатое. Галактика и без того проклинает нас за создание гетов. И нам не хотелось бы давать окружающим лишний повод для ненависти.

— Но если бы мы сами нашли одного из этих Жнецов, — встрял в разговор капитан Мал, — то могли бы сделать то же самое, что и Сэрэн, — подчинить гетов своей воле! Мы обрели бы возможность возвратиться в родные миры и взять то, что принадлежит нам по праву!

Воцарилось долгое молчание, которое наконец нарушил один из адмиралов, обратившийся к Кали:

— Скажите, прав ли капитан Мал? Как вы полагаете, если найти спящего Жнеца, возможно ли будет подчинить себе гетов?

— Не знаю, — смущенно покачала головой доктор. — В этой задаче слишком много неизвестных.

— Пожалуйста, — настаивал кварианин, и его интонации были скорее командными, чем просящими, — выскажите хотя бы предположение. Вы же один из лучших экспертов по искусственному разуму в этой галактике. Мы все жаждем услышать ваше мнение.

Кали сделала глубокий вдох и на какое-то время задумалась, прежде чем ответить:

— Если принять к рассмотрению то, что мне известно об исследованиях, которые проводил доктор Киан, а также основываться на гипотезе, что флагман Сэрена и был тем самым загадочным артефактом... вполне возможно, что подобное судно способно контролировать гетов. И если сохранились и другие, подобные «Повелителю», то — да. Логично будет предположить, что и их можно использовать в тех же целях. Опять же если именно это стало причиной власти Сэрена.

Трудно было с уверенностью сказать, как восприняли эти слова квариане, поскольку зеркальные шлемы полностью скрывали их лица. Но Кали показалось, что большинство из них приняли раздраженные или даже гневные позы, зато Мал, напротив, гордо выпрямил спину.

— Быть может, вам известно еще что-нибудь, Кали Сандерс? — спросил один из квариан. — О Сэрене, гетах или об исследованиях доктора Киана?

— Мне и в самом деле больше нечего сказать, — извиняющимся тоном ответила Кали. — Мне жаль, но ничем не могу помочь.

— Полагаю, мы и так услышали все, что нужно, — сказал Мал, поднимаясь из кресла. — Спасибо, Кали.

Осознав, что из гостя больше ничего вытянуть не удастся, остальные квариане решили согласиться с капитаном и тоже поднялись.

— Благодарю вас за то, что уделите нам время, — произнес один из них. — Капитан, нам следует обсудить этот разговор на собрании Конклава. Рассчитываем, что и вы составите нам компанию.

— Да, мне тоже хотелось бы поговорить с ними, — кивнул Мал.

— И чем скорее, тем лучше, — заметил другой. — Может быть, вам следует приказать эскорту сопроводить людей до их яхты?

— Кали, как и остальные присутствующие, является почетным гостем «Иденны», — достаточно резко ответил Мал. — Они не нуждаются в сопровождении и вольны приходить и уходить, когда им вздумается.

Воцарившееся неловкое молчание нарушил представитель Адмиралтейства:

— Мы учтем, капитан.

Выиграв этот раунд, Мал повернулся к Кали и ее спутникам:

— Если не будете мешать работе экипажа, можете свободно перемещаться по всему крейсеру. В случае если вам понадобится сопровождающий, обратитесь к Лемму, он с радостью поможет.

— Благодарю вас, капитан, — сказала Кали, которой уже не терпелось покинуть «Лестиак», где явно вот-вот должна была разразиться гроза.

— Рассчитываю снова увидиться с вами после возвращения со встречи Конклава, — добавил Мал.

— С радостью, — ответила Кали. — И вы всегда желанный гость на борту нашей яхты.

Не зная, существует ли какой-нибудь формальный протокол, требующий от них дожидаться разрешения, прежде чем уйти, Кали продолжала молча стоять, пока Лемм мягко не потянул ее за локоть.

— Пойдем, — прошептал он. — Пора уходить.

Мал и Айли остались на «Лестиаке».

Как только двери шлюза захлопнулись за спинами людей, Гендель повернулся к Лемму:

— Какого черта там произошло?

— Политика, — прозвучал короткий, малосодержательный ответ.

— А поточнее нельзя сказать? — спросила Кали.

— Уверен, что капитан и сам все расскажет, как только вернется с заседания Конклава, — заверил молодой кварианин. — Прошу вас, потерпите еще пару дней.

— Похоже, выбора у нас все равно нет, — проворчал Гендель. — Но мое терпение уже истончилось до предела.

Гоуло не понравился Грейсону с первого взгляда.

Невидимка организовал их встречу на Омеге, чтобы они могли обсудить планы по нападению на Кочующий Флот. Для разговора была выбрана небольшая съемная квартира в районе, управляемом группировкой Когтей. Склад, где Грейсон застрелил Пэла, располагался в какой-то паре кварталов от этого места. Комната была абсолютно пустой, если не считать двух стульев, стола и собеседников.

— Можете смело хоронить эту затею, — провозгласил Гоуло вместо приветствия. — Проникновение на корабли квариан невозможно.

— У них моя дочь, — возразил Грейсон, стараясь говорить как можно более сдержанно, хотя гнев уже подступал к горлу. — И я собираюсь вернуть ее. Мне говорили, что ты можешь в этом помочь.

Пусть Гоуло и считался союзником «Цербера», но при этом он предал собственный народ. Грейсон же презирал всякого, кто способен в погоне за личной выгодой повернуться спиной к сородичам. Подобное поведение противоречило всему, во что он верил.

— Кочующий Флот состоит из пятидесяти тысяч кораблей, — напомнил Гоуло. — Даже если ваша дочь и там, как вы угадаете, где именно ее искать?

— Того пилота, которого замучил Пэл, звали Гайло'Яаа вас-Иденна. Разведывательное судно «Циниад» было приписано к крейсеру «Иденна». И кто бы ни пытался спасти пленного, он наверняка принадлежал к тому же экипажу. Джиллиан должна находиться у них.

— Звучит разумно, — признал Гоуло. Но что-то в его манере держаться смущало Грейсона. Его собеседник словно играл с ним, зная все эти факты наперед. — Вот только все это не имеет никакого смысла. Вам и на пушечный выстрел не подойти к крейсеру. Даже если полетите на «Циниаде», патрули разнесут его в клочья, если у вас не будет пароля и нужного номера частоты.

— Есть у меня и номер, и пароль, — заверил Грейсон. — Пилот сказал мне его перед смертью.

Гоуло рассмеялся:

— Но откуда вам знать, что это настоящий пароль? Что, если он обманул вас?

Перед глазами Грейсона вновь встал образ кварианина из подвала. Пэл имел какое-то шестое чувство, позволявшее безошибочно угадывать, когда его жертвы пытались врать. Дознание всегда было его коньком.

— Информация точная, — сказал агент. — Мимо патрулей мы пролетим.

— Ваша уверенность в своих силах воодушевляет, — отозвался Гоуло, и Грейсону послышалось ехидство в его голосе.

Отец Джиллиан знал, что именно с этим кварианином вел свои дела Пэл. Чужак помогал захватить «Циниад», и Грейсон подозревал, что он был причастен и к предательству.

— За эту работу получишь десятикратный гонорар, — сказал агент, уже с трудом сдерживая гнев.

Они нуждались в Гоуло. Одного только знания паролей не хватало; для успешного завершения миссии нужен был кто-нибудь сведущий в протоколах и традициях Кочующего Флота. К тому же одного только автоматического переводчика не хватило бы, чтобы поддерживать разговор с патрулями.

— Десятикратный? — Чужак немного подумал. — Щедро. Но стоит ли ради денег рисковать жизнью?

— У тебя также появится шанс отомстить, — напомнил Грейсон, пытаясь подсластить предложение. Из записей Пэла ему было известно, что Гоуло затаил глубокую злобу на изгнавших его соплеменников и мечтал однажды отплатить им. И сейчас этот козырь мог помочь вернуть Джиллиан. — Флот изгнал тебя. Унизил. Теперь ты сможешь ответить им так, что они никогда этого не забудут. Помоги нам, и мы поможем тебе.

— Знаешь, парень, а ты мне нравишься, — нахально рассмеялся чужак, и Грейсона чуть не стошнило от омерзения.

— Так ты участвуешь? — потребовал агент.

— Вначале следует решить еще несколько вопросов, — произнес Гоуло, как бы соглашаясь. — «Циниад» и пароль позволят нам проскочить мимо патруля. Но ведь надо еще как-то уничтожить любую связь «Идейны» с внешним миром, иначе они мгновенно известят остальную флотилию о нападении.

— Об этом мы позаботимся, — заверил Грейсон, зная, что «Цербер» уже раздобыл необходимое оборудование. — Еще вопросы?

— Нам нужны планы внутренних помещений крейсера.

— «Иденна» — списанный батарианский крейсер класса «Генса», — уведомил агент, выкладывая полученную от Невидимки информацию. — У нас есть его планы.

— Потрясающе, — сказал Гоуло. — Возможно, у этого предприятия все-таки есть какие-то шансы на успех. Если, конечно, и ты, и твои люди будут делать все в точности как я прикажу.

— Об этом не беспокойся. — Грейсон стиснул зубы и протянул ладонь, чтобы рукопожатием скрепить сделку. — С нами проблем не будет.

ГЛАВА 22

Капитан вернулся на «Иденну» лишь через три дня.

Все это время Кали развлекалась тем, что исследовала крейсер и знакомилась с кварианами и местной культурой.

Женщина очень быстро поняла, что все ее прежние представления об этом народе либо ошибочны, либо являются крайне искаженной правдой. Ей всегда казалось, что квариане — раса бродяг, попрошаек и воров, преступный сброд, не заслуживающий никакого доверия. Но теперь доктор увидела перед собой целеустремленный, талантливый народ. Они просто пытались выжить в условиях ограниченных ресурсов и нехватки свободного пространства. При этом им удалось сохранить свою культуру и не позволить социуму скатиться к анархии и эгоизму. В этом им помогало удивительное чувство коллективизма.

Было что-то благородное в этом союзе, который все пережитые испытания только укрепляли.

Каждый кварианин действительно верил в то, что лишь в единстве кроется ключ к выживанию расы. Семейные связи здесь были крепки, как ни в одной другой культуре, и любой был готов пожертвовать собой ради общего блага. Кали подумалось, что эти существа заслуживают восхищения других народов, вот только те никак не могли отбросить свои предубеждения и подозрительность.

Пока Кали путешествовала по кораблю, Гендель и Джиллиан практически безвылазно просиживали на яхте Грейсона и развивали биотические таланты девочки. Несмотря на безликие гермокостюмы, Джиллиан до сих пор испытывала сложности в общении с незнакомцами и предпочитала находиться в более знакомой обстановке.

Время от времени к ним заглядывали Лемм и Сеето, но, к сожалению, оба держали рот на замке, и ни Кали, ни Генделю ничего не удавалось узнать о политической обстановке во флоте квариан. Было крайне неприятно ощущать себя пешкой в чужой игре, но Кали заверили, что скоро она получит все желаемые ответы, — капитан Мал вернулся и собирался встретиться с ней.

Трое беглецов в ожидании визита облачились в гермокостюмы. Лемм предупредил их об этом за день до прибытия Мала, сказав, что так они смогут показать уважение к традициям квариан и самому капитану. Гендель же заметил, что, поскольку им ничего не известно о результатах совещания, стоит делать все возможное, чтобы Мал оставался на их стороне.

Пусть и нехотя, но Кали подчинилась. Ей не хотелось без лишней нужды надевать скафандр, хотя она и сама не могла понять, что именно в нем ее раздражает. Все полученные гермокостюмы обладали полноценными системами климат-контроля, и в них никогда не было жарко. Кроме того, они были изготовлены из тонкого материала, практически не мешавшего двигаться, а удобная конструкция лицевого щитка и усилители звука позволяли видеть и слышать ничуть не хуже, чем без шлема.

И все-таки доктор чувствовала себя в нем неуютно. Скафандр полностью лишал ее привычных осязательных ощущений, таких как мягкое тепло кожи при прикосновении к подлокотнику кресла или холодный металл столешницы, по которому она порой любила побарабанить пальцами. Кали даже не могла провести ладонью по волосам.

В отличие от своей наставницы, Джиллиан, напротив, влюбилась в свой гермокостюм и за все это время сняла его только один раз. Она носила его даже во время биотических тренировок с Генделем.

Кали знала, что бывший начальник службы безопасности находит странной эту неожиданно возникшую привычку девочки, но при этом решил не возражать, раз уж Джиллиан так удобнее. Он только требовал снимать шлем и перчатки во время занятий, и девочка подчинялась, хотя и не без некоторых капризов.

Тот факт, что теперь она вместо молчаливого повиновения могла возмутиться или начать спорить, только подчеркивал происшедшие в ней перемены. В разговоре с Генделем Кали обратила внимание на то, какого прогресса добилась их воспитанница, и даже высказала свою теорию касательно того, что теперь Джиллиан ощущает себя в большей безопасности. Но Гендель придерживался иного мнения:

— Думаю, все дело в том, что «Цербер» перестал пичкать ее наркотиками.

Эта мысль немного тревожила доктора. К тому же Кали была несколько удивлена тем, что сама не пришла к подобным выводам.

Вряд ли состояние девочки объяснялось только проводимой Джиро химиотерапией, но уколы вполне могли усилить симптомы. И то, что Грейсон добровольно позволил экспериментировать на собственной дочери, выходило за пределы понимания доктора Сандерс.

Из раздумий Кали выдернул шум открывающегося шлюза.

— А они не привыкли стучаться, верно? — пробормотал Гендель, поднимаясь из

кресла, чтобы приветствовать посетителей.

Кали и Джиллиан последовали его примеру.

Доктор Сандерс ожидала увидеть что-то вроде почетного караула или хотя бы наряд обычных охранников, сопровождавших капитана, но если они и были, то остались снаружи. Не считая Лемма, Мал был один.

— Благодарю за приглашение, — произнес он, обменявшись со всеми рукопожатиями.

— Для нас честь принимать вас у себя, — ответила Кали. — Прошу, садитесь и почувствуйте себя как дома.

Поскольку в пассажирском отсеке было только четыре кресла, то, как только взрослые расселись, Джиллиан запрыгнула Генделю на колени. Доктор очередной раз поразилась прогрессу, достигнутому девочкой менее чем за две недели.

Но едва они начали беседу, как их прервал короткий приглушенный писк из-под маски Мала — сигнал того, что на радиоприемник, встроенный в его шлем, поступило новое сообщение.

Капитан поднял руку, призывая остальных к молчанию, и ответил на вызов. Кали не могла слышать, что ему говорят, но потом увидела, как Мал кивнул.

— Направьте их к седьмому доку, — приказал он. — И скажите, что мы счастливы их возвращению.

— Прошу простить, — произнес капитан мгновение спустя, обращаясь к сидящим перед ним людям. — В мои обязанности входит подтверждать право на стыковку каждого прибывающего судна.

— Вам надо уйти? — спросила Кали.

— Нет, — покачал головой кварианин. — Айли и ее отряд сами со всем разберутся. А мы пока сможем обсудить наши дела.

— И что же это за дела? — спросил Гендель, отбросив такт и формальности.

Кали не могла его винить: она и сама была готова сорваться. К их счастью, капитан не возражал против такой формы диалога.

— Кочующий Флот погибает, — непринужденным тоном сказал он. — Это будет долгая, медленная и даже почти незаметная смерть, но нельзя отворачиваться от фактов. Наш вид находится на пороге тяжелого кризиса. Еще восемьдесят или девяносто лет, и население окажется слишком большим, чтобы его могли вместить наши корабли.

— А мне казалось, что вам удастся поддерживать нулевой прирост населения, — произнесла Кали, вспомнив, что Сеето рассказывал об универсальной, строго соблюдаемой политике контроля рождаемости.

— Наша численность стабильна, но не сам Флот, — объяснил Мал. — Корабли стареют и разрушаются быстрее, чем нам удастся отремонтировать их или заполучить новые. Постепенно у нас остается все меньше и меньше пространства для жизни, но ни Конклав, ни Адмиралтейство не желают ничего предпринять. Боюсь, к тому времени, как они поймут, что надо что-то делать, будет уже слишком поздно.

— И как это связано со мной? — поинтересовалась Кали. — Почему мне задавали все эти вопросы про гетов и Жнецов?

— Существует небольшая, но постепенно увеличивающаяся коалиция капитанов, которые убеждены, что только решительные меры могут спасти кварианскую нацию от уничтожения, — пояснил Мал. — Мы предлагаем переоборудовать несколько самых крупных кораблей и подготовить их к дальним полетам. В наших планах — совершить несколько двух- и пятигодичных путешествий к не нанесенным на карты участкам космоса и проверить некоторые из оставшихся неисследованными ретрансляторов массы.

— Полагаю, это достаточно опасно, — заметил Гендель.

— Так и есть, — признал капитан. — Но это наша единственная возможность обеспечить выживание квариан как вида в длительной перспективе. Иначе нам остается разве что вернуться в Вуаль Персея и попросить гетов отдать наш мир.

— Вы и в самом деле полагаете, что где-то в неизведанных областях галактики сможете

найти один из так называемых кораблей-Жнецов? — спросил Гендель.

— Я верю, что это лучше, чем ничего не делать и дожидаться вымирания расы.

— Звучит разумно, — согласилась Кали. — Но почему ваше предложение вызывает такой протест?

— Наш социум очень хрупок, — объяснил Мал. — Даже малейшие перемены способны вызвать необратимые процессы. Потеря нескольких крупнейших кораблей серьезно ослабит весь Флот — во всяком случае, до их возвращения. И большинство представителей Конклава не готовы пойти на такой риск. Их страх понятен, — продолжал капитан. — Почти три века Конклав и Адмиралтейство прилагали все усилия, чтобы сохранить хотя бы то малое, что у нас осталось. И это неизбежно привело к выработке консервативной, осторожной политики. Прежде она хорошо работала, но сейчас пришло время приспособливаться к изменившимся обстоятельствам. Необходимо принять новые решения, провести реформы. Но, к сожалению, на нас давит груз традиций, население боится перемен. Потому-то, Кали, — добавил Мал, — и было настолько важно показать вас представителям советов. Мы должны перетянуть остальных на свою сторону, убедить их, что риск необходим. Даже если нам не удастся найти Жнеца или другой способ изгнать гетов из Вуали Персея, мы все равно можем обнаружить пригодные для жизни миры.

— Но мое выступление было бессмысленным, — возразила Кали. — Сплошные гипотезы и предположения. Мне не известно ничего полезного ни о гетах, ни о Жнецах. И я не утверждала, что вы сможете найти что-то в неисследованном космосе.

— Это и не важно, — объяснил Мал. — Мой народ верит, что вы обладаете познаниями, способными помочь нам одержать верх над гетами; и какая разница — так ли это на самом деле? Вы для нас — символ надежды на будущее для нашей цивилизации. И если другие капитаны увидят, что вы присоединились ко мне, мне проще будет заручиться их поддержкой. Вот поэтому наши соперники и желают, чтобы вы покинули «Иденну».

— Покинули? — опасно поинтересовался Гендель. — Они что, собираются вышвырнуть нас из Флота?

— На это они не пойдут, — заверил Мал. — Вы тут же будете объявлены мучениками, пострадавшими за правду. А это обеспечит сторонникам перемен еще большую поддержку. Надо заметить, кое-кто из моих противников даже готов предложить вам место на своих кораблях, если вы решите оставить «Иденну». Они полагают, что таким образом обеспечат поддержку населению своей позиции.

— Мне не нравится быть пешкой в политических играх, — мрачно сказала Кали.

— Понимаю, — сочувственно произнес Мал. — И мне жаль, что приходится ставить вас в подобное положение. Если решите не участвовать во всем этом, вы вольны в любой момент покинуть Кочующий Флот.

Доктор нахмурилась. Улететь они не могли: «Цербер» наверняка продолжал их разыскивать.

— Прошу тебя, Кали, — добавил Лемм. — Отправка исследовательских экспедиций — единственная надежда моего народа на выживание.

Честно говоря, Лемм мог бы добиться ее согласия, просто напомнив о том, что он спас их жизни на Омеге. Но Кали успела узнать о кварианской культуре достаточно, чтобы понимать: юноша ни за что бы не стал принуждать их. Впрочем, от долга это не избавляло. Да и замысел Мала не был лишен смысла.

Она уже собиралась дать ответ, когда по всей «Иденне» завывали сирены.

— Очень скоро мы выясним, насколько точной была твоя информация, — прошептал Гоуло, когда навстречу «Циниаду» устремились несколько патрульных фрегатов, охранявших Кочующий Флот.

Внутри захваченного судна набились десять прошедших особую подготовку командос «Цербера». И это если не считать Гоуло, Грейсона и пилота, обученного управлению кварианскими кораблями. Каждый, кто находился на борту, был облачен в полный комплект

тяжелой штурмовой брони, усиленной кинетическими щитами, и имел при себе мощную автоматическую винтовку.

— Открыть канал связи, — приказал Гоуло, и пилот «Цербера» незамедлительно подчинился.

Технически этой операцией командовал Грейсон, но во многом ему приходилось делиться своей властью с изгоем, чьи познания о кварианах трудно было переоценить.

Пару секунд спустя динамики закашлялись и люди услышали вызов одного из патрульных кораблей:

— Вы входите в запретную зону. Идентифицируйте себя.

— Говорит исследовательское судно «Циниад». Борт приписки — «Идейна», — ответил Гоуло. — Запрашиваю разрешения присоединиться к основному флоту.

— Подтвердите свою личность.

Грейсон затаил дыхание, слушая, как чужак нараспев произносит кодовую фразу:

— Тело мое улетает к звездам, душа же никогда не покинет Флот.

Им пришлось немного подождать, пока патруль пришлет ответ:

— «Идейна» подтверждает ваш позывной. Добро пожаловать домой, «Циниад».

Гоуло прервал связь.

— Летим спокойно и медленно, — приказал он пилоту. — Наше поведение не должно их настораживать.

Найти «Иденну» среди всей этой армады оказалось на удивление просто. Каждое судно постоянно подавало уникальный коротковолновый сигнал. Поскольку «Циниад» был приписан к ней, «Иденна» тут же возникла на навигационном дисплее в виде зеленой точки, резко выделявшейся на фоне красного скопления кораблей.

Как только они сблизились с крейсером, Гоуло вновь включил коммуникатор:

— Вызывает «Циниад». Запрашиваю разрешения на посадку.

Спустя несколько секунд рация откликнулась:

— Говорит «Идейна». Даю разрешение. Направляйтесь к седьмому доку. Капитан передает, что рад вашему возвращению.

— Мы и сами рады, — ответил Гоуло. — Прошу прислать наряд службы безопасности и карантинную бригаду.

С этими словами он отключил переговорное устройство.

— Наряд? — подозрительно спросил Грейсон.

— Стандартный протокол, — ответил изгой. — Если бы я этого не сказал, они могли бы заподозрить неладное.

— Они будут вооружены?

— Скорее всего. Но не станут ожидать ничего плохого. Твоим людям не составит труда справиться с ними.

Грейсон ощутил, как его желудок на секунду словно провалился вниз — их судно заходило на посадку. Впервые за последние несколько дней мужчине отчаянно захотелось принять дозу наркотического порошка, но он подавил это желание и заставил себя сосредоточиться на предстоящем деле.

Все трое, находившиеся в кокпите, хранили гробовое молчание, пока не услышали лязг стыковочных зажимов.

— Навести оружие на цель, — приказал Грейсон, и пилот кивнул. — Без приказа не стрелять.

«Цербер» немного доработал конструкцию «Циниада», установив небольшой, но очень мощный лазер. Одного точного попадания должно было хватить, чтобы уничтожить внешний передатчик «Идейны», лишив крейсер всякой связи с внешним миром и возможности предупредить остальной флот.

Но все действия требовалось выверять с предельной точностью. Отключить блоки внутренней связи было невозможно) и экипаж «Иденны» был бы оповещен о нападении в ту же секунду, как только крейсер лишился бы антенны. Грейсон собирался вначале дожидаться

прибытия наряда охраны и разобраться с ничего не подозревающим противником.

— Группе альфа! — приказал агент, включив переговорное устройство в шлеме боевой брони. — Как только откроется шлюз, к вам поднимутся гости. Доложите, когда закончите с ними.

Прошло несколько мгновений, и Грейсон услышал короткие винтовочные очереди, протрещавшие возле самого корабля.

— Противник уничтожен, — сообщил командир ударной группы. — С нашей стороны потерь нет.

— Разрушить передающую антенну, — распорядился Грейсон, и пилот одним аккуратным выстрелом начисто срезал параболу передатчика. Почти в то же мгновение по всему крейсеру звывли сирены.

— Веселье начинается, — произнес Гоуло, и Убийца понял, что под маской изгой улыбается.

ГЛАВА 23

— Что происходит? — спросила Кали, пытаясь перекрыть сирену.

Капитан молча и напряженно прослушал еще одно сообщение, а затем передал услышанное остальным:

— С нами только что состыковался «Циниад», один из наших разведывательных кораблей. Они расстреляли нашу внешнюю антенну.

— Я как раз занимался поисками «Циниада», когда нашел вас на том складе, — торопливо заговорил Лемм. — Мне казалось, что ваши похитители были как-то связаны с долгим отсутствием этого корабля.

— «Цербер», — произнес Гендель. — Они пришли за Джиллиан.

— Что с теми, кто отправился их встречать? — спросила Кали, вспомнив прошлый приказ капитана. — Кажется, должна была пойти Айли и ее подчиненные?

— С ними нет связи, — угрюмо ответил Мал.

Все понимали, что значат эти слова.

— Если на вас напал «Цербер», то их отряд направляется прямо к этой яхте, — предупредил Гендель. — Они захотят отобрать Джиллиан и быстро убраться, чтобы не сталкиваться с серьезным сопротивлением.

— На борту есть оружие? — спросил Лемм.

Кали покачала головой:

— В винтовке, которую я подобрала на складе, почти не осталось патронов. Гендель, конечно, биотик, но его сил вряд ли будет достаточно.

— Вызовите подкрепление, — предложил Гендель.

— Им не успеть, — возразил Мал. — «Циниад» пристыковался всего в двух отсеках от нас.

«Мы даже не успеем запечатать яхту и улететь, — неожиданно поняла Кали. — Нам ни за что не удастся вовремя отсоединить зажимы».

— Уходим, — сказала она, вскакивая. — Здесь нам долго не продержаться.

Все пятеро — два кварианина и три человека — выскочили из яхты и побежали через ангар «Иденны». Генделю приходилось полунести на себе Джиллиан, чтобы она могла поспевать за остальными. Завывание сирен не позволяло девочке сориентироваться, и сама бы она передвигалась медленными, осторожными шажками.

— К торговому залу! — прокричал Мал. — Там есть арсенал.

Пробегая по переполненным кварианами коридорам, Кали боялась даже подумать о том, что случится, когда солдаты «Цербера» найдут яхту Грейсона пустой. Местные обитатели не имели никаких оснований спастись собственного корабля, да и легкий доступ к оружию в столь стесненных условиях жизни мог бы привести к трагическим последствиям. Поэтому хоть как-то обороняться могли разве что охранники. Появление на жилых палубах

разъяренных агентов «Цербера» могло обернуться настоящей катастрофой.

Мал выкрикивал какие-то приказы по рации, пытаясь вызвать подкрепление, способное дать противнику отпор.

— Надо защитить гражданских! — окликнула капитана Кали. — Уводите их к торговому залу. Если этого не сделать, могут погибнуть сотни.

Тот кивнул и передал необходимые указания на мостик.

«Как они смогли нас найти? — размышляла на бегу доктор Сандерс. — Неужели во всей галактике нет места, где Джиллиан могла бы чувствовать себя в безопасности?»

Добравшись до старой яхты Грейсона, отряд «Цербера» обнаружил, что она пуста.

— Должно быть, решили спрятаться где-нибудь на крейсере, — высказал предположение Гоуло.

— Много квариан на борту? — требовательно спросил Грейсон.

— Около шести или семи сотен, — прикинул изгой. — Но оружия почти ни у кого не будет. Останься возле яхты с парой солдат, а я с остальными отправлюсь на поиски. Мы найдем Джиллиан и вернемся сюда.

— Она — моя дочь, — покачал головой Грейсон. — Я пойду с вами.

— Забудь! — отрезал Гоуло. — Ты нам будешь только мешать.

— Вообще-то это я возглавляю операцию, — напомнил агент.

— А я здесь единственный, кто способен ориентироваться на кварианском судне, — в свою очередь напомнил предатель. — Без меня вам не справиться, а я не желаю видеть тебя в своем отряде.

— Видишь ли, — продолжал Гоуло чуть извиняющимся тоном, — ты воспринимаешь происходящее слишком лично. Ты не можешь сейчас мыслить здраво и не готов к бою.

Грейсон не нашел что возразить. Он крайне мало спал с тех пор, как совершил побег со склада. И в конце концов, он был лишь стареющим наркоманом, до сих пор не свалившимся с ног только благодаря адреналину и отчаянию. Усталость и ломка притупили его восприятие и замедлили скорость реакции, что могло поставить под удар весь остальной отряд.

— Если ты и в самом деле желаешь снова увидеть дочь, — проникновенным шепотом добавил кварианин, — лучше будет подождать здесь и подготовить яхту к срочному отлету.

Гоуло просто играл с ним, пытаясь давить на эмоции. Изгой было плевать на то, что случится с Джиллиан. Он был просто лживой и подлой сволочью, преследовавшей только личные интересы. Но это не лишало его слова правдивости.

«Они лучше справятся без тебя. Ради успешного завершения операции — и ради Джиллиан — научись ждать».

— Ты, ты и ты, — произнес Грейсон, поочередно ткнув пальцем в направлении пилота и двух солдат, — остаетесь со мной. Остальные пойдут с Гоуло. Запомните, у нас только тридцать минут, чтобы убраться отсюда.

— Кстати, если наши цели укрылись на кварианском судне, они наверняка будут одеты в гермокостюмы, — будто невзначай добавил Гоуло.

Грейсон тихо выругался себе под нос. Это могло сильно усложнить им задачу.

— Джиллиан нужна Невидимке живой и невредимой, — напомнил он тем восьми штурмовикам, что уходили с Гоуло. — Не стрелять ни по кому, чей рост ниже, чем у взрослого кварианина.

— Во всяком случае, пока не пересчитаете пальцы, — рассмеялся изгой.

— С мостика сообщают, что уже начали опускать аварийные шлюзы, разделяющие отсеки, — сказал Мал, вынимая оружие из шкафчика, расположенного в том же помещении, где хранились продовольствие, медикаменты и прочие особо важные припасы. — Это не сможет надолго задержать противника, но замедлит его продвижение. Тем временем население успеет эвакуироваться на верхние палубы, и я приказал всем отрядам охраны

спуститься сюда, к нам.

Кали приняла из его рук штурмовую винтовку и вскинула ее к плечу, привыкая к весу. Это была дешевая волосская подделка под распространенную турианскую модель — простенькое оружие, но все же лучше, чем ничего.

Оглядевшись по сторонам, доктор Сандерс попыталась прикинуть их шансы. От стыковочных отсеков в торговый зал вел лишь один люк; чтобы добраться до него, солдатам «Цербера» предстояло пробежать по длинному и узкому коридору. Но если бы им удалось прорваться в зал, то здесь их ждала бы масса укрытий в виде разбросанных по всему помещению огромных ящиков и бочек с товарами. Хорошо организованная ударная группа могла без особых проблем рассредоточиться и окружить бойцов Мала. Защитники же корабля имели только один путь к отступлению — вверх, к набитым мирными жителями палубам.

Два отряда охраны уже прибыли на место. А к тому времени, как Мал закончил вооружать Кали, Лемма и Генделя, с верхних этажей спустились еще четыре группы.

— Всем рассредоточиться и найти укрытие, — приказал капитан. — Старайтесь как можно дольше удерживать двери. Отступаем к верхней палубе по первому моему сигналу.

Квариане бросились занимать позиции, и Кали посмотрела на Джиллиан. Девочка стояла неподвижно и даже не оглядывалась по сторонам; она просто смотрела прямо перед собой, а руки ее безвольно повисли вдоль тела.

— Скажи, ты помнишь, где живет Сеето? — спросила Кали, стараясь не думать о том, что ни молодого охранника, ни Айли и Уго, скорее всего, уже нет в живых.

Поначалу девочка никак не реагировала, а только молча глазела в пустоту.

— Джиллиан! — закричала Кали. — Это очень важно!

Ребенок медленно повернул голову.

— Ты помнишь, как Сеето показывал нам свою комнату? — повторила доктор. Девочка кивнула. — Знаешь, как туда попасть?

— Подняться на одну палубу, — ответила Джиллиан, и совершенно монотонный голос подтвердил, что она все глубже погружается в состояние отрешенности. — Первая комната в группе. Четвертый проход, шестой ряд.

— Ты должна отправиться туда и ждать, пока не приду я или Гендель! — продолжала кричать Кали. — Понимаешь? Беги в комнату Сеето и спрячься!

Джиллиан вновь ответила привычным коротким кивком, после чего отвернулась и медленным шагом направилась к лифту.

— По лестнице, Джиллиан, — сказала вслед Кали, вспомнив, что корабль переведен на чрезвычайное положение и лифт обесточен. — Тебе придется подняться по лестнице.

Девочка даже не оглянулась, но беспрекословно сменила направление и зашагала к ступеням.

— Уверена, что ее можно отпускать одну? — спросил Гендель, одновременно проверяя состояние прицела и системы автоматического нацеливания.

Кали вовсе не была уверена. По правде говоря, ей была ненавистна сама мысль об этом. Но и другого выхода она тоже не видела.

— Ей нельзя оставаться здесь, — сказала доктор. — И отослать с ней сопровождающего мы тоже не сможем. Малу сейчас нужен каждый, кто способен держать оружие, если мы, конечно, планируем отбиться.

Гендель кивнул, соглашаясь со столь мрачной оценкой ситуации, и побежал к нескольким железным бочкам, откуда отлично простреливался коридор, ведущий от стыковочных отсеков. Кали последовала его примеру и поспешила укрыться позади огромного стального ящика, наполненного горшками и тарелками.

«Цербер» не заставил себя ждать.

Штурм начался с горсти противопехотных гранат, пролетевших по коридору и приземлившихся в торговом зале. Бойцы Мала оказались достаточно благоразумными, чтобы не занимать позиций слишком близко от двери, поэтому никто не пострадал. Но взрывы

разметали по воздуху несколько ящиков и их содержимое. Вряд ли это могло причинить кому-нибудь серьезный вред, но позволило на секунду отвлечь внимание оборонявшихся, и по проходу стрелков промчалась первая пара солдат «Цербера».

Кали, как и все остальные, начала стрелять, пытаясь отбросить неприятеля, но штурмовики, положившись на надежность кинетических щитов, открыли ответный огонь и благополучно добежали до укрывшей их пирамиды ящиков.

Их затея могла бы и сработать, если бы не Гендель. Пока Кали и квариане обрушивали на мощные щиты потоки малоэффективных пуль, биотик накапливал силы для удара. И едва враги успели спрятаться за выглядевшим особенно надежным ящиком, Гендель вскинул его в воздух, и штурмовики вновь оказались под шквальным огнем. Их броня еще не успела полностью восстановить заряд щитов и не могла выдержать нового града пуль. Обоих мужчин разорвало на части, и Кали даже испытала нечто вроде триумфа.

Но ее эйфория была недолгой. За первой группой с разницей в пару секунд, используя ту же тактику, ворвалась и вторая. Генделю требовалось время, чтобы восстановиться перед новым использованием сил, и за этот срок враги успели отсидеться за одной из бочек. Там они восстановили щиты и с новыми силами бросились в бой.

Они перебегали от одного ящика к другому, постоянно меняя направление и растворяясь в лабиринте этого бесплатного рынка. Кали сосредоточила все свое внимание на ближайшем штурмовике и вскоре полностью потеряла из виду двух других. Доктор пыталась свалить свою цель точной очередью, но ее противник прекрасно осознавал пределы кинетического барьера и всякий раз нырял в укрытие за секунду до его полной разрядки.

Насколько могла догадываться Кали, солдат «Цербера» прорывался к дальней стене, пробежав вдоль которой сумел бы зайти защитникам корабля в спину. Краем глаза доктор заметила, как один из квариан высунулся из-за ящика, чтобы помешать, но, попав под огонь третьей группы штурмовиков, тут же был вынужден нырнуть обратно.

Теперь Кали увидела, в насколько безнадежной ситуации оказались оборонявшиеся. Хотя защитников и было в два, а то и в три раза больше, но зато на стороне нападавших было тактическое и технологическое превосходство. Они обладали лучшим вооружением, лучшей броней и даже лучшей боевой подготовкой. Половина же команды Мала, включая Лемма, самого капитана и Кали, не имели защитных костюмов.

А еще у солдат «Цербера» имелись гранаты.

С противоположной стороны зала донесся новый раскатистый грохот. Оглянувшись на звук взрыва, доктор разглядела сквозь дым обгоревшие трупы двух квариан.

По счастью, на стороне защитников оказался Гендель. Великан высунулся из-за ящика и вновь выпустил на свободу биотический дар. Двоих бойцов «Цербера» подбросило в воздух и приложило о ближайшую стену. Один из них, хотя и тяжело ударился, сумел быстро вскочить на ноги и нырнуть в укрытие. Кали же нажала на спусковой крючок и сделала все, чтобы того же не смог сделать второй.

Но уже в следующее мгновение по воздуху промчалось тело самого Генделя, — очевидно, в отряде «Цербера» тоже был свой биотик. Бывший начальник охраны удивленно вскрикнул и сполз по стене, рухнув на пол возле входа в то хранилище, откуда Мал доставал для них оружие.

— Гендель! — воскликнула Кали, с трудом подавив самоубийственный порыв покинуть укрытие и броситься к товарищу.

Боевые инстинкты, отточенные годами тренировок в Альянсе, заставили ее вновь переключить все свое внимание на врага. На войне как на войне, и даже друзья порой погибают. И бывает так, что ничего нельзя поделать до тех пор, пока враг не будет разбит.

Она удерживала позицию, тщательно выбирая мишени. На ее глазах пал еще один штурмовик, — значит, осталось еще пятеро, включая биотика. Но со всех сторон доносились крики раненых солдат Мала. Вскоре вражеский «колдун» вновь высвободил свои таланты и отбросил в сторону бочку, защищавшую кварианина-снайпера; тот мгновенно погиб под огнем солдат «Цербера».

— Отходим! — прокричал капитан неизбежный приказ. — Отходим!

Кали не хотелось бросать Генделя, но, попытавшись помочь ему, она гарантированно попала бы под пули. С трудом сдерживая слезы, доктор дала еще одну длинную очередь, прикрывая отступление.

Джиллиан брела между жилыми комнатами квариан, молча отсчитывая ряды, пока не увидела перед собой оранжевую занавеску. Откуда-то издалека доносились резкие и звонкие звуки, которые девочка не могла — или же не хотела — опознать.

Она понимала: происходит нечто неправильное и отчасти вина лежит на ней самой. Но как бы Джиллиан ни старалась собрать вместе кусочки мозаики, правда ускользала от нее. Все это казалось кошмарным сном, и девочка погрузилась в некое подобие транса, в то время как ее разум улавливал лишь какие-то ничтожные частички происходящего.

Например, она осознавала, что вокруг должно быть куда больше людей. Ее посещали смутные, обрывочные воспоминания о толпе, бурлящей в проходах между комнатами. Помнила она и шум голосов; прежде они всегда гудели вокруг подобно рою потревоженных пчел. Но сейчас жилища опустели, все было тихо и спокойно. И это тоже казалось неправильным. Вот только Джиллиан никак не могла понять — почему?

Кали сказала ей спрятаться в комнате Сеето, и девочка отдернула занавеску. Помещение выглядело не таким, каким она его запомнила. Матрас оказался сдвинут на полфута в сторону, и кто-то развернул плиту на девяносто градусов.

Джиллиан знала, что люди порой переставляют вещи. Но ей это не нравилось. Беря какой-то предмет, его надо было потом вернуть в точности на то же самое место.

«Мне здесь не нравится. Я хочу обратно на яхту».

Она выпустила занавеску и отвернулась. Медленными, неуверенными шагами девочка зашагала обратно по узким проходам к лестнице, ведущей на палубу ниже. Но при этом она избрала более долгий путь, чем тот, которым пришла к комнате Сеето.

Кали взбежала по лестнице, понимая, что все станет только хуже, когда сражение выплеснется в жилой отсек. Даже если все успели эвакуироваться, бой должен был превратиться в безумную беготню по пересекающимся коридорам, где у тяжеловооруженных солдат «Цербера» будет еще большее превосходство.

Несколько людей Мала заняли позиции неподалеку от лестницы, нацелив винтовки на дверь, чтобы встретить огнем преследовавших их врагов. Кали же сразу побежала к комнате Сеето, чтобы забрать Джиллиан.

Отдергивая занавеску, она уже слышала первые звуки перестрелки. Она знала, что времени у них немного. Если «Цербер» настолько быстро сломил оборону квариан в торговом зале, то в этих коридорах сражение тем более не должно было затянуться. Противник получал здесь слишком большую свободу перемещения, и у защитников не было ни малейшей возможности хоть как-то прижать штурмовиков. Кварианам оставалось только бестолково бегать по проходам, стараясь не попадаться врагам.

Но из-за оранжевой занавески на Кали посмотрела только пустая комната.

Джиллиан все еще блуждала по коридорам, когда поняла, что те громкие звуки, которые ее сознание отказывалось опознавать, стали куда более громкими. Она увидела, как мимо пробегает кварианин с ружьем в руках, — и вот тогда до нее наконец дошла истинная природа странного шума.

«Я не хочу здесь находиться! — кричал ее разум. — Надо спрятаться на яхте».

Именно так Джиллиан и намеревалась поступить. Теперь грохот выстрелов несся сразу со всех сторон: спереди, сзади, даже с боков. Но перегруженное сознание аутиста просто отказалось воспринимать шум, и девочка продолжала идти к лестнице.

Повернув налево, она чуть не налетела на мужчину и женщину. Это не были квариане: на них не было гермокостюмов.

У обоих имелись шлемы, но щитки закрывали лишь две трети лица. А еще на них были надеты смешные громоздкие жилеты, защищавшие грудь, шею и плечи. Каждый человек сжимал в руках оружие и сейчас целился прямо в нее.

Джиллиан продолжала идти прямо на них, словно не замечая чужого присутствия.

— Отставить огонь! — крикнула женщина, опуская винтовку. — Это она! Дочь Грейсона!

Мужчина тоже опустил оружие и бросился к девочке, чтобы схватить ее.

Даже не задумываясь над тем, что делает, Джиллиан сжала ладонь в кулак, а затем выбросила руку вперед — в точности как учил Гендель. Штурмовика оторвало от пола и с силой припечатало об угол одной из комнат. Раздался хруст, и тело мужчины странно изогнулось.

— Святая Богороди... — воскликнула женщина, но Джиллиан заткнула ее на полуслове.

Действуя на одних только инстинктах, девочка протянула вперед руку, вертикально выставив открытую ладонь, а после резко взмахнула кистью. Наемница «Цербера» с такой силой ударилась о потолок, что ее шлем треснул.

Женщина рухнула под ноги Джиллиан, глядя на мир провалившимся внутрь черепа глазами. Из носа, ушей и рта умирающей хлынула кровь. Наемница последний раз дернулась, ударив ногой в стену ближайшей комнаты, и затихла.

Девочка же просто перешагнула через труп и продолжила свое путешествие. Ей удалось добраться до лестницы без дальнейших происшествий и спокойно спуститься на другую палубу.

Сверху все так же доносились звуки выстрелов, но в торговом зале было намного тише. Почувствовав себя лучше, Джиллиан стала монотонно напевать какую-то песенку и направилась к яхте.

Находясь на грани паники, Кали бегала по проходам в поисках своей воспитанницы. Впрочем, благодаря прежнему военному опыту доктор в достаточной мере сдерживала свои нервы, чтобы не наделать глупостей. Так что, прежде чем повернуть за угол, она осторожно выглядывала и осматривалась в поисках врагов.

Отовсюду доносились звуки пальбы, но сама Кали так и не встретила никого из людей «Цербера», если не считать двух убитых солдат, лежавших в одном из проходов. На мгновение ей показалось, что это, должно быть, дело рук Генделя, каким-то чудом пережившего падение с двадцатифутовой высоты. Ведь было очевидно, что подобные травмы мог причинить только биотик. Но затем доктор все поняла: Джиллиан.

С самого первого дня на «Иденне» Гендель много занимался с Джиллиан, обучая ее направлять и контролировать свои силы. Но какого бы потрясающего прогресса им ни удалось достичь в последние недели, она по-прежнему оставалась эмоционально нестойкой, ранимой маленькой девочкой.

Обидевшись на что-то в Академии, она устроила настоящий погром, выпустив на волю свои биотические таланты. И сейчас Кали видела перед собой неопровержимое доказательство того, что гроза разразилась вновь.

«Она напугана, — подумала Кали. — Сбита с толку. И пойдет туда, где чувствует себя в безопасности».

В следующее мгновение доктор Сандерс уже знала, где искать Джиллиан.

Та возвращалась на яхту.

Бросив трупы солдат валяться в проходе, Кали вновь стала осторожно пробираться по коридорам, пытаясь отыскать путь к лестнице.

Гоуло откровенно наслаждался, убивая соплеменников. Пускай он никогда и не принадлежал к экипажу «Иденны», но в каждом застреленном кварианине ему виделись те, кто изгнал его с родного корабля — с «Усэлы».

Нагруженный тяжелой броней и оружием, он уже расправился с шестью охранниками. Двух ему удалось уложить в торговом зале и четырех — в коридорах жилого отсека. Конечно, полученное от «Цербера» превосходное вооружение делало эту охоту несколько нечестной, но именно это-то и доставляло Гоуло удовольствие. По правде сказать, его радость была настолько велика, что изгой даже потерял счет времени. И только когда встроенный в шлем таймер начал тревожно попискивать, Гоуло понял, что у них осталось только десять минут. Девочку найти так и не удалось, но ее судьба мало заботила кварианина-предателя. Пора было возвращаться на яхту и убраться с «Иденны».

Он знал, что остальной отряд продолжит сражаться и искать Джиллиан еще пять минут, но самому Гоуло не хотелось опоздать к отлету.

Со вздохом сожаления он прервал охоту в лабиринте комнат и поспешил обратно к лестнице.

Грейсон нервно мерил шагами пассажирскую каюту безымянной яхты, украденной у него на Омеге. Он посмотрел на часы и понял, что времени осталось меньше десяти минут.

— Ты и ты, — приказал он, ткнув пальцем в сторону двух солдат, помогавших охранять корабль, — выбирайтесь наружу и ищите способ отсоединить стыковочные зажимы.

Он собирался тянуть время до последней секунды, но это не значило, что и все необходимые приготовления следует оставлять на потом. Солдаты устремились к шлюзу, а Грейсон и пилот, доставивший их сюда на кварианском судне, остались сидеть в молчаливом ожидании.

Неожиданно снаружи донесся отчетливый тяжелый хлопок. Заинтересовавшись, Грейсон осторожно направился к шлюзу и увидел, что посреди стыковочного ангара стоит маленькая девочка, полностью скрытая скафандром.

— Папочка... — произнесла она.

И хотя голос ребенка искажался дыхательным аппаратом, Грейсон мгновенно узнал его.

— Джиджи, — произнес агент, припадая на колено и протягивая руки.

Джиллиан двинулась к нему знакомой ватной походкой и подошла достаточно близко, чтобы отец мог коснуться ее. Прекрасно осознавая состояние дочери, Грейсон опустил руки, избегая этого. И вот тогда, к великому его удивлению, девочка сделала еще один шаг и обняла его.

Только прижав Джиллиан к груди, отец впервые увидел бойцов, которых буквально секунду назад отправил наружу, — они лежали на палубе, придавленные опрокинутым погрузчиком, при помощи которого квариане перемещали особо тяжелые грузы. Шеститонная машина, казалось, просто упала на них, раздавив как муравьев.

Сладость объятий была нарушена подошедшим сзади пилотом.

— С-сэр, — дрожащим голосом, заикаясь, произнес он, глядя на изувеченные трупы солдат, — что с ними произошло?

— Некогда объяснять, — отрезал Грейсон, отпуская дочь и распрямляясь. — Давай на борт и прогревай двигатели. Пора улетать.

— Мы не можем улететь, — сказала Джиллиан, и ее отец был удивлен, услышав эмоции в голосе девочки. — Надо дождаться моих друзей.

— Друзей? — ласково спросил Грейсон.

— Генделя, Кали и Лемма, — ответила она. — Лемм — кварианин.

— Солнышко, мы не можем их ждать, — мягко сказал отец.

Девочка скрестила руки и на шаг отступила — еще один жест, прежде ей не свойственный.

— Без них не полечу, — не терпящим возражений тоном произнесла Джиллиан.

Грейсон удивленно моргнул, но потом кивнул:

— Ладно, солнышко, как скажешь. Давай сходим за ними.

Как только Джиллиан отвернулась, собираясь отправиться вглубь «Иденны», агент быстро зашел ей за спину и снял с пояса крошечный станнер. Хватило одного разряда, чтобы девочка безвольно повисла на руках отца.

Испытывая некоторую вину за то, что ему пришлось использовать оружие на собственной дочери, он все-таки не мог себе позволить тратить впустую драгоценное время. Поэтому Грейсон просто подхватил Джиллиан и занес на корабль.

Там он бережно уложил ее на кровать в спальне и снял с нее шлем. В течение нескольких секунд он смотрел в лицо дочери, но полностью насладиться моментом вновь помешал голос пилота:

— Сэр... Стыковочные зажимы по-прежнему держат яхту.

— Так пойди и отключи их, — приказал Грейсон. — Я больше не собираюсь оставлять свою дочь.

Пилот кивнул и оставил их наедине.

— Не волнуйся, Джиджи, — прошептал агент. — Я уверен, теперь о тебе будут хорошо заботиться.

ГЛАВА 24

Кали пробежала по опустевшему торговому залу и направилась к яхте, которую Джиллиан считала своим домом. Она была настолько охвачена желанием найти девочку, пока не случилось что-нибудь плохое, что даже не подумала проверить Генделя.

Доктор чуть сбавила шаг, миновав коридор, отделявший ее от стыковочных ангаров, и дальше пошла тихо, на случай если впереди поджидали агенты «Цербера». Осторожность окупилась. Возле яхты и в самом деле стоял один из штурмовиков, одной рукой набиравший на панели код отключения зажимов, небрежно держа во второй автоматическую винтовку.

Звуки выстрелов могли предупредить остальных охранников, если такие имелись, так что Кали не могла просто воспользоваться своим оружием. Насколько ей было известно, броня стоявшего перед ней человека была оборудована кинетическими щитами, но они программировались с учетом скорости приближающегося объекта. В таких доспехах можно было спокойно присесть или похлопать приятеля по спине. А вот пулю они бы остановили. Даже самый резкий удар прикладом по голове не мог быть достаточно быстрым, чтобы сработали щиты.

Стараясь действовать как можно быстрее, Кали подобралась сзади, перехватив винтовку за ствол и удерживая ее наподобие бейсбольной биты. Подойдя достаточно близко, она пробежала три последних шага, набирая инерцию, и изо всех сил ударила пилота своей импровизированной дубинкой.

При этом топот ее сапог по металлической палубе был услышан солдатом, и он даже предпринял попытку защититься. В момент удара он уже наполовину развернулся, вскинул руку и втянул голову, поэтому приклад угодил скорее в плечо, лишь вскользь пройдя по боковине шлема. Но Кали хватило силы выбить оружие из рук противника, и оно со звоном покатилося по полу. Сам же солдат зашатался, на мгновение утратив равновесие.

Доктор размахнулась повторно, но разделявшее их расстояние было недостаточно большим. Несмотря на то что в этот раз удар пришелся в шлем, его силы не хватило, чтобы вырубить охранника. Слегка оглушенный, мужчина попятился, нащупывая пистолет в набедренной кобуре.

Прокрутив винтовку в руках, Кали перехватила ее так, чтобы иметь возможность нанести прямой удар тяжелым прикладом в лицо. Ее выпад пришелся как раз в нижний край лицевого щитка, раздробив противнику зубы нижней челюсти. Голова штурмовика дернулась назад, и мужчина рухнул на палубу. В следующее мгновение Кали прыгнула на него и, вкладывая в размах всю силу обеих рук, обрушила оружие на его голову.

Даже такой отличный шлем не мог спасти солдата «Цербера» от посыпавшихся на него

мощных ударов. На шестом Кали поняла, что лежащий под ней человек уже никогда больше не поднимется.

Распрямившись, она быстро огляделась по сторонам. Увидев тела двух штурмовиков, прижатые тяжелым погрузчиком, доктор поняла, что девочка и в самом деле проходила здесь.

Тогда, стараясь двигаться как можно тише, Кали пробралась на яхту. Пассажирский отсек оказался пуст, и женщина направилась в кокпит, но только для того, чтобы убедиться, что и там никого нет. Тогда она заглянула в спальню и была изрядно удивлена, обнаружив, что Джиллиан лежит на кровати, а рядом в позе обеспокоенного отца сидит Грейсон.

Нацелив на него отобранный у солдата пистолет, доктор произнесла:

— Отойди от нее, выродок.

Оглянувшись на звук ее голоса, мужчина ошеломленно распахнул глаза. У него ушло несколько секунд, чтобы узнать женщину под скафандром.

— Кали? — пробормотал он.

Она кивнула и дернула в сторону дулом пистолета, заставляя Грейсона медленно подняться и отойти от кровати.

Доктор посмотрела на Джиллиан и поняла, что та лежит без сознания.

— Что ты с ней сделал? Опять обколол наркотиками?

— Нет... станнер, — прошептал Грейсон, и Кали показалось, что он и сам стыдится своего поступка.

Она неожиданно для себя поняла, что, несмотря на все свои проступки, он и в самом деле переживает за дочь. Хотя это делало его верность «Церберу» еще более уродливой и жалкой.

В эту секунду в ребра Кали больно ткнулось дуло пистолета.

— Бросай оружие, — произнес голос из-за спины.

Кали хотелось пристрелить Грейсона, но его смерть не спасла бы Джиллиан. И к тому же доктор сама погибла бы, едва успев нажать на спусковой крючок. Поэтому она повиновалась и уронила пистолет.

— Лицом на пол, руки за голову, — приказал все тот же голос, и ствол вновь ткнулся ей в спину.

Кали вновь подчинилась и услышала, как невидимый противник прошел мимо, направляясь к кровати.

— Не прикасайся к ней, Гоуло, — предупредил Грейсон, и холодная ненависть в его голосе, казалось, заставила шаги остановиться.

Лежа на животе, доктор рискнула чуть повернуть голову. Она была поражена, увидев, что отец девочки общается с кварианином.

Гендель вернулся в мир, влетев в него на волне боли. Каждая кость и каждый мускул в его теле гудели после удара о стену, и муть в голове рассеивалась очень медленно. Поэтому он просто лежал и пытался вспомнить, что именно с ним приключилось. Это удалось ему только спустя несколько секунд. Гендель находился на торговой палубе, где квариане приняли бой с «Цербером».

Он все еще слышал звуки выстрелов, но теперь они доносились откуда-то издалека.

Значит, сражение перетекло на верхнюю палубу.

Стараясь не обращать внимания на боль в протестующих мышцах, он заставил себя подняться. Его немного пошатывало, но спустя некоторое время Генделю удалось обрести равновесие. Осмотревшись, он увидел, что его винтовка все еще лежит на полу, и подобрал ее.

Надо было спасать Кали и остальных.

Прежде чем он успел перебраться через стол, на лестнице послышались тяжелые шаги. Вниз поспешно сбегали два штурмовика «Цербера», но их внимание сейчас было направлено не на Генделя, а на преследовавших их квариан.

«Они бегут! — осознал он. — Мы победили!»

От мыслей об использовании биотики пришлось отказаться. Его все еще мутило после удара, и великан подозревал, что заработал серьезное сотрясение мозга. Но стрелять это не мешало.

Положившись на то, что система автоматического нацеливания компенсирует дрожь в руках, он направил винтовку на ближайшего противника и открыл огонь.

Выпущенные с такого малого расстояния, пули быстро расправились со щитами. Запаса хватило, чтобы солдат еще успел повернуться к Генделю, но оказалось недостаточно, чтобы он мог выстрелить в ответ.

Второй штурмовик прокрутился на пятках, видя гибель своего товарища, и Генделю пришлось искать укрытия за тяжелым столом. Первая же очередь изломала прочную древесину, но за это время бывший начальник охраны успел на четвереньках перебежать в кладовую.

Высунувшись, чтобы вновь взять противника на прицел, он увидел, что тот уже попал под перекрестный огонь. Гендель поддержал из своей винтовки нескольких квариан, стрелявших с лестницы. Оказавшись зажатым с двух сторон, солдат «Цербера» не продержался и трех секунд.

— Это я, Гендель! — крикнул великан, не желая поймать случайную пулю, слишком быстро выскакивая из хранилища.

— Гендель! — услышал он ответный крик Лемма. — Ты жив!

Он вышел в общий зал и неуклюже переполз через стол. У подножия лестницы его поджидали Лемм, Мал и еще четверо квариан.

— Это последние? — спросил Гендель, кивая на трупы штурмовиков.

— Может, один или двое выжили, — ответил капитан. — Они отступают к «Циниаду».

— Они почти разделились с нами, когда вдруг разом бросились бежать, — добавил Лемм.

— Но почему... — начал было Гендель, но остановился, не окончив фразы. — А где Кали? Джиллиан?

Ему никто не ответил.

— «Цербер» захватил их! — воскликнул он. — Вот почему они отступают!

Все сорвались с места и бросились к стыковочным отсекам.

— Может, пристрелить? — спросил Гоуло.

Грейсон бросил взгляд на Кали. Женщина лежала на полу, а изгой нацелил пистолет ей в затылок.

— Нет, — ответил отец Джиллиан. — Пусть живет. Она эксперт в области биотических усилителей. Полагаю, «Цербер» сможет использовать ее для дальнейшего развития талантов моей дочери.

— Я не стану помогать вам в ваших больных экспериментах, — процедила Кали.

— Тихо, ты, — предупредил Гоуло, поддав ее ногой под ребра.

Грейсон поморщился.

Доктор застонала и перекатилась на спину, схватившись руками за ушибленный бок.

— Джиллиан возненавидит тебя, — прохрипела Кали. — Она никогда не простит тебя.

Кварианин снова ударил ее ногой, и женщина подобрала колени, скорчившись в позе эмбриона.

— Хватит уже! — прорычал Грейсон.

— Как ты можешь поступать так с собственной дочерью? — процедила доктор сквозь стиснутые от боли губы.

— Видела погрузчик на палубе? — спросил Грейсон. — Теперь понимаешь, на что способна Джиллиан? И все это благодаря «Церберу»!

— Они хотят превратить ее в оружие, — возразила Кали, тяжело дыша под своей маской. Грейсон подозревал, что у нее сломано несколько ребер. — Они сделают из нее

чудовище.

— Они сделают ее спасителем человеческой расы, — сказал он.

— У нас мало времени, — предупредил Гоуло.

— Они убивают ее, — прорычала Кали, и ее голос был полон боли и ярости. — Эти препараты только ухудшают ее состояние. Без них у нее есть возможность стать практически нормальной!

Грейсон вдруг вспомнил, как дочь по-настоящему обняла его возле шлюза. Вспомнил эмоции, проступившие в ее голосе, и неожиданную капризность. «Мы должны дождаться моих друзей. Без них не полечу».

— Джиллиан была счастлива здесь, — продолжала Кали. — А ты видел, какой она была прежде? С нами она действительно счастлива!

— Да заткнись ты уже! — заорал Гоуло и снова начал избивать женщину.

На сей раз он не остановился, пока Грейсон не крикнул:

— Прекрати! Хватит! Все уже!

Гоуло оглянулся, слегка задыхаясь от усталости, и безразлично пожал плечами. Кали слабо ворочалась, постанывая и что-то бормоча.

Взгляд Грейсона вновь возвратился к Джиллиан, лежащей на кровати. Она казалась такой крошечной, беззащитной и беспомощной. «За спасение надо платить», — прозвучал в его памяти голос Невидимки. Затем агент вспомнил запытанного до смерти кварианина, лежавшего в подвале Пэла.

«Суди нас не по методам, но по целям, которых мы пытаемся достичь».

— Время почти вышло, — напомнил Гоуло. — Пора убираться. Остальных уже некогда ждать.

Грейсона вдруг поразило внутреннее сходство его бывшего напарника и этого изгоя.

Оба были склонны к садизму и подлы. И никогда не отказывались замучить или просто убить кого угодно, если это оказывалось им выгодно. А еще оба были предателями собственного народа. Грейсону стало тошно оттого, что ему приходится называть союзниками подобных выроdkов.

«Мы принимаем на себя тяжкую ношу ради великой цели. Наш долг требует заплатить эту цену».

— Прогревай двигатели. Улетаем! — приказал он.

Когда кварианин отвернулся, Грейсон спокойно подобрал с пола пистолет, приблизился к чужаку сзади и приставил оружие к его затылку. На таком расстоянии кинетические щиты не могли спасти Гоуло. А потом он единственный раз нажал на спусковой крючок, и пуля, пройдя насквозь, проделала отверстие в переборке.

Как только изгой повалился вперед, Грейсон отбросил оружие и посмотрел на Кали. Он мог только предполагать, какие мысли сейчас роятся в голове этой женщины.

— Корабль, на котором мы прилетели, набит взрывчаткой, — сказал он. — У нас осталось около двух минут, прежде чем он взорвется и проделает брешь в борту «Иденны». Мне понадобится твоя помощь, чтобы отключить бомбу.

Он наклонился и протянул руку. Доктор Сандерс помедлила долю секунды, прежде чем принять его помощь и с тихим стоном подняться с пола.

— Идти сможешь? — спросил он.

— Очень постараюсь, — ответила Кали.

Гендель и группа квариан, двигаясь со всей мыслимой скоростью, ворвались в ангар. «Циниад» располагался в седьмом стыковочном отсеке, позади остальных кораблей. Благодаря своему широкому шагу бывший начальник службы безопасности слегка опережал остальной отряд, но квариане догнали его, когда великан удивленно замер на месте. Застыть его заставило появление двух фигур, выбиравшихся из воздушного шлюза третьего отсека.

Кали, все так же скрытая скафандром, и Грейсон, облаченный в броню «Цербера». Женщина обхватила отца Джиллиан за шею, и казалось, что тот поддерживает ее, словно она

сама не могла удержаться на ногах. Вооружены они не были.

— Гендель! — крикнула Кали, но ее голос тут же сорвался на стон боли, и доктор схватилась за бок.

— К «Циниаду»! — окликнул их Грейсон. — Корабль в седьмом отсеке. Там полно взрывчатки!

Гендель, совершенно сбитый с толку представшим перед ним зрелищем, смог только потрясти головой.

— Что происходит? Где Джиллиан?

— С ней все хорошо, — поспешил ответить Грейсон. — Но надо бежать к «Циниаду». Отключить бомбу, пока она не взорвалась!

— О чем это ты?

— «Цербер». Мы не собирались улетать на «Циниаде». Для этого предназначалась моя яхта. «Циниад» набит взрывчаткой, которая должна сработать сразу же, как мы покинем «Иденну», чтобы отвлечь от нас патрули.

— Сколько взрывчатки и сколько времени? — потребовал ответа Гендель.

— Две минуты... и достаточно, чтобы разорвать «Иденну».

— Приглядывайте за ним! — на ходу крикнул Гендель, указывая на Грейсона.

— Стой! — окликнул тот. — Это система двойной синхронизации. Нужно, чтобы код одновременно вводили два человека, или произойдет взрыв.

— Какой код? — спросил Мал.

— Шесть-два-три-два-один-два.

— Всем остальным эвакуироваться! — приказал капитан, отправляясь следом за Генделем. — Вперед!

Около тридцати секунд у них ушло, чтобы добраться до шлюза «Циниада». Рядом лежали тела Айли, Сеето и Уго. Люк же был запечатан.

— Постой, — произнес Мал, хватая Генделя за локоть. — Что, если это ловушка?

Офицер уже успел об этом подумать.

— Рискнуть все равно придется.

Они открыли люк и бегом поднялись на борт исследовательского судна. В грузовом трюме обнаружилось достаточно взрывчатки, чтобы разнести на части средних размеров астероид. По меньшей мере пятьдесят бочек жидкого ракетного топлива — каждая высотой Генделю по плечо — стояли в центре, обвязанные проводами. Откуда-то из самой гущи, куда не представлялось возможным подобраться, доносилось ритмичное попискивание таймера.

— Найди терминал! — закричал Гендель.

Мужчины, разделившись, побежали в разные стороны вокруг скопления бочек.

Гендель попытался подстроить свои внутренние часы под тиканье бомбы. И когда, по его подсчетам, до взрыва осталось около тридцати секунд, ему удалось обнаружить предмет своих поисков — небольшую клавиатуру, примотанную к одной из бочек. От пульта отходили два провода, разветвлявшиеся и подключающиеся к взрывателям. Гендель нисколько не сомневался, что, если попытаться перерезать хоть один из этих проводков, последствия будут печальными.

— Нашел свой! — крикнул Мал с противоположного края.

— Я тоже! — откликнулся Гендель. — Вводим на счет три. Готов? Раз... два... три!

Он вбил кодовое число, зная, что у Мала лишь пара секунд, чтобы повторить эту операцию у себя. Стоило одному из них запоздать или допустить ошибку, и сожалеть было бы уже некому.

Равномерное попискивание таймера внезапно сменилось продолжительным, бьющим по ушам свистом. Гендель инстинктивно закрыл глаза и мысленно приготовился к взрыву...

Но ничего не произошло.

Свист понемногу затих, и Гендель поднял руку, чтобы утереть пот со лба, но, закрытая перчаткой, она только ударилась о щиток шлема.

— Чертов сигнал «Обезврежено», — пробормотал он себе под нос и рассмеялся.

ГЛАВА 25

Сразу же после сражения Грейсон был заключен под стражу. Почти целую неделю его судьба висела на волоске и зависела только от того, какое решение примут Конклав, Адмиралтейство и гражданский совет «Идейны». Но для этого требовалось полностью взвесить все его поступки.

С одной стороны, он спас десятки, если не сотни жизней, предупредив о бомбе. Но Кали, как и все остальные, прекрасно понимала, что этим самым жизням ничто бы и не угрожало, если бы не действия Грейсона. Кроме того, на руках отца Джиллиан хватало крови. Во время нападения на «Иденну» погибло более двадцати членов экипажа, к этому можно было прибавить еще одиннадцать штурмовиков «Цербера» и Гоуло — кварианского предателя. Потери были велики, но могли бы оказаться еще выше.

Мал также принял все факты к сведению, вынося по праву капитана последнее решение. Кали опасалась, что случившееся может сказаться и на их с Генделем судьбе, — в конце концов, ничего бы этого не произошло, не согласись квариане принять их на свой корабль. Впрочем, как выяснилось, она все-таки недооценивала культуру квариан, стоящую на принципе общности экипажа. Их приняли как почетных гостей, объяснял Мал. А это означало, что они стали частью семьи «Иденны».

И капитан не собирался изгонять их, как не собирался возлагать на них ответственность за преступления «Цербера». В результате Мал согласился позволить Кали вернуться в Альянс с отцом Джиллиан в качестве ее личного пленника, выделив для перевозки яхту самого Грейсона. Лемм согласился составить ей компанию, чтобы вести судно и заодно присматривать за арестантом.

Гендель же и Джиллиан решили остаться.

— Уверен, что поступаешь правильно? — спросила Кали у бывшего начальника охраны, когда они прощались, стоя в стыковочном ангаре.

— Так будет лучше для Джиллиан, — ответил великан. — Ты же сама видела, каких успехов она добилась за то время, что провела здесь. Не знаю, что тому причиной: корабль, скафандры, отсутствие уколов... знаю только, что она счастлива на «Иденне». А еще здесь до нее не сможет дотянуться даже «Цербер», — добавил мужчина спустя пару мгновений.

Кали кивнула, понимая, что не сможет переубедить товарища.

Новость о вторжении в Кочующий Флот потрясла до самого основания все кварианское сообщество. Осознав тот чудовищный факт, что даже флотилия не способна их гарантированно защитить, многие капитаны пересмотрели свои взгляды и согласились с необходимостью отправить исследовательские группы в неизведанные области космоса.

В Конклаве велись жаркие споры, но в конечном счете на стороне Мала оказалось подавляющее большинство. Адмиралтейство могло отвергнуть решение, принятое гражданскими, но, судя по всему, и военные тоже решили переметнуться на другую сторону. Конклав согласился, хотя и ввел строгие правила, касавшиеся того, сколько кораблей и когда могут покинуть Кочующий Флот.

Неудивительно, что «Иденна» была избрана в качестве флагмана для первой же исследовательской миссии. Уже через три недели крейсеру предстояло воспользоваться недавно активированным ретранслятором массы в необитаемой звездной системе и отправиться в неизвестность. Уже сейчас на судне вовсю велись работы, которые должны были позволить «Иденне» существовать в автономном режиме около пяти лет без пополнения запасов.

Подобное путешествие требовало сократить экипаж с почти семи сотен граждан до пятидесяти. И каждого лично отобрал сам Мал.

Гендель и Джиллиан также получили его одобрение.

— Думаешь, «Цербер» откажется от поисков за пять лет? — спросила Кали.

Ее друг пожал плечами:

— Не знаю. Во всяком случае, девочка успеет немного подрасти к моменту следующей встречи.

Он посмотрел внутрь яхты, где Джиллиан наедине прощалась с отцом. Поначалу Гендель пытался возражать, но Кали сумела его убедить. Хотя бы такой малости Грейсон все-таки заслуживал.

— Как полагаешь, о чем они говорят? — задумчиво спросил великан.

— Не знаю.

Кали сложно было представить, через что пришлось пройти Грейсону. Все, чем он занимался за свою зрелую жизнь, — каждый поступок, каждое решение — служило «Церберу» «великой и достойной цели». Но в итоге ради своей дочери он решился предать собственные идеалы. К несчастью, именно этот выбор и лишил его возможности остаться с ней.

— Что будешь делать, если Джиллиан станет расспрашивать о нем? — спросила Кали.

— Расскажу правду, — ответил Гендель. — Что ее отец был сложным человеком. Бывало, ошибался. Но любил ее всем сердцем и желал ей только добра. И в конце принял верное решение.

Кали снова кивнула и крепко обняла друга.

— Позаботьтесь о себе, — прошептала она.

— Обещаю.

Они отпустили друг друга, услышав знакомую поступь приближавшегося Лемма.

— Готовы? — спросил кварианин.

Доктор Сандерс понимала, что юноше не терпится высадить их с Грейсоном в ближайшей колонии Альянса и как можно скорее вернуться на «Иденну». Так же как Гендель и Джиллиан, он должен был принять участие в долгом и опасном путешествии.

С Джиллиан Кали уже успела попрощаться, и хоть ей и неприятно было торопить расставание девочки с отцом, но пора было отправляться.

— Я готова, — сказала доктор.

От Куэрво, ближайшей колонии Альянса, их отделяло лишь несколько часов пути. Лемм заранее просчитал курс и ввел его в навигационные системы, а Кали отправила письмо. На космодроме их должен был встретить отряд полиции, чтобы арестовать Грейсона.

Как только яхта набрала скорость, кварианин отправился немного вздремнуть, а Кали и ее пленник остались в пассажирском отсеке, разглядывая друг друга. Грейсон сидел, сложив руки на коленях. В качестве дополнительной меры предосторожности Кали вооружилась станнером и пистолетом.

Она видела, что мужчине очень страшно. Его взгляд, словно в поисках спасения, метался по каюте, а пальцы непрестанно барабанили по колену.

— Надеюсь, вы понимаете, что подписали мне смертный приговор, — произнес он.

— Альянс защитит вас, — заверила Кали. — У вас имеется важная информация по «Церберу». Вы слишком ценны для нас.

— Они не сумеют меня защитить, — возразил Грейсон, покачав головой. — Пройдет, может, месяц, а может, год, но потом их агенты, внедренные в Альянс, доберутся до меня.

— Ну а от меня-то вы чего ждете? — спросила Кали. — Я же не могу вас просто отпустить.

— Нет, — тихо произнес он. — Полагаю, что не можете.

— Вы должны были понимать, чем все закончится, — сказала доктор. — Но все-таки решились нам помочь. Мне казалось, вы хотели бы искупить вину за прежние грехи.

— Предпочел бы искупить их, не расставаясь с жизнью, — мрачно усмехнулся Грейсон.

— Вспомните, почему мы все это делаем, — постаралась подбодрить его Кали. — Это ведь ради Джиллиан.

Упоминание о дочери вернуло слабую улыбку на лицо мужчины.

— Да, пожалуй, вы правы, — сказал он. — Как вы и говорили, перед тем как я прикончил Гоуло, Джиллиан стала счастливой. Полагаю, мне больше нечего желать.

Кали кивнула:

— Вы поступаете прави...

Не дав ей договорить, Грейсон неожиданно вскочил с кресла. Он двигался со стремительностью змеи, стараясь ударить доктора головой в переносицу. Успев среагировать в последнее мгновение, Кали метнулась в сторону, и удар пришелся в плечо. Вес мужчины придавил ее к креслу. Закованные в наручники ладони пытались вцепиться в нее, но доктор сумела отпихнуть противника и ударить его костяшками пальцев в солнечное сплетение.

Задышавшись и хрипя, Грейсон отполз в сторону и свернулся клубком на полу. Кали поднялась и нависла над ним. Все ее мускулы были напряжены и готовы отразить повторное нападение.

— Если попробуешь снова удрать, я тебя пристрелю, — предупредила она, но в голосе ее не было подлинной злобы.

Конечно, сердце Кали билось в ускоренном ритме, а в крови бурлил адреналин, но она понимала, что Грейсон не собирался на самом деле причинять ей боль. Честно говоря, она даже ожидала чего-то подобного: слишком велико было его отчаяние.

Было бы глупо полагать, что он сдастся без боя.

— Поднимайся, — чуть мягче произнесла она, отходя на шаг. — Я не собираюсь тебя избивать. Давай же.

Он перекатился на бок, и только тогда Кали заметила, что Грейсон что-то сжимает в скованных наручниками руках. У нее ушло какое-то мгновение на то, чтобы понять: это станнер. Должно быть, мужчина сумел стащить его во время короткой стычки.

Кали попыталась закричать и предупредить Лемма, но Грейсон выстрелил, и все вокруг погрузилось во тьму.

Когда она пришла в себя, над ней стоял Лемм. Оглядевшись, Кали поняла, что лежит на кровати в спальном отсеке яхты. Ее голова немного кружилась после удара током.

— Где мы? — спросила она, силясь подняться.

— Далеон, — ответил Лемм. — Небольшое поселение волюсов.

— Странно, мне казалось, что мы летим на Куэрво, — произнесла Кали. Последние ее воспоминания были довольно расплывчатыми.

— Я и сам, — пожал плечами кварианин, — знаю только то, что кто-то вырубил меня станнером. А придя в себя, обнаружил, что корабль приземлился на Далеоне.

— Где Грейсон? Что с ним случилось?

— Сбежал, — сказал Лемм. — Если хочешь, мы можем его поискать. Вполне возможно, что он еще не успел покинуть колонию.

Внезапно все вспомнив, Кали покачала головой:

— Думаю, он уже давно исчез. Нам его точно не найти.

— И что теперь? — спросил кварианин.

— Бери яхту и возвращайся на «Иденну», — сказала Кали. — Тебе еще надо много всего успеть перед путешествием.

— А ты?

— Не буду против, если ты забросишь меня в Академию Гриссома, — ответила она. — Детям из проекта «Восхождение» все еще нужна моя помощь.

А потом доктор Кали Сандерс с улыбкой добавила:

— Думаю, я сумею убедить Совет, чтобы меня приняли обратно.

ЭПИЛОГ

Раздался звуковой сигнал, оповещающий о получении нового сообщения. Невидимка оторвался от лежащего на его столе письменного отчета и увидел, что вызов поступил по

защищенной линии.

— Ответ, — приказал он, и на видеоэкране возникло изображение Поля Грейсона.

Невидимка удивленно моргнул. Ему-то казалось, что попытка проникновения на борт кварианского крейсера была провальной, поскольку прошло уже две недели, а никаких известий не поступало. Благодаря доходам «Цербера» он мог регулярно получать самые свежие новости со всей галактики, но нигде не говорилось о каких-либо происшествиях, связанных с Кочующим Флотом. А без информации Невидимка был столь же слеп, как и любой самый обыкновенный человек.

— Поль, — произнес он, слегка наклоняя голову, — сумели ли вы вернуть объект?

— Ее зовут Джиллиан, — ответил его собеседник, не скрывая враждебности в голосе.

— Пусть будет Джиллиан, — ледяным тоном согласился Невидимка. — Так что с заданием?

— Отряд уничтожен. Погибли все, включая Гоуло.

— Все, кроме тебя.

— Меня тоже записывайте в мертвецы, — ответил Грейсон. — Я становлюсь лишь тенью. Вам меня ни за что не найти.

— А твоя дочь? — спросил Невидимка. — Долго ли она сможет скитаться? Жизнь в вечных бегах не для нее. Приведи ее ко мне, Поль, и мы постараемся договориться.

Грейсон рассмеялся:

— Так ведь она не со мной. Она сейчас летит на кварианском корабле в глубине неисследованного космоса, где-то на самом краю галактики. Вам ее никогда не найти.

Невидимка закрипел зубами, осознав, что и в самом деле не сумеет дотянуться до девочки. Тот факт, что Грейсон настолько спокойно выдавал подобные сведения, явственно указывал, что все следы давно остыли.

Глава «Цербера» мог полагаться только на постоянный поток информации, поступающий от агентов, разбросанных по всем мирам Пространства Совета и Пограничных Систем. За пределами этой сети он становился абсолютно слепым.

— Я-то думал, что ты верен нашему делу, Поль.

— Так и было, — ответил Грейсон. — Но потом я увидел, что за люди поддерживают это дело, и решил поменять взгляды.

Невидимка насмешливо посмотрел на экран:

— Поль, я спасаю жизни. Человеческие жизни. И прежде ты это понимал. Но теперь, похоже, ты решил заняться спасением собственной души.

— На моей душе уже столько грязи, что спасти ее поздно.

— Тогда зачем звонить? — В вопросе Невидимки прозвучало растущее раздражение.

— Хочу тебя предупредить, — ответил человек на другом конце провода. — Держись подальше от Кали Сандерс. Попытаешься с ней что-нибудь сделать, и я сдам Альянсу всю имеющуюся у меня информацию.

Начальник «Цербера» внимательно разглядывал своего собеседника. Признаки зависимости от красного песка — налитые кровью глаза, зеленоватый блеск зубной эмали — исчезли с лица Грейсона. И, кроме того, отец Джиллиан явно не блефовал.

— Неужели она столько для тебя значит?

— А это важно? — спросил Грейсон. — Тебе от нее тоже выгоды не много. Особенно если сравнить с теми грязными тайнами, про которые известно мне. Предлагаю сделку: мое молчание в обмен на ее безопасность.

— Мы все равно найдем тебя, Поль, — угрожающе прошипел Невидимка.

— Все может быть, — признал Грейсон. — Но сейчас не об этом. Насчет Кали Сандерс... мы договорились?

Взвесив это предложение, Невидимка кивнул. Потеря Джиллиан отбросила биотические исследования на десять лет назад, но у «Цербера» хватало и других важных проектов, и не было смысла рисковать ими из-за одной неудачи.

Грейсон улыбнулся с экрана, а в следующее мгновение уже исчез, прервав соединение.

Невидимка даже не пытался отследить звонок. Грейсон был слишком хитер, чтобы попасться так просто. Поэтому руководитель «Цербера» просто долго-долго смотрел на черный экран, играя желваками.